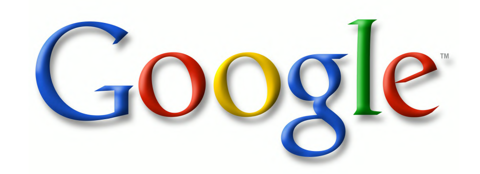
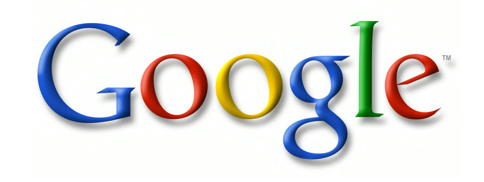
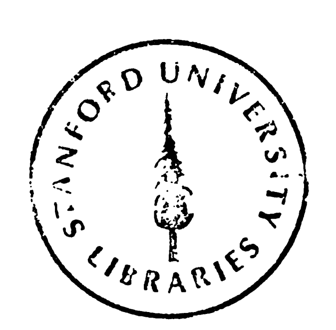

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

А. И. ФАРЕСОВЪ

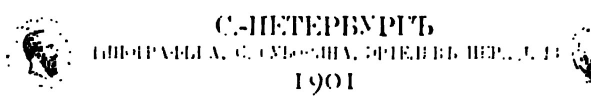
АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ
ШЕЛЛЕРЪ (А. МИХАЙЛОВЪ)

БІОГРАФІЯ И МОИ О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯ

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ)

СОДЕРЖАНІЕ:

См. на оборотъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

Стр.

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

Faresov, A. I.

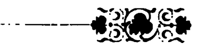
А. И. ФАРЕСОВЪ

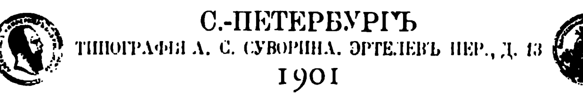
АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

ШЕЛЛЕРЪ

БІОГРАФІЯ И МОИ О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯ

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 8 ФЕВРАЛЯ 1901 Г. СПБ.

I.

Автобіографіи А. К. Шеллера. — Его семья. — Бабушка-аристократка и отецъ «крестьянинъ-эстъ».—Двойное воспитаніе.

Послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, скончался, 21-го ноября 1900 года, извѣстный писатель Александръ Константиновичъ Шеллеръ, произведенія котораго пользовались заслуженной извѣстностью среди образованной публики.

Онъ родился 30-го іюля 1838 года въ Петербургѣ, и первые годы его жизни описаны имъ самимъ въ романахъ «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова» и въ повѣсти «Загубленная жизнь» (приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію» 1892 года). Подъ фамиліею Рудыхъ въ «Гнилыхъ болотахъ» выведена его собственная семья, разумѣется, въ общихъ чертахъ. Достовѣрность автобіографіи подтверждается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что по поводу юбилейныхъ дней А. К., я неоднократно писалъ о немъ статьи въ газетахъ и бралъ для его біографіи свѣдѣнія изъ названнаго романа не только съ вѣдома автора, но часто показывалъ ему и самую рукопись. Онъ всегда находилъ свѣдѣнія о себѣ вѣрными.

Отецъ нашего писателя, Константинъ Андреевичъ, былъ родомъ эстонецъ и, по пріѣздѣ въ молодые годы изъ Аренсбурга въ Петербургъ, былъ опредѣленъ въ театральное училище. Окончивъ курсъ, онъ служилъ въ театральномъ оркестрѣ, но, поссорившись съ дирекціею, поступилъ на службу придворнымъ служителемъ.

Въ одномъ изъ некрологовъ А. К. Шеллера сказано, что, несмотря на очень стѣснительныя обстоятельства, А. К. удалось

очень рано познакомиться съ литературою: одинъ изъ его дядей, Александръ Ивановичъ Шеллеръ, былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ, переводчикомъ оперъ и первымъ насадителемъ на русской сценѣ мелодрамы; бабка и одна изъ тетокъ А. К. были связаны дружбою съ Рылѣевымъ, Крыловымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и др. Вслѣдствіе этого общество, окружавшее А. К. въ дѣтствѣ, состояло преимущественно изъ людей интеллигентныхъ. Друзьями его отца были артисты Дюръ, Брянскій, Смирновъ, художникъ Молдавскій и др.

Этотъ отзывъ о раннемъ дѣтствѣ и юности А. К. требуетъ комментаріевъ. Изъ него можно подумать, что А. К. былъ съ раннихъ лѣтъ окруженъ чуть ли не избраннымъ обществомъ столицы, а между тѣмъ въ автобіографическомъ романѣ «Гнилыя болота» самъ А. К. говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская пила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Отецъ и мать затворились въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья». Вліяніе отца и матери было благотворное на подростающаго сына, но бабушка изъ обѣднѣлаго аристократическаго рода Адамовичей постоянно парализовала это вліяніе тѣмъ, что, по признанію автора, «баюкала меня волшебными сказками, а пуще разсказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ Екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ,—и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой виднѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти разсказы, переданные съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ моею Шехеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «А у меня, бабуся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полною увѣренностью отвѣчала: «Разумѣется, будутъ; выростешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ быть, до генеральскаго чина, и будешь богатъ». Отецъ исподтишка подсмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ: «Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнѣ

трубку». Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекѣ и Гришекъ».

Бабушка усиливала ложное тщеславіе въ ребенкѣ вѣчными напоминаніями о томъ, что «у насъ Ивановыхъ и въ роду не было. Нарышкины, Нелидовы, фонъ-Братке, Адамовичи, князья Черкасскіе, князья Давыдовы—это наши родственники, а мѣщанъ Ивановыхъ у насъ отъ роду не было». (См. «Загубленная жизнь», приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію» 1892 года).

Отецъ Александра Константиновича говорилъ тогда бабушкѣ:

— Да, да, вы-то родня и самому Петру Великому... А я вотъ надняхъ на запяткахъ стоялъ за каретою одного изъ какихъ-то вашихъ родственниковъ. Вы знаете, что ваши родные не наши родные...

«Я не понималъ причинъ этой то глухой, то открытой борьбы бабушки и отца,—говоритъ А. К.,—и росъ между огней. Бабка плѣняла меня разсказами о блескѣ и роскоши Екатерининскихъ временъ; отецъ старался при мнѣ указывать, какими скверными путями добывается иногда богатство; бабка учила меня кичиться тѣмъ, что мы якобы родня Петру, отецъ училъ гордиться тѣмъ, что мы дѣти простого трудового народа. И затѣмъ предо мною проходилъ цѣлый рядъ образовъ «нашей родни», «шеллеровской родни», какъ говорилъ отецъ.

«Лучшей темы разговора для бабушки не было, кромѣ разговора обо мнѣ, единственномъ ея родномъ внукѣ, кумирѣ. Она находила во мнѣ всѣ достоинства, и когда ей замѣчали, что мой покойный братъ Левъ, съ котораго Константинъ Ивановичъ Молдавскій написалъ портретъ младенца Христа, находящійся въ придѣлѣ Исаакіевскаго собора, былъ бы, вѣроятно, впослѣдствіи красавцемъ, бабка всегда пренебрежительно заключала:

— «Ну, что бы вышло изъ него, это еще Богъ вѣсть, а каковъ Шурушка, это мы всѣ видимъ».

При всемъ баловствѣ бабушкою, дѣтство А. К. Шеллера было тяжелымъ. Въ разговорѣ о немъ Шеллеръ неоднократно разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

«Бѣдность была такая, что всѣ мои братья вымерли и не вынесли условій жизни. Родные мои были крѣпышами. Отецъ силачъ, мать здоровая... Однако, дѣти всѣ умирали, одинъ я уцѣлѣлъ. Съ самаго дѣтства мнѣ были знакомы и нужда и горе. Помню до сихъ поръ, какъ въ нижнемъ этажѣ нашей квартиры поставили гробикъ для брата, а я ранѣе уже привыкъ къ тому, что какъ унесутъ этотъ

гробикъ, такъ кого нибудь изъ семьи нашей не хватаетъ... Поставили гробъ и говорятъ мнѣ, чтобы я не плакалъ.

— «Это люлька для братца твоего...

— «Я не хочу такой люльки себѣ,—кричалъ я въ ужасѣ.—Не хочу такой люльки!

«Всѣ мои братья и сестры пропадали въ такихъ «люлькахъ»; одинъ я выжилъ тяжелыя условія нашей домашней жизни.

«Иногда бабушка таскала меня къ дальнимъ, но богатымъ родственникамъ въ гости, и тамъ какой нибудь пажикъ спрашивалъ:

— «Гдѣ служитъ твой отецъ?

— «При дворѣ,—отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— «А какой у него чинъ?—продолжалъ допросчикъ.

«Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгалъ, отвѣчая:

— «Не знаю».

Долго Александръ Константиновичъ находился подъ вліяніемъ родственниковъ по материнской линіи, но, наконецъ, наступилъ и въ немъ переломъ, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее:

«Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что нибудь значу, что счастіе жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, — теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны».

II.

Отецъ — придворный служитель. — Мать. — «Мой родъ».

Если и наступило для Шеллера время критическаго отношенія къ своему аристократизму по материнской линіи, то все-таки двойное воспитаніе съ дѣтства бабушкою-аристократкою и отцомъ-демократомъ безсознательно прорывалось въ сужденіяхъ и поступкахъ нашего писателя. Примириться съ демократическимъ происхожденіемъ онъ могъ только въ нравственномъ аристократизмѣ своихъ родителей и потому говорилъ о нихъ всегда, какъ о самыхъ идеальныхъ и выдающихся людяхъ.

Однажды, по его разсказамъ, кто-то изъ видныхъ лицъ при администраціи двора сказалъ его отцу, что очень много выходитъ денегъ на посуду, и въ заключеніе прибавилъ: «Я въ жизни своей никогда не разбилъ ни одного стакана».

— Неудивительно, что вы не били посуды,—перебилъ отецъ.— Вы никогда и не мыли ее за собой.

Въ другой разъ то же лицо, любуясь фонтанами въ Петергофѣ, замѣтило: «А вѣдь Самсонъ-то сталъ хуже выбрасывать воду. Прежде онъ билъ струю выше деревьевъ, а теперь ниже»...

— Неудивительно,—сухо поправилъ отецъ:—деревья растутъ, а Самсонъ не растетъ.

Случилось, что у одного придворнаго генерала проворовался сынъ, и этотъ генералъ, встрѣтивъ Константина Андреевича, спросилъ смѣясь: «А вашъ сынъ-то въ литературу пустился?.. Чуть-чуть что не Шиллеръ».

Старикъ нахмурился и промолчалъ.

— Да вы, кажется, обидѣлись? Я вѣдь пошутилъ...

— Да, я обидѣлся,—отвѣтилъ отецъ:—именно тѣмъ, что не могу въ свою очередь пошутить и спросить васъ, куда вашъ сынъ пустился...

По разсказамъ Александра Константиновича, его отецъ былъ дѣйствительно выдающимся человѣкомъ, умѣвшимъ во всякомъ званіи сохранить свое достоинство и даже оригинальность привычекъ.

«Онъ былъ человѣкомъ правой, а не лѣвой руки, — говорилъ про него сынъ.—Довольно тяжело всю жизнь держаться своей правой стороны... При встрѣчѣ съ людьми на улицѣ—стоять, кто бы ни шелъ, не двигаясь съ мѣста, и говорить: я иду своей правой стороной, совѣтую и вамъ то же дѣлать... Тогда никогда не будетъ непріятныхъ столкновеній.

Разумѣется, это приносило Константину Андреевичу массу непріятностей, но послѣдній, выражаясь символически, никогда не сворачивалъ съ дороги ни передъ кѣмъ.

Александръ Константиновичъ часто разсказывалъ мнѣ не только о сильномъ характерѣ и умѣ своего отца, но и объ удивительно добромъ его сердцѣ.

«У насъ были украдены,—говорилъ онъ,—старинныя, красной мѣди, кастрюли, которыми особенно дорожила мать...

— «Это память,—восклицала она.—Въ этихъ кастрюляхъ готовили себѣ обѣдъ еще мои родители.

— «Прекрасныя были кастрюли,—философски согласился отецъ, нисколько не возмущаясь.

— «Ничего прекраснаго въ нихъ не было,—продолжала она,— измятыя были кастрюли и претяжелыя... А онѣ дороги по воспоминаніямъ.

— «Я понимаю! Понимаю... Ну, сказала разъ и довольно плакаться. И безъ кастрюль можно жить!

«Философія не помогала, и мать сердито отвѣтила:

— «Тебѣ, батюшка, хоть весь домъ растащи—все равно...

«На другой день отецъ возвращался со мной изъ гостей домой и повстрѣчалъ на дворѣ маленькихъ дѣтей сапожника. Онъ приласкалъ ихъ и одинъ изъ нихъ похвастался:

— «А мы мясо ѣли сегодня!

— «Почему такъ? Что за праздникъ?—удивленно спросилъ отецъ, зная бѣдноту ихъ многочисленной семьи.

— «Батька продалъ кастрюли и купилъ мясо,—болтали дѣти.

— «Красныя кастрюли, съ помятыми боками?—спросилъ отецъ и тотчасъ же сконфузился отъ своего допроса.

— «Красныя!—словоохотливо болтали малютки.

«Отецъ съ испугомъ взглянулъ на меня и вдругъ рѣзко сказалъ:

— «Молчи! Матери не разсказывай... Не огорчай ее. Это наши кастрюли. Дѣтей жаль... По цѣлымъ годамъ мясо не ѣдятъ, а у насъ собакамъ каждый день оно варится въ овсянкѣ. Не разсказывай никому... Не обижай бѣдныхъ людей!

«Голосъ отца былъ серьезенъ и строгъ».

Въ другой разъ его отецъ подалъ милостыню какому-то нищему, и тотъ прямо пошелъ въ кабакъ.

— Зачѣмъ ты далъ ему денегъ?—сказалъ мальчикъ.—Онъ пить водку пошелъ.

Это замѣчаніе вызвало въ Константинѣ Андреевичѣ гнѣвное восклицаніе.

— Можетъ быть, ему водка нужнѣе хлѣба! Почемъ ты знаешь? Ты еще ничѣмъ не заслужилъ судить несчастныхъ людей!

Этому спартанцу и философу А. К. обязанъ лучшими сторонами своего характера и лучшими взглядами на жизнь, которые онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Что касается матери, то она была тоже весьма хорошей женщиной. «Нравственная чистоплотность и брезгливость были основными чертами ея характера. Дурные люди были для нея мертвыми людьми, о которыхъ нечего было говорить, не имѣя возможности говорить о нихъ хорошее».

Въ нравственномъ аристократизмѣ отца и матери А. К. нашелъ успокоеніе по вопросу о своемъ происхожденіи и посвятилъ имъ гордое стихотвореніе подъ заглавіемъ:

Мой родъ.

Въ моей семьѣ не сохранились
Остатки грамотъ и гербовъ,
Однимъ сознаньемъ мы гордились,
Что не имѣли мы рабовъ,
Что въ нашихъ предкахъ также бились
Сердца простыя мужиковъ.

* * *

Отецъ мой вышелъ изъ народа...
Дитя тѣхъ жалкихъ, скудныхъ мѣстъ,
Гдѣ смотритъ мачихой природа,
Гдѣ бѣдняки тяжелый крестъ
Несутъ смиренно въ родъ изъ рода,—
Онъ былъ простой крестьянинъ—эстъ.

* * *

Съ пеленъ оставшись сиротою,
Не научившись спину гнуть,
Онъ съ неуклонной прямотою,
Въ трудѣ надсаживая грудь,
Одинъ боролся съ нищетою
И самъ расчистилъ къ жизни путь.

* * *

Онъ не готовилъ мнѣ наслѣдства,
Но неподкупенъ, твердъ и смѣлъ,
Онъ далъ къ работѣ всѣ мнѣ средства
И закалить мой духъ сумѣлъ,—
Такъ закалить, что въ годы дѣтства
Я предъ нуждою не робѣлъ.

* * *

Прошли года — онъ спитъ въ могилѣ.
Меня могила тоже ждетъ,
Но честь свою мы сохранили
Среди лишеній и невзгодъ
И малодушно не покрыли
Позоромъ свой крестьянскій родъ.

III.

Послѣдствія двойнаго воспитанія.—Сложный характеръ Шеллера.—«Лучшая его часть»...—Образованіе Шеллера.—Первая работа въ «Весельчакѣ за 1859 г.—«Недоросъ до-романа»...—Перерывъ литературной дѣятельности.—Возобновленіе ее въ «Современникѣ» за 1863 г.—Секретарь редакціи.

Трагизмъ двойного воспитанія Шеллера аристократами-родственниками и демократомъ отцомъ описанъ имъ самимъ въ романѣ «Гнилыя болота». Шеллеръ, дѣйствительно, являлся иногда то невыносимымъ аристократомъ, съ требованіемъ первенства, необыкновенной обидчивостью и ѣдкимъ сарказмомъ, то ярымъ демагогомъ, защитникомъ «Пролетаріата», «Анабаптистовъ» и нашихъ собственныхъ Благолѣповыхъ съ яркимъ обвиненіемъ зарождающейся у насъ буржуазіи (ром. «Голь»). Близкихъ друзей Шеллера всегда поражала въ немъ эта двойственность; но корень ея лежитъ въ его раннемъ воспитаніи и національности. Если вспомнить въ дополненіе къ сказанному, что онъ провелъ дѣтство и юность также въ значительной мѣрѣ среди кофейницъ и салопницъ въ комнатѣ матери, при отсутствіи природы и товарищей дѣтскихъ игръ, то сложный характеръ Шеллера найдетъ себѣ надлежащее объясненіе. Книги и литературная среда содѣйствовали развитію его большихъ умственныхъ способностей, но вполнѣ перевоспитать сильный характеръ Шеллера, т. е. прочно сложившіяся привычки, онѣ не могли... Слѣдуетъ также вспомнить, что поклоненіе публики писателю также мѣшаетъ его самокритикѣ. Этими условіями разъясняются многія странности въ Шеллерѣ и примиряютъ насъ съ его отрицательными сторонами. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы перейдемъ теперь къ положительнымъ сторонамъ его большого ума, блестящей діалектикѣ, остроумнымъ бесѣдамъ, необыкновенному трудолюбію, солидной образованности и общественнымъ заслугамъ его литературнаго пера. Кто зналъ эту «лучшую его часть», тотъ мирился съ его недостатками, избѣгалъ въ его присутствіи множества раздражающихъ его темъ, щадилъ его привычки и, возвышаясь настроеніемъ въ духовномъ съ нимъ общеніи, любилъ этого богато одареннаго человѣка, всецѣло занятаго въ спокойномъ состояніи духа судьбами исторіи, литературы и искусства. Даже лица, мало симпатизировавшія ему, бывали подавлены и покорены его положительными достоинствами. У меня сохранилось письмо Н. С. Лѣскова

о Шеллерѣ, которое прекрасно иллюстрируетъ мою собственную въ данномъ случаѣ мысль объ усопшемъ писателѣ. Лѣсковъ писалъ мнѣ:

«Обратите, пожалуйста, Анатолій Ивановичъ, ваше вниманіе на «Конецъ Бирюковской дачи» и скажите по совѣсти: много ли вы встрѣчали и встрѣтите въ русской печати такого внимательнаго, умнаго и прямо внушительнаго отношенія къ бытовому горю разореннаго русскаго деревенскаго дворянства. Всѣ мы кое-что знаемъ и всѣ болтаемъ это, а такого умнаго и простого дѣла не говорили. И вотъ этотъ Шеллеръ нашелъ настоящее умное отношеніе къ дѣлу, и это отличаетъ этого человѣка отъ всѣхъ прочихъ говоруновъ и невѣгласовъ, и заставляетъ относиться къ нему съ уваженіемъ и съ любовью. Каковы бы ни были свойства его личнаго характера, это—его дѣло, а для проясненія общественнаго сознанія онъ служитъ превосходно, обнаруживая здравыя понятія и любовь къ тому, что оскорблено и унижено. Не хорошо играть на пониженіе репутаціи человѣка, который съ такимъ мастерствомъ ведетъ полезную работу въ нынѣшнее преглупое и преподлое время. Всѣхъ, которые занимаются тѣмъ же дѣломъ, какъ и онъ, я съ радостію отдалъ бы за него одного. А подумаемъ лучше вотъ о чемъ: отчего это мы всѣ вѣдь знали то же самое, что и ему извѣстно, а вотъ мы начнемъ говорить и затянемъ «антимонію» чортъ знаетъ про какія не насущныя явленія, а онъ что ни долбанетъ, то прямо въ жилу, и сейчасъ оттуда руда мечется наружу, и хочется плакать, и хочется помогать, и становится стыдно и гадко о себѣ думать? Это и есть несомнѣнный признакъ присутствія ума, чувства и таланта и при томъ въ превосходномъ ихъ, гармоническомъ сочетаніи. И если кто этого въ немъ не видитъ и не чувствуетъ, то я буду думать, что я Шеллера знаю болѣе, чѣмъ другой его знаетъ, хотя лично я съ Шеллеромъ и мало знакомъ, и мнѣ это не нужно: я знаю «лучшую его часть».

Это письмо Лѣскова въ особенности цѣнно тѣмъ, что онъ отлично зналъ неровный характеръ Шеллера, но также зналъ и «лучшую его часть», и преимущественно цѣнилъ ее въ нашемъ писателѣ.

«Лучшая часть» въ Шеллерѣ заключается въ его литературной дѣятельности и большомъ съ нею связанномъ характерѣ. Этотъ большой характеръ сказался у него и въ первыхъ шагахъ его литературной дѣятельности, и въ послѣдующей жизни. Получивъ первоначальное образованіе въ нѣмецкой школѣ (Annen-Schule), онъ поступилъ потомъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій универси-

теть и оставался тамъ до первой студенческой исторіи 1861 г. Дальнѣйшее образованіе его заключалось въ самостоятельномъ изученіи иностранной литературы о соціальныхъ вопросахъ—этого общаго источника нашихъ познаній о прогрессѣ.

По выходѣ изъ университета, онъ увлекся педагогіей и основалъ (на имя полковника Костылева, на Вознесенскомъ, около Садовой) школу для бѣдныхъ людей, въ которой дѣти получали первоначальное образованіе за 30—60 коп. въ мѣсяцъ, а по субботамъ шли для взрослыхъ лекціи по географіи, исторіи, и предпринимались прогулки съ дѣтьми по музеямъ и т. д. Учениковъ собралось до 100 человѣкъ, но школа существовала всего до конца 1863 года, когда пришлось противъ желанія повысить плату за обученіе и измѣнить характеръ школы. По закрытіи ея, А. К. Шеллеръ поѣхалъ за границу, подготовляя матеріалъ для книги: «Пролетаріатъ во Франціи» и «Ассоціаціи». Къ этому времени относится и начало его литературной карьеры.

Принято думать, что Шеллеръ выступилъ на литературное поприще въ 1863 г., и самъ онъ справлялъ свой двадцатипятилѣтній юбилей 10 октября 1888 года. Но этотъ годъ не совсѣмъ точно опредѣляетъ начало его писательской дѣятельности. Въ иллюстрированномъ журналѣ А. Плюшара «Весельчакъ» за 1859 г. имѣются статьи Шеллера подъ заглавіемъ: «Мои бесѣды», подписанныя А. Релешъ. Читая подпись наоборотъ, получимъ собственную фамилію писателя. Въ этихъ полусатирическихъ фельетонахъ чрезвычайно остроумно Шеллеръ писалъ обо всемъ: о происхожденіи тогдашняго литературнаго наводненія безсодержательными произведеніями; объ особенной любви пишущей братіи къ скандальнымъ сюжетамъ и воспроизведенію живыхъ людей изъ личной мести... «Какъ разсердятся писатели на кого нибудь, сейчасъ про того и напишутъ повѣсть, только прикрасятъ немного или, лучше сказать, причернятъ. Люди, того не знающіе, говорятъ: «вотъ знатокъ жизни», а того не знаютъ, что онъ своего папеньку да свою маменьку на показъ вывелъ, будто звѣрей какихъ за деньги выставилъ. Нынче, изволите видѣть, денежная взятка дѣло опасное; какъ разъ отхлещутъ въ журналахъ; а литературная месть какого нибудь мерзавца дѣло обыкновенное... Говорятъ: писателю нужны сюжеты! Такіе забавники! во всемъ найдутъ оправданіе». Не менѣе остроумны «бесѣды» А. Релеша о паденіи искусства въ томъ случаѣ, «когда начинаютъ хвалить поэтовъ за музыкальность», и объ упадкѣ критики, «когда ругаютъ авторовъ и молчатъ про произведенія»; горько упрекаетъ

онъ своихъ собратьевъ за неумѣнье «смѣяться» и за распространенное глумленье надъ неудачами ближнихъ или надъ чиновниками, берущими взятки при двѣнадцати-рублевомъ жалованіи... «А дальше ни шагу; будто только изъ этихъ двухъ элементовъ и сложилась русская жизнь... укажите дорогу громкому и разумному смѣху надъ собой, надъ вами, надъ нами, но не надъ наружной стороной, а надъ внутренней, гораздо важнѣйшей». Эти краткія извлеченія изъ первоначальнаго труда г. Шеллера, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ находился въ курсѣ животрепещущихъ вопросовъ и былъ совершенно подготовленъ къ ихъ разрѣшенію. Однако онъ говорилъ мнѣ неоднократно:

— «Плюшаръ платилъ мнѣ за «бесѣды» сто рублей въ мѣсяцъ, и, конечно, я легко могъ бы начать свою дѣятельность съ 1859 года въ качествѣ фельетониста, но это-то меня именно и пугало... Мой отецъ также предостерегалъ меня отъ фельетонной работы, говоря, что «по мелочамъ не составишь себѣ имени». Я также и самъ видѣлъ массу даровитыхъ людей, растерявшихъ на фельетонахъ всѣ свои образы и идеи, и сдѣлавшихся совершенно негодными къ крупному труду. Но сознавая, что я могу быть недурнымъ фельетонистомъ, я въ то же время чувствовалъ, что «до романа я не доросъ»... Мы съ отцомъ и матерью тогда очень нуждались въ деньгахъ, но у меня хватило мужества добровольно прекратить сотрудничество у Плюшара и не браться за перо до тѣхъ поръ, пока я не созрѣю до романа. Я рѣшилъ не появляться въ литературѣ, пока не напишу двухъ хорошихъ романовъ, и только тогда позволить себѣ явиться къ Некрасову и Щедрину».

Обстоятельство это въ жизни писателя, скажемъ мы, весьма поучительно. Если бы ему слѣдовало большинство нашихъ писателей, то многіе изъ нихъ давно вышли бы изъ числа такъ называемыхъ все еще «молодыхъ» литераторовъ и были бы менѣе озлоблены на ту же самую литературу.

О своемъ дебютѣ въ литературѣ Александръ Константиновичъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

— «Я не хотѣлъ выступать на литературное поприще, не написавъ предварительно двухъ большихъ романовъ. Между тѣмъ, я иногда прочитывалъ своимъ друзьямъ нѣкоторыя свои стихотворенія и главы изъ романа «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова». Чтеніе стиховъ нравилось присутствующимъ, но самъ я не рѣшался нести ихъ на судъ какой либо редакціи. Тогда-то одинъ изъ самыхъ близкихъ ко мнѣ друзей, нѣкто А. Михайловъ, взялъ нѣ-

сколько стихотвореній и, безъ моего вѣдома, отослалъ ихъ въ «Современникъ», подписавшись подъ ними собственной фамиліей. Долгое время я не зналъ объ этой дружеской услугѣ, но, разумѣется, былъ радъ, увидѣвъ свою музу въ печати. Въ это время романы «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова» уже близились къ концу, и первая часть «Гнилыхъ болотъ» была совершенно приготовлена къ печати. Я пошелъ съ нею въ редакцію «Современникъ», гдѣ меня встрѣтилъ довольно грубо секретарь редакціи А. Ф. Головачевъ, женившійся потомъ на Авд. Яковл. Панаевой. Послѣ, узнавъ хорошо этого человѣка, я могъ убѣдиться, что это человѣкъ не злой, обыкновенно деликатный, хотя и безхарактерный.

— «Что же вы несете въ редакцію первую часть романа?—рѣзко спросилъ онъ.—Кто же будетъ читать неоконченную вещь!

— «Да вѣдь дурака видно по первой фразѣ,—спокойно перебилъ я его.—А я вамъ даю половину романа съ совершенно законченнымъ сюжетомъ.

— «Я передамъ на просмотръ, но едва ли рукопись безъ конца можетъ быть принята.

«Это было, положимъ, въ пятницу, а въ понедѣльникъ я уже снова явился въ редакцію, узнавъ, что мои стихи напечатаны въ «Современникѣ». Головачевъ, вѣроятно, думалъ, что я пришелъ говорить о романѣ, и уже крикомъ встрѣтилъ меня:

— «Ваша рукопись передана, и въ свое время вы узнаете отвѣтъ. Чего вы шляетесь и надоѣдаете преждевременными справками... Не вы одинъ у насъ.

— «Да я шляюсь къ Некрасову, а не къ его лакею. Мнѣ нужно самого Некрасова и получить гонораръ за стихи...

— «Какіе стихи?

— «Стихи А. Михайлова...

— «Такъ вы бы такъ съ самаго начала и сказали, что вы Михайловъ. Я сейчасъ скажу о васъ Некрасову,—вдругъ мягко произнесъ онъ».

Некрасовъ вышелъ къ Шеллеру со словами:

— Батюшка! да что же вы до сихъ поръ не приходили? Мы черезъ публикацію на обложкѣ «Современника» приглашали васъ до напечатанія стиховъ явиться въ редакцію или сообщить свой адресъ, а вы появились и пропали...

— «Да я и не появлялся... Это мой пріятель послалъ мои стихи подъ псевдонимомъ А. Михайловъ, и я самъ вчера объ этомъ узналъ изъ книжки «Современника». Теперь я принесъ вамъ романъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.

(Съ фотографіи, снятой за мѣсяцъ до кончины).

— «Романъ? Такъ вы и романы пишете? Вотъ отлично. Гдѣ?

— «Секретарь говоритъ, что передалъ вамъ.

— «Никакого романа отъ А. Михайлова мнѣ не передавали. Такъ и есть,—сказалъ онъ, принимая отъ Головачева рукопись.—Подъ зеленое сукно положили, и лежалъ бы онъ тамъ непрочтеннымъ и возвращеннымъ вамъ такимъ же. Все самому надо въ редакціи дѣлать, а не черезъ другихъ».

Черезъ два дня Шеллеръ получилъ отъ А. Головачева слѣдующую записку:

«Милостивый государь

«Александръ Константиновичъ.

«Некрасовъ просилъ меня извѣстить васъ, что онъ будетъ дома завтра, въ четвергъ, въ 12 часовъ утра, и если вамъ удобенъ этотъ часъ, то онъ ждетъ васъ.

«Готовый къ услугамъ вашимъ

«А. Головачевъ».

28 октября.

«Гнилыя болота» были приняты въ «Современникъ» подъ тѣмъ же псевдонимомъ, подъ которымъ авторъ и ранѣе напечаталъ свои стихотворенія.

IV.

Литературное поприще.—Письмо Шеллера въ газетахъ послѣ 25-лѣтняго юбилея.—Какъ онъ писалъ свои романы.—Старость и болѣзнь.—Параличи, неврастенія, грудная жаба.—Раздражительность.—Необезпеченность.—Пенсія изъ фонда при академіи наукъ.—Циркуляръ отъ 8-го февраля 1898 г. за № 314 и статья «Литературныя пенсіи».—Письмо Шеллера къ вице-президенту императорской академіи наукъ Л. Майкову.—Помощь «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературный фондъ).

Одновременно съ «Гнилыми болотами», печатавшимися въ «Современникѣ» за 1864 годъ, былъ принятъ редакціей того же журнала и другой романъ Шеллера «Жизнь Шупова», печатавшійся въ 1865 году. Оба романа создали автору сразу громкое имя. По прекращеніи «Современника», А. К. приглашенъ былъ редакторомъ

по иностранному отдѣлу въ «Русское Слово», а по закрытіи этого журнала принялъ общую редакцію «Дѣла», гдѣ появлялись и его романы («Господа Обносковы», «Засоренныя дороги», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» и т. д.) и научныя статьи («Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ» и др.). А за отсутствіемъ Н. В. Шелгунова онъ велъ въ теченіе трехъ лѣтъ внутреннее обозрѣніе въ томъ же журналѣ. Одновременно онъ принималъ участіе и соредакторство въ «Недѣлѣ» при Генкелѣ и Конради, а съ 1877 г. состоялъ редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія» и за послѣдніе годы газеты «Сынъ Отечества». Въ 1895 году появилось его «Полное собраніе сочиненій» въ XV томахъ.

Сорокъ лѣтъ трудовой жизни почти безъ развлеченій и отдыха отразились на здоровьѣ Александра Константиновича. Единственной радостью его жизни было сознаніе полезности своей литературной дѣятельности, высказанное имъ, послѣ 25-лѣтняго юбилея, въ слѣдующихъ скромныхъ словахъ: «Моя роль—роль второстепеннаго литературнаго дѣятеля, дѣлающаго по мѣрѣ силъ и разумѣнія свое дѣло. Я никогда не огорчался, какъ бы ни цѣнили размѣры моего таланта; но я всегда стремился къ тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакалъ дурнымъ инстинктамъ, пробуждалъ злыя чувства, или мѣнялъ свои взгляды и убѣжденія, и съ этой стороны меня едва ли могутъ упрекать даже тѣ, кому вовсе не симпатична моя дѣятельность. По моему убѣжденію, къ этому—и только къ этому—долженъ стремиться каждый второстепенный литературный дѣятель, такъ какъ единственно въ этомъ и состоитъ его сила и значеніе. Не краснѣть въ старости ни за одну написанную въ молодости строку—вотъ высшее благо подобныхъ дѣятелей». Разумѣется, значеніе А. К. Шеллера гораздо значительнѣе въ русской литературѣ, но несомнѣнно и то, что ему нерѣдко приходилось утѣшать себя умаленіемъ своихъ положительныхъ заслугъ и радоваться только честному своему имени. Трудолюбіе Шеллера было изумительное, хотя самъ онъ не замѣчалъ его въ себѣ. Когда ему одна изъ петербургскихъ декадентокъ сказала, что онъ страдаетъ многописаніемъ, то Шеллеръ горячо возразилъ ей:

— Во-первыхъ, я пишу очень немного. Приблизительно въ годъ около 16 печатныхъ листовъ, а годъ имѣетъ 365 дней. На мѣсяцъ приходится листъ съ четвертью, а на день что-то очень мало... Золя пишетъ отъ 30 до 34 листовъ, а поменьше талантомъ—такъ тѣ по 51 и 60 листовъ.

— Шестнадцать листовъ въ годъ!—продолжала она.—Это много!

— А какъ бы вы хотѣли?

— Я хотѣла бы четыре мѣсяца отдыхать лѣтомъ около моря, а за зиму написать одно хорошее стихотвореніе.

— Чтобы жить на одно стихотвореніе четыре мѣсяца у моря надо, чтобы вамъ платили не за строчку, а за каждую букву по золотому. Я такъ высоко не цѣню свои работы.

— Но вѣдь это отражается на талантѣ.

— Что отражается? Проповѣдуемое вами бездѣльничество—да... Вѣдь оттого, что четыре мѣсяца вы отдыхаете и пишете за зиму повѣсть съ воробьиный носъ и одно стихотвореніе, вы не будете лучше писать. А скорѣе разучитесь... Бездѣльничество въ литературѣ такъ же пагубно для таланта, какъ и ремесло!

Дѣйствительно, не смотря на многописаніе, г. Шеллеръ тщательно отдѣлывалъ свои произведенія и затрачивалъ на нихъ массу труда. Неоднократно онъ говорилъ мнѣ:

— Я переписываю каждую свою вещь по четыре раза. Въ первый разъ я пишу содержаніе романа или повѣсти. Дѣйствующія лица у меня расговариваютъ, развертываютъ самое дѣйствіе и сюжетъ. Во-второй разъ я пишу обстановку: вѣдь не голые же и не въ облакахъ у меня герои бесѣдуютъ и живутъ между собой. На обстановку и описаніе среды, наружности, одежды и т. д. идетъ очень много труда, и я не могу сдѣлать обстанонку одновременно съ содержаніемъ: въ большомъ романѣ легко тогда перезабыть и характеры, и даже имена героевъ. Вѣдь романъ пишется годами! Все нужно отдѣльно написать. Въ-третій разъ я исправляю самое содержаніе. Исправленія всегда значительныя. Развитіе содержанія, осмысленность романа и его этическое значеніе—очень трудно сдѣлать. Въ этомъ все значеніе художника..- Въ четвертый разъ я исправляю слогъ и техническіе недостатки. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ роману появиться въ печати, онъ выдерживаетъ четыре переписки.

Къ этой почти аскетической жизни по трудолюбію присоединились за послѣдніе годы склерозъ артерій и необезпеченная старость. Постоянные объ этомъ разговоры побудили одного изъ его друзей въ маѣ 1895 году написать въ литературный фондъ при академіи наукъ заявленіе о томъ, что перенесенные Александромъ Константиновичемъ Шеллеромъ параличи и отсутствіе постороннихъ средствъ къ жизни, кромѣ пера, надрываютъ послѣднія его силы. Между тѣмъ, при назначеніи ему приличной пенсіи, независимо

отъ текущихъ его заработковъ, отражавшихся губительно на его здоровьѣ, онъ могъ бы сохранить себя на многіе годы для литературы. По этому заявленію въ «постоянную комиссію для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ», была назначена Шеллеру съ 1-го іюня 1895 года пенсія въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ. Разумѣется, при дорогомъ и постоянномъ лѣченіи, онъ не могъ жить на такія ничтожныя средства и принужденъ былъ убивать себя въ качествѣ редактора «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества». Склерозъ артерій, какъ послѣдствіе «усталаго сердца», выражался у Шеллера то въ параличѣ руки, ноги и пищевода, то кровоизліяніемъ въ правый глазъ и окончательною утратою въ немъ зрѣнія, то мучительной нейрастеніей и т. д. Ему дѣлали операціи, онъ лѣчился электричествомъ и даже внушеніемъ, но медицина не могла дать ему новаго сердца, а старое—все болѣе и болѣе отказывалось служить. Болѣзненное состояніе доводило его иногда до того, что онъ на многія событія въ общественной жизни сталъ смотрѣть съ патологической точки зрѣнія и, можетъ быть, во многомъ былъ правъ... Помню, въ разговорѣ объ Ольгѣ Палемъ, А. К—чъ сказалъ:

— Она убила Довнара и уже, конечно, не убьетъ болѣе никого другого. Это убійца по несчастію, а не преступница. Всѣ нейрастеники могутъ быть такими несчастными. Я, напримѣръ, въ послѣднее время самый типическій нейрастеникъ отъ 4 часовъ утра до 8 часовъ. Я засыпаю около 12 часовъ, сплю хорошо до 4, а затѣмъ я просыпаюсь подъ давленіемъ вопроса: «Что будетъ дальше? Что меня ждетъ?» Чувствую, что мозгъ сверлитъ какая-то неотвязная мысль, и иногда эти вопросы преслѣдуютъ меня по самому пустому обстоятельству, и я отлично самъ это знаю, но отдѣлаться отъ вопроса—что будетъ?—не могу... Я зажигаю свѣчу, беру «Брема» и читаю часъ—полтора... Потомъ опять засыпаю и тотчасъ же вновь просыпаюсь. Новая мысль пробудила меня и точитъ мозгъ съ прежней силой. Я ворочаюсь на постели, встаю, опять ложусь, а въ головѣ стоитъ сотрудникъ, которому я обѣщалъ помѣстить статью и не помѣстилъ, хотя за статью автору и переплачено, и онъ не будетъ даже разговаривать о ней. Я это отлично знаю, а все-таки лишаюсь сна отъ неотвязчивой мысли: а что если онъ скажетъ: дайте статью обратно; а статья-то, съ маковое зернышко, давно потеряна... Что же будетъ? Вотъ и лѣзутъ въ голову мысли, что онъ меня убьетъ, опозоритъ... Я бѣшусь на самого себя, ругаюсь идіотомъ, и такъ продолжается до

8—9 часовъ утра. И не мудрено: эта газетная работа, корректура по ночамъ и сотрудники съ ихъ дневниками о томъ, что каждый изъ нихъ думаетъ—а думать интересно изъ нихъ никто не умѣетъ—сведутъ меня съ ума... Въ это время я совершенно невмѣняемый и могу чортъ знаетъ что про себя представить, мучиться страшнымъ вздоромъ, раздражаться на весь міръ, при полномъ сознаніи, что причинъ на сегодняшнее утро къ этому нѣтъ, и что волнуюсь я изъ-за пустяковъ. Умъ работаетъ правильно, а воля подавлена насильственными представленіями, разумъ обезсиливается, и я не могу отвѣчать за себя. Ну, у другихъ людей къ такому состоянія являются даже серіозныя причины, и они совершаютъ въ эти періоды цѣлыя преступленія. Кто знаетъ, что Палемъ не страдала подобной нейрастеніей, измучивъ себя вопросами о томъ, какъ она поругана, что съ ней будетъ, если Довнаръ броситъ ее, какъ жестоко жизнь насмѣялась надъ ней и т. д. Въ этомъ состояніи она и выстрѣлила въ него, а не въ себя, послѣ того какъ онъ сказалъ ей въ лицо, что такія подлыя женщины, какъ она, не способны на самоубійство. Но теперь уже Довнара не существуетъ, вопросы о себѣ въ связи съ его поведеніемъ такъ же умерли, и Палемъ опять станетъ нормальнымъ человѣкомъ. Нейрастеники несчастные люди, а не злодѣи. Въ свои безсонныя ночи я неоднократно мысленно буйствовалъ то у Михаила Петровича Соловьева (бывшій начальникъ управленія по дѣламъ печати), то въ редакціи «Сына»... Утро возвращаетъ мнѣ сознаніе, но я долго не выхожу изъ своего кабинета, все еще опасаясь укусить кого нибудь...

Въ такомъ состояніи А. К—чъ, дѣйствительно, былъ очень тяжелъ, но кто понималъ источникъ его раздражительности и подчасъ обидчивости, тотъ оберегалъ покой его духа и избѣгалъ могущихъ быть столкновеній. Его уже тяготили и сотрудники, и публика. На вопросъ случайнаго сотрудника о томъ, когда будетъ напечатана его рукопись, Шеллеръ съ гнѣвомъ въ голосѣ отвѣтилъ:

— Когда ракъ свистнетъ!

— Что это значитъ?

— Это значитъ,—кричалъ Шеллеръ,—что редакціи нужно знать: вамъ ѣсть нечего, какъ другимъ ея сотрудникамъ, или вы можете ждать?

Разумѣется, никто не признавался въ первомъ, и Шеллеръ уже спокойнѣе дѣлалъ наставленіе:

— То-то и есть! Вы получаете доходы съ имѣнія и состоите на службѣ, а другіе писатели ничего не имѣютъ.

— Но вы писали мнѣ...

— Я ничего не пишу! А секретарь писалъ вамъ о срокѣ, когда всѣ наши сотрудники были сыты, а теперь многимъ ѣсть нечего.

— Въ такомъ случаѣ... Я подожду. Извините.

— Вы все-таки... зайдите,—удерживалъ его Шеллеръ... Черезъ два дня... Прямо ко мнѣ на верхъ около 12 часовъ къ завтраку. Можетъ быть, удастся помѣстить въ этомъ или слѣдующемъ номерѣ, а вы посмотрите корректуру.

Сотрудникъ уходилъ довольнымъ, а Шеллеръ грустно замѣчалъ: «редакторъ не имѣетъ права ни болѣть, ни имѣть нервовъ»...

Даже доктора, лѣчившіе Шеллера, мирились съ его «нервами» за послѣдніе годы его жизни.

— Я лѣчусь внушеніемъ,—говорилъ онъ мнѣ.—Ну, что же: по крайней мѣрѣ, умру естественной смертью, а не отъ лѣкарства. На самомъ дѣлѣ? Смѣшно... Докторъ разъ въ недѣлю внушаетъ мнѣ спокойствіе и т. п., а жизнь всю недѣлю бьетъ меня въ другую сторону; ну, кого же я буду слушать: доктора или жизнь? Наконецъ, у меня у самого большой характеръ, и можетъ ли докторъ своимъ лѣкарствомъ и пассами измѣнить его? Одно шарлатанство. Теперь у меня глазъ залитъ кровью, приходитъ докторъ и, показывая на книгѣ свои пальцы, спрашиваетъ: сколько вы видите пальцевъ? А чортъ ихъ знаетъ!—уже кричу я въ раздраженіи:—у меня глазъ залитъ кровью, вы мнѣ его и вылѣчите; а сколько пальцевъ у васъ на книгѣ—мнѣ все равно.—Это нужно для опредѣленія степени болѣзненности, а я думаю, что это совсѣмъ не нужно; нужно вылѣчить глазъ отъ кровоизліянія въ него, а всѣ эти экзерсисы—тѣ же колдовскіе пріемы, которые не вылѣчиваютъ, а только усиливаютъ иллюзію вылѣчиванія. То же шарланство!

Просто знакомымъ людямъ также было неудобно справляться у Шеллера объ его здоровьѣ. Онъ рѣзко перебивалъ сочувствующаго ему собесѣдника:

— Мой отецъ всегда въ такихъ случаяхъ говорилъ вопрошавшему: «а вы докторъ? Если не докторъ, то не зачѣмъ и спрашивать о моемъ здоровьѣ».

— Вамъ бы поѣхать за границу, на воды, и отдохнуть тамъ...

— А вы заплатите за мою квартиру и дадите мнѣ денегъ на дорогу? Ну, то-то и есть... Зачѣмъ же совѣтовать неисполнимыя вещи?! Предоставьте это уже однимъ докторамъ...

Природная раздражительность въ Шеллерѣ росла по мѣрѣ того,

какъ параличи оставляли послѣдствія въ томъ или другомъ органѣ его тѣла.

— Отнимается все постепенно,—говорилъ онъ.—Доктора поправляютъ, но въ одинъ изъ такихъ припадковъ, который я перенесъ на этихъ дняхъ, я умру. Хорошо, если разомъ, а какъ придется годы жить безъ ногъ или слѣпымъ. Вотъ это пугаетъ меня. На-дняхъ кончается срокъ моего отпуска, и я опять вступаю въ обязанность редактора «Сына Отечества», опять прикованъ каждый вечеръ къ чтенію статей о томъ, что думаютъ о жизни наши выдающіеся сотрудники. Вѣдь черезъ нѣсколько дней я уже не имѣю права хворать и быть не расположеннымъ къ чтенію этихъ статей... А бросить свои занятія и жить на 50 рублей пенсіи я не могу... Я не одинъ и, кромѣ того, старость и лѣченіе требуютъ денегъ, и много денегъ. Неужели мои 40 лѣтъ въ литературѣ, мои до 20 томовъ сочиненій, масса неизданныхъ работъ и дѣятельность редактора въ «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ» и «Живописномъ Обозрѣніи» не даютъ мнѣ права на обезпеченную старость? Вѣдь не даютъ, если ея нѣтъ, и если говорятъ, что я мало нуждаюсь въ пенсіи и могу зарабатывать въ литературѣ большія деньги. Видно, необходимо ослѣпнуть мнѣ и быть выгнаннымъ изъ редакторовъ. Можетъ быть, это скоро и случится, а, можетъ быть, въ такомъ положеніи я еще могу долго протянуть.

Огорченія Шеллера въ этомъ направленіи особенно усилились послѣ полученія имъ, разосланнаго всѣмъ пенсіонерамъ фонда при академіи наукъ, циркуляра слѣдующаго содержанія, отъ 8 февраля 1898 г. за № 314:

«Состоящая при императорской академіи наукъ постоянная комиссія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, въ совѣщаніи своемъ 28-го января сего года, постановила обратиться къ лицамъ, получающимъ пенсію имени императора Николая II, съ нижеслѣдующимъ заявленіемъ:

«Согласно § 9-му правилъ, данныхъ въ руководство означенной комиссіи, пенсіи назначаются по ея усмотрѣнію либо пожизненно, либо до перемѣны обстоятельствъ въ жизни пенсіонера.

«Сообразно съ нимъ, постоянная комиссія, принимая во вниманіе, что сумма, назначаемая ей ежегодно, остается неизмѣнною, а число обращающихся къ ней за пенсіями постоянно возрастаетъ, покорнѣйше проситъ лицъ, пользующихся пенсіями имени императора Николая II, не отказать, буде у кого либо изъ нихъ обстоятельства измѣнились къ лучшему, сообщить ей: не

согласится ли это лицо временно отказаться отъ пенсіи всецѣло, или же частію, въ пользу болѣе нуждающихся тружениковъ печати.

«При этомъ постоянная комиссія, имѣя въ виду заслуги наукѣ и литературѣ, за которыя назначаются пенсіи имени императора Николая II, вполнѣ оставляетъ за отказавшимися лицами право, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ ихъ жизни къ худшему, заявить о томъ комиссіи для назначенія имъ вновь пенсіи. Равнымъ образомъ, комиссія сохраняетъ за собою право прекратить выдачу пенсіи такому лицу, объ улучшившихся обстоятельствахъ котораго до нея дошли достовѣрныя свѣдѣнія помимо собственныхъ сообщеній этого лица.

«Председатель постоянной комиссіи, вице-президентъ императорской академіи наукъ Л. Майковъ».

Многократные мои разговоры съ Шеллеромъ объ этомъ циркулярѣ и совмѣстное его обсужденіе, побудили меня написать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» отъ 13-го мая 1898 г. статью подъ заглавіемъ «Литературныя пенсіи» о томъ, что, конечно поименованный циркуляръ вполнѣ согласуется съ § 9 правилъ, которыми руководится комиссія при назначеніи комулибо пожизненныхъ или временныхъ пенсій «до перемѣны обстоятельствъ въ жизни пенсіонера», но тѣмъ-не-менѣе этотъ параграфъ вызываетъ въ высшей степени для литераторовъ интересный вопросъ, что значитъ въ жизни пенсіонера «измѣнившіяся къ лучшему обстоятельства»? Прежде всего изъ тружениковъ печати «пенсіонеромъ» становится по уставу лицо, заслуженное въ литературѣ и нуждающееся; но за неимѣніемъ у насъ молодыхъ геніевъ, заслуженными литераторами являются всегда старики, а нуждающимися по преимуществу больные. Вопросъ, такимъ образомъ, принимаетъ уже другой видъ, — что значитъ «измѣнившіяся къ лучшему обстоятельства» въ жизни стараго и больного литератора? Наслѣдство въ счетъ не идетъ, такъ-же, какъ и призрачное поправленіе пошатнувшагося здоровья въ пожиломъ возрастѣ. Если-же такой «пенсіонеръ» (а онъ всегда такой) начинаетъ зарабатывать приличныя къ жизни средства, то, значитъ, онъ всякій разъ преутомляетъ себя; во-вторыхъ, работаетъ съ платными помощниками (секретари, переписчики, переводчики) и, въ-третьихъ, успѣшно лечится и тратится на докторовъ и поѣздки на воды. Безъ этихъ условій ему пришлось бы довольствоваться крохотной пенсіей и оставаться безъ леченія. Такимъ образомъ, увеличеніе доходовъ сопровождается увеличеніемъ расходовъ и подрывомъ старческихъ силъ. Можно-ли въ такомъ случаѣ говорить объ улучшеніи обсто-

ятельствъ въ его жизни и угрожать ему лишеніемъ пенсіи? Не мѣшаетъ также вспомнить, что всѣ литературные заработки весьма шаткіе, и никогда нельзя быть увѣреннымъ, что высокій заработокъ сегодня будетъ такимъ-же и завтра. Сотрудникъ расходится съ издателемъ, издатель прогараетъ, журналъ прекращаетъ существованіе «по независящимъ отъ редакціи причинамъ» и, наконецъ, имѣетъ же право заслуженный, пожилой и недужный литераторъ, при улучшеніи обстоятельствъ, отдыхать на свои сбереженія или помогать ими родственникамъ. Представьте-же себѣ, что именно въ этотъ моментъ до комиссіи «доходятъ достовѣрныя свѣдѣнія» объ этихъ измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ въ жизни пенсіонера, и послѣднему прекратятъ выдачу пенсіи. Не будетъ-ли ошибочнымъ такое представленіе объ улучшеніи жизни заслуженнаго литератора? Самое лучшее обстоятельство у него въ жизни— это спокойствіе духа и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Но если при назначеніи пенсіи могутъ отнять ее, при столь воображаемыхъ «улучшеніяхъ», то каково должно быть настроеніе духа пенсіонера съ каждымъ новымъ его заработкомъ? А между тѣмъ ради его заработка, онъ «переутомляетъ» свои старческія силы, усиленно лечится и воображаетъ, что 25—30 лѣтъ литературной дѣятельности обезпечиваютъ ему пенсію безъ дальнѣйшихъ справокъ со стороны комиссіи о томъ, беретъ ли онъ послѣ пенсіи въ руки перо или совсѣмъ забросилъ его. Получая пенсію, на которую жить нельзя, онъ ежеминутно останавливается надъ вопросомъ на сколько же рублей я могу зарабатывать, чтобы не лишиться и этихъ крохъ? На 50 руб., на 100 или 150 кто скажетъ, что изъ этихъ суммъ необходимо для литератора, съ извѣстными привычками, и что лишнее и избытокъ? Даже 200 и 300 р.—всегда случайно заработанныя деньги въ литературѣ, которыми едва-ли прилично укорять пенсіонера. Наконецъ, кого не оскороитъ тайное наблюденіе и собираніе свѣдѣній о доходахъ пенсіонера? И какъ это соберутся свѣдѣнія о его расходахъ? Кто рѣшитъ, какія расходы необходимы, какіе излишни? Намъ приходилось слышать, напримѣръ, что вдова одного писателя получала по 25 руб. изъ литературнаго фонда, и послѣдній никогда не справлялся объ измѣнившихся обстоятельствахъ въ ея жизни, а между тѣмъ, умирая, она завѣщала полученныя ею изъ фонда деньги въ пользу какой-то школы или на стипендію въ университетъ—не помню хорошо. Такое отношеніе литературнаго фонда ко вдовѣ заслуженнаго писателя надо признать и деликантнымъ, и справедливымъ. Затѣмъ, кажется, всюду

принято пенсіи считать пожизненными, а не временнымъ пособіемъ, и чиновники лишаются ихъ только по суду. Отчего же это въ литературномъ мірѣ, какъ только живое дѣло попадаетъ въ руки самихъ литераторовъ, тотчасъ-же возникаютъ отношенія въ ихъ дѣлахъ, всегда печально отражающіяся на ихъ самолюбіи и на карманѣ? Могутъ замѣтить, что средства вспомоществованія для ученыхъ и литераторовъ распадаются на пенсіи и на пособія. Поэтому, если раздать пенсіонныя суммы пожизненно, то новымъ нуждающимся литераторамъ, конечно, придется ждать либо смерти старыхъ пенсіонеровъ, либо увеличенія самаго денежнаго фонда. Новыхъ пенсіонеровъ уже не будетъ? Конечно, при современныхъ условіяхъ не будетъ. Въ этомъ весь интересъ вопроса и что нужно при этомъ дѣлать. Поправлять это обстоятельство все-таки едва-ли желательно вѣчнымъ опасеніемъ пенсіонера потерять свою пенсію при «улучшеніи обстоятельствъ» его жизни по собственному сознанію или принудительнымъ отнятіемъ у него пенсіи до тѣхъ поръ, пока его жизнь опять ухудшится и онъ получитъ вторично право ходатайствовать о пенсіи. Если уже стоять въ принципѣ за пенсіи для писателей, то надо не смѣшивать первыя съ временными пособіями и подумать о томъ, что считать «измѣненіемъ къ лучшему обстоятельствъ» въ жизни стараго и больного литератора. Такъ это трудно сказать даже самому себѣ, а тѣмъ болѣе постороннимъ людямъ. Никогда не надо забывать, что даже высокій заработокъ литератора рѣдко бываетъ постояннымъ. Что, кажется, можетъ быть прочнѣе редакторскаго жалованья, а между тѣмъ, въ нашихъ глазахъ одинъ изъ «пенсіонеровъ», утвержденный редакторомъ газеты, продержался въ этомъ званіи всего два-три мѣсяца, такъ какъ газета была пріостановлена. (Чуйко въ газетѣ «Лучъ»). Другой пенсіонеръ редактируетъ изданіе, въ которомъ соиздатели судятся между собою, и редакторъ всегда долженъ быть готовъ къ отставкѣ, несмотря на то, что болѣзнь требуетъ продолжительнаго отпуска для отдыха и сбереженій для этого. У «заслуженныхъ» литераторовъ, къ тому же, имѣются сочиненія, которыя они всегда желаютъ издать, и имъ приходится издавать ихъ, конечно, на чужія средства. Будетъ-ли тактично и справедливо напоминать такимъ пенсіонерамъ объ измѣненіи къ лучшему обстоятельствъ въ ихъ жизни и требовать прекращенія выдачи имъ грошевой пенсіи? Если въ первый разъ они хлопотали о ней, то, послѣ такого отнятія ея, предпочтешь уже терпѣть всякую нужду, чѣмъ вторично напоминать о себѣ. «Постоянной

комиссіи» будетъ приличнѣе хлопотать объ увеличеніи своихъ капиталовъ, если ихъ мало, и съ большимъ разборомъ выбирать своими пенсіонерами «заслуженныхъ» и «нуждающихся» литераторовъ, если послѣднихъ много. Намъ кажется, что выдавать пенсіи съ разборомъ она уполномочена, но отнимать, едва ли возможно въ интересахъ литературнаго сословія.

Незадолго до своей смерти А. К—чъ вспоминалъ объ этомъ циркулярномъ предписаніи академіи наукъ и, волнуясь, говорилъ мнѣ:

— Писательскій фондъ при академіи наукъ выдаетъ мнѣ пенсію въ 50 рублей, какъ разъ на квартиру... Да, и эту пенсію хотѣли отобрать въ виду того, что былъ періодъ, когда я прирабатывалъ къ нимъ, какъ редакторъ «Живописнаго Обозрѣнія», и могъ бы жить безъ пенсіи. Я писалъ въ отвѣтъ Майкову приблизительно слѣдующее: «Въ настоящее время я совершенно обезпеченъ, то-есть имѣю средства заплатить за квартиру, за обѣдъ, помочь старухѣ-нянькѣ нѣсколькими рублями, а главное въ состояніи тратиться на докторовъ и лѣкарства. Лѣченіе стоитъ очень много. Но вы, конечно, въ правѣ сказать: «а за коимъ чортомъ ты лѣчишься? Кому ты нуженъ? Неужели ты еще думаешь, что твоя жизнь нужна русской литературѣ?». И здѣсь вы будете совершенно правы, и потому я могу отказаться отъ пенсіи». Это письмо, вѣроятно, повліяло на Майкова, и фондъ оставилъ за мною пенсію, какъ оказалось, весьма кстати. «Улучшенныя обстоятельства» въ жизни писателя оказались кратковременными, и на эту пенсію я теперь живу...

Болѣзнь продолжала свою разрушительную работу, и вмѣстѣ съ нею росло безпокойство Шеллера о себѣ, въ виду прекращенія изданія «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества». Но какъ только прошелъ слухъ о необходимости значительныхъ затратъ на лѣченіе Шеллера и отсутствіи у него регулярнаго заработка, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературный фондъ) тотчасъ поспѣшило на помощь къ больному собрату; кромѣ того, редакція «Недѣли» выдала Шеллеру значительный авансъ. Больной уже не безпокоился, что ему не хватитъ средствъ на уплату доктору за визитъ, въ аптеку—за подушки съ кислородомъ и т. д.

V.

Страданія.— Стихотвореніе «Недугъ».— Грѣхъ русской литературы.— Бесѣды умирающаго Шеллера о себѣ и литераторахъ.— Популяризуетъ писателя его знамя, а художественность содѣйствуетъ его направленію.— Безпокойство о долгахъ.— Кончина 21-го ноября 1900 г.—Стихи К. М. Фофбнова на смерть Шеллера.

Продолжительно и тяжко страдая, умиралъ Александръ Константиновичъ Шеллеръ .. Ослабленная дѣятельность сердца вызвала явленіе грудной жабы и водянку. Доктора поддерживали сердце наркотиками, и оно вновь билось и оживляло больного на короткое время. Потомъ повторялась та же исторія: слабый пульсъ, стенанья и опять морфій, строфантумъ, хероинъ и вдыханія кислорода.

— Какъ запыхавшаяся собака, живу!—восклицалъ больной съ раздраженіемъ.—Зачѣмъ доктора лѣчатъ меня, если хорошо знаютъ, что вылѣчить нельзя? Новаго сердца они не дадутъ мнѣ, а тянуть возъ на старомъ уже невозможно. Чего же они тянутъ? Вѣдь дотянуть можно только до разоренія или до сумасшествія! Другого исхода я не вижу.

Въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ стихотвореній «Недугъ» Шеллеръ пишетъ о себѣ:

Спустилась ночь, но не пришла дремота
Во слѣдъ за ней... Свѣча еще горитъ
Въ моемъ углу, и за стѣною кто-то
Тревожное мое дыханье сторожитъ.
Сорвется-ль вздохъ—и снова надо мною
Измятое безсонницей лицо
Склоняется, и опытной рукою
Подноситъ мнѣ холодное питье.
Зачѣмъ вы здѣсь? Уйдите прочь! Не вы ли
Рой призраковъ спугнули отъ меня?..
Я видѣлъ, какъ ко мнѣ они входили,
И ласковый ихъ шопотъ слышалъ я.
Они меня съ улыбкой кроткой звали:
«Уйдемъ, уйдемъ, любимый нашъ, туда,
Гдѣ не томятъ ни скорби, ни печали,
Гдѣ не гнетутъ ни злоба, ни вражда...
Подъ вѣтвями раскидистыхъ сиреней,
Подъ сочною, душистою травой

Найдешь ты сонъ безъ страшныхъ сновидѣній
И безъ заботъ мучительныхъ покой».
«Несите ледъ!» я слышу приказанье...
И мнится мнѣ, что обрекаетъ врачъ
Меня опять на новое терзанье
И жжетъ мой мозгъ желѣзомъ, какъ палачъ.

Доктора, конечно, хорошо понимали его положеніе и лишь старались облегчить и уменьшить его мученія.

Съ 3-го сентября болѣзнь приняла угрожающій характеръ. Я тотчасъ же посѣтилъ Шеллера.

— Меня лечитъ здѣсь на Петербургской сторонѣ докторъ Андроновъ,— сказалъ онъ.--Я имъ очень доволенъ, но и на андронахъ далько не уѣдешь... Съ этимъ арбузомъ,— указалъ онъ на вздутый животъ,—доктора не могутъ справиться. Голову или носъ отрѣзать они могутъ, но для живота у нихъ, какъ и во времена Мольеровскихъ докторовъ, имѣется одинъ только клистиръ.

12-го сентября, я пріѣхалъ къ нему вечеромъ съ Д. А. Линевымъ, чтобы узнать о состояніи его здоровья. Но Шеллеръ не хотѣлъ отпустить насъ и пригласилъ въ столовую пить чай. Онъ еще тихо двигался по комнатѣ и на мое безпокойство о немъ сказалъ мнѣ:

-- Не могу же я совсѣмъ отказаться отъ общества и жить, какъ въ банкѣ, никого не видя, не принимая и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Весь вечеръ онъ былъ оживленъ и, между прочимъ, по поводу горькой участи больныхъ писателей сказалъ:

— На душѣ всей русской литературы лежитъ грѣхъ въ томъ, что мы не умѣли позаботиться о своемъ сословіи и попали въ руки книжныхъ торговцевъ и издателей. Всякое сословіе боролось за возвышеніе своего положенія, а мы—нѣтъ. Мы всѣ переругались и закабалили себя кто—кому... Случалось, что работаешь въ журналѣ и все мучишь себя вопросомъ о томъ, будутъ ли подписчики. Въ другомъ изданіи увѣренъ, что подписчики будутъ, но не увѣренъ, будетъ ли Добродѣевъ (бывшій издатель «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества»). А наконецъ и издатель и подписчики цѣлы, но не уцѣлѣло здоровье, и пришла старость. Заработковъ уже не хватаетъ переѣхать съ дачи на приличную квартиру. Поселяешься на какой-то Большой Гребецкой въ этой клѣткѣ, гдѣ я стукаюсь на ходу животомъ то о мебель-то о двери... Ну, да скоро переѣду на квартиру болѣе тѣсную и уже на вѣчную...

Шеллеръ остановился, нуждаясь въ отдыхѣ. Мы хотѣли проститься съ нимъ, но онъ быстро возобновилъ разговоръ:

— Какъ царевичъ въ сказкѣ пытался вытянуться хоть бы разъ, да въ волюшку, такъ и русскій литераторъ вытянется въ волюшку—только въ гробу! Все болѣе и болѣе зарабатываешься и наживаешь себѣ горбъ, а не волюшку. Да, вотъ скоро отдохну въ гробу... Много впереди отдыха! А все-таки горько и обидно,— внезапно воскликнулъ онъ,— кажется, все дѣлалъ, что положено мнѣ было сдѣлать, и въ награду за это гробъ... Вѣдь муха и та счастливѣе человѣка. Раздавятъ ее ногой, она не мучится ни болью, ни сознаніемъ о близости смерти; а тутъ цѣлыми годами въ ея объятьяхъ, и нельзя вырваться... А доктора еще удерживаютъ! Поскорѣе бы отпустили...

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхали мы съ Линевымъ отъ него, а черезъ день я получилъ извѣстіе, что Шеллеръ уже не можетъ подняться съ кресла и нуждается въ заботахъ о немъ его друзей.

Мнѣ пришлось провести около него много дней и ночей. Въ свѣтлые промежутки между припадками астмы и бредомъ онъ говорилъ о томъ, что его болѣе всего интересовало и волновало. Я приведу здѣсь тѣ изъ его разговоровъ, которые я запомнилъ, и которые, по моему мнѣнію, характеризуютъ его личность.

— «Въ октябрьской книжкѣ «Недѣли» пойдетъ моя статья: «Мечты и дѣйствительность»; въ журналахъ будетъ помѣщенъ мой портретъ, въ газетахъ — воспоминанія обо мнѣ... Самыя лучшія условія для благородной смерти писателя!—восклицалъ Шеллеръ.— Ничего другого я не желалъ бы. Задушевнѣйшіе взгляды на рабочій вопросъ я высказалъ въ этой статьѣ по поводу «Фамилистера въ Гизѣ» Жана-Батиста Годэна, не летавшаго такъ высоко, какъ мечтательный Фурье, но сдѣлавшаго въ дѣйствительности для рабочаго класса гораздо болѣе... Чьи нибудь воспоминанія, надѣюсь, возстановятъ то, что въ литературной сферѣ я ни разу не вильнулъ хвостомъ, хотя случаевъ къ тому было очень много... О, какъ много!»

При послѣднихъ словахъ онъ задремалъ на четверть часа и, проснувшись, попросилъ «воздуху». Я подалъ ему подушку съ кислородомъ. Едва онъ перевелъ дыханіе, какъ началъ жаловаться на докторовъ:

— Зачѣмъ они протягиваютъ мнѣ жизнь? Уже я не могу быть тѣмъ человѣкомъ, какимъ меня всѣ знаютъ. Обстругать они не могутъ меня... Я не поправлюсь. А сидѣть еще нѣсколько мѣся-

цевъ въ креслѣ Санъ-Галли и свистѣть задыхаясь я тоже не хочу... Жаль, что не хватаетъ характера наложить на себя руки... Нѣтъ, ты не возражай! Я вовсе не хочу участи К. Градовскаго или Глѣба Успенскаго, а между тѣмъ я могу тѣмъ же кончить, чѣмъ и они. Вѣдь тоже были умные люди и, конечно, предпочли бы въ свое время смерть, чѣмъ настоящее ихъ положеніе. А мое немногимъ отличается! Я — кукла... Да, кукла! Ноги. какъ бревна; животъ майорскій, одинъ пульсъ, говоритъ докторъ, роскошный... Чортъ бы побралъ этотъ пульсъ! И съ хорошимъ пульсомъ люди умираютъ! Свободинъ умеръ на сценѣ. А я тяну и мучусь... Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ потерять способности и заживо умереть.

— У тебя единственно здоровый органъ — это голова...

— Да, но можетъ соскочить какой нибудь винтикъ! Развѣ ты поручишься, что онъ не соскочитъ, если страданія такъ велики? Голова, правда, у меня здоровая... Докторъ справляется о моей «головкѣ»... А между тѣмъ я говорю только о томъ, что у меня болитъ; а о чемъ я не говорю — значитъ, у меня здорово... На самомъ дѣлѣ, мнѣ дышать нечѣмъ, а голова у меня только и осталась здорова, и не «головка», а цѣлый котелъ.

Видя, что Шеллеръ начинаетъ волноваться, я попробовалъ прекратить разговоръ.

— Будетъ еще время молчать,—съ неудовольствіемъ перебилъ онъ меня.—Скоро замолчу... А труднѣе отъ того не будетъ, если я поговорю съ друзьями, пока еще есть силы.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній я разсказалъ ему, между прочимъ, что наканунѣ былъ на представленіи драмы А. М. Ѳедорова «Буреломъ».

— Въ чемъ ея содержаніе?—спросилъ онъ.—Больше, я думаю, прекрасныхъ словъ?

— Много словъ,— отвѣтилъ я: — потрачено на то, чтобы обрисовать героя, на самомъ коротенькомъ разстояніи бросившаго невѣсту ради актрисы и горячо увѣряющаго, что онъ не эгоистъ и не дурной человѣкъ, а только слабый и увлекающійся; что если человѣкъ, по слабости своей, разобьетъ голову не себѣ, а другому, то онъ все-таки не негодяй. Другой морали въ драмѣ нѣтъ.

— Морали у всѣхъ новыхъ писателей нѣтъ; но много «марали»,—выразительно перебилъ Шеллеръ.—Всѣ ихъ герои измараны увлеченіями, отъ которыхъ они очищаются на сценѣ, а не въ жизни. Всѣ негодяи—увлекающіеся люди, но только въ худую сторону... Хочется наговориться передъ смертью,—продолжалъ онъ

отдохнувъ.--Вотъ я знаю, что послѣ моей смерти будутъ указывать на нехудожественность моихъ произведеній. Быть можетъ, у меня и мало ея, но такъ ли это ужъ важно въ писателѣ? Можно ли въ наше время на художественности обосновать свое значеніе? Вѣдь послѣ Шекспира и Рафаэля, даже художникъ Рѣпинъ, съ его протодьяконами (картина: «Крестный ходъ»),—я говорю, конечно, въ области мірового художественнаго творчества,—представляется нулемъ, а вотъ Герценъ никогда не слылъ художникомъ, никогда не обольщалъ «изобрѣтеніемъ» сюжета или языкомъ, но всегда былъ и будетъ дорогъ силою идей. Мои произведенія будутъ дороги тѣмъ людямъ, кому дороги идеи и мысли, сильно выраженныя о нашей жизни. Нельзя сказать, что идеи и мысли вполнѣ усвоены человѣчествомъ, и что ему недостаетъ только картинъ и образовъ. На Герценѣ мы видимъ, что людямъ нужны и глубокія мысли, если онѣ выражены прочувствованно и искренно.

При разговорѣ объ юбилеѣ Боборыкина Шеллеръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Освистали его въ Москвѣ на «Накипи»... Это участь всякаго писателя, который прикасался къ «злобѣ дня» поверхностно и слабо. Самъ Боборыкинъ сказалъ о себѣ, что его «15 лѣтъ замалчивали, а 25 лѣтъ выпучивали»... Что дѣлать! Участь горькая, но неизбѣжная, если писатель относится къ злу безъ страсти и силы. Нужно служить въ литературѣ вдохновенно, изъ послѣднихъ силъ своему знамени, и только въ этомъ случаѣ художественныя средства популяризуютъ писателя. Вѣдь и Максимъ Горькій сталъ популяренъ тѣмъ, что поклонился босяку. Это его знамя... Босяками онъ увлекается горячо, сильно и увлекаетъ ими своихъ читателей. Ну, а чѣмъ увлекался Боборыкинъ въ его 40-лѣтней дѣятельности? У всѣхъ значительныхъ писателей есть свое дѣтище, а у Боборыкина его нѣтъ, и потому грубая публика освистала его. Писатель всегда силенъ идеями, а не картинами. Что и за картина, если въ ней нѣтъ содержанія; что и за образъ, если онъ ничего не говоритъ русскому обществу?

— Ты не былъ,—продолжалъ Шеллеръ,—въ «Союзѣ писателей», когда было внесено предложеніе ходатайствовать черезъ Сенатъ о разрѣшеніи съѣзда писателей? Многіе боятся ходатайствовать. Чего же они боятся? Профессіональные съѣзды всѣмъ разрѣшаются. Конечно, могутъ укоротить съѣздъ: снабдить его инструкціями о томъ, чего слѣдуетъ касаться и чего не касаться, и т. п. Такъ что же? Мнѣ вспоминается нашъ «Художественный клубъ»,

гдѣ обсуждались вопросы, начиная съ Сербско-Турецкой войны и кончая гонорарными... Это не нравилось, и ходили слухи, что за нами наблюдають. «Пусть наблюдають,—сказалъ Костомаровъ совершенно спокойно.—Чего же бояться? Всѣ мы лысы, всѣ мы сѣды и всѣ—въ томъ или другомъ положеніи—дѣйствительные статскіе совѣтники... Ничего другого нельзя наблюсти въ собраніяхъ писателей!» Кажется, въ «Союзѣ писателей» тоже много сѣдыхъ, лысыхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, которые литераторствують и ничѣмъ другимъ не мѣшають... Администрація это отлично понимаетъ, и, конечно, при нѣкоторомъ умѣніи можно добиться разрѣшенія писательскаго съѣзда.

Въ ночь на 23-е октября у Шеллера просидѣла моя жена-врачъ. Въ полночь она услышала, что Шеллеръ тяжко бредитъ и кричитъ...

— Снилось мнѣ,—сказалъ онъ проснувшись,—что я опять молодой и дѣлаю первый литературный шагъ... Благосвѣтловъ заказалъ мнѣ написать 10 повѣстей, и я никакъ не могъ этого исполнить. Кричалъ и стоналъ отъ своего безсилія! Пишу одну повѣсть, другую, а все 10-ти повѣстей не хватаетъ...

Въ ночь на 24-е октября съ больнымъ просидѣлъ я... Часа три онъ спалъ въ сидячемъ положеніи, низко наклоняясь въ креслѣ и рискуя свалиться на полъ. Въ другомъ положеніи онъ не можетъ спать... Едва подножье Санъ-Галливскаго кресла приподымутъ въ горизонтальномъ положеніи и больной откинется на подушки, какъ діафрагма сдавливаетъ легкія и начинается одышка .. Больной со стономъ переходитъ на простой стулъ и, положивъ голову на руки, облакачивается ими на книжный шкапъ и дремитъ полчаса-часъ... Отекъ ногъ замѣтно увеличился. Кожа уже покрывается нарывами и лопается. Накладываютъ бинты. «Ноги текутъ... Я сижу въ болотѣ», говоритъ больной. Друзья его: В. А. Эвиссонъ, В. Рышковъ, Н. Носковъ, С. Воейковъ, д-ръ Салмоновъ, Линевы, Меньшиковъ и другіе посѣщаютъ его и нѣкоторые ночуютъ, смѣняя другъ друга и грустно бесѣдуя о несчастномъ страдальцѣ.

— Литературный фондъ помогаетъ мнѣ, — сказалъ Шеллеръ за нѣсколько дней до смерти.—Былъ у меня лѣтомъ Котельниковъ, а теперь Карѣевъ и Анненскій. Денегъ привезли... Но я въ жизни своей никому не былъ обязанъ и, конечно, сдѣлаю распоряженіе моимъ наслѣдникамъ, чтобы весь долгъ уплатили фонду послѣ моей смерти. Кромѣ того, я подарю фонду новый 16-й томъ моихъ сочиненій... Томъ стихотвореній. Это что нибудь принесетъ фонду. Боюсь, чтобы кто нибудь не попрекнулъ меня тѣмъ, что послѣдніе годы я жилъ на благотворительность...

Успокоить его въ этомъ отношеніи не было возможности... Даже полученный авансомъ гонораръ изъ редакціи «Недѣля» за статью «Мечты и дѣйствительность» причинялъ ему мученія.

— А если въ декабрьской книжкѣ не пройдетъ окончаніе статьи, и я умру, оставшись должникомъ «Недѣлѣ»!—восклицалъ онъ съ ужасомъ. — Эти долги не даютъ мнѣ покоя... Третьяго дня мнѣ было легче, и я сталъ диктовать Татьянѣ Николаевнѣ [1]) «Исторію одного изданія»... исторію «Живописнаго Обозрѣнія». Она очень любопытна, и, написавъ ее, я думалъ заработать ею... Но мозговое усиліе отразилось на общемъ состояніи, и я вновь сталъ задыхаться и страдать отъ боли. Доктора запретили не только диктовать, но прямо говорятъ: «не думайте ни о чемъ! Это вамъ вредно...» А могу ли я не думать, если они не умѣютъ выпилить изъ черепа мой мозгъ? Дни, какъ вѣчность, длятся, и еще не думать... Мучители! Сорокъ лѣтъ только и дѣлалъ, что думалъ, и теперь это вредно... Доктора никогда не знаютъ психологіи больного: я не могу не думать! Если я не буду читать книгу или диктовать, то я буду все-таки думать и еще больше думать, чѣмъ безъ книги...

Желая отвлечь Шеллера отъ мрачныхъ мыслей, я сообщилъ ему нѣсколько литературныхъ новостей, и больной тотчасъ же перенесся въ отвлеченную область.

— Хотѣлось бы иногда еще поработать... По-настоящему, человѣку должно быть дано двѣ жизни: въ одной пройти жизнь, въ другой—вспомнить, какъ ты ее прошелъ, т. е. въ какой мѣрѣ ты измѣнялъ своимъ обѣщаніямъ; насколько ты былъ цѣльнымъ человѣкомъ, и чѣмъ тебя слѣдуетъ помянуть?

Онъ началъ было говорить о «второй жизни», но я, замѣтивъ его утомленіе, постарался прекратить разговоръ.

Вдругъ онъ опять возобновилъ его.

— Вспоминается мнѣ мое стихотвореніе: «Слабый, больной, проживу я немного...» Какъ оно точно передаетъ пережитое и настоящее...

Отыскавъ это стихотвореніе у себя дома я прочелъ его:

Слабый, больной, проживу я немного,
Надо продать будетъ скарбъ свой убогій,
Лишнее платье и книги — все сбыть:
Домомъ своимъ не приходится жить.
Трудъ не спорится, какъ сила погасла,—

---

[1]) Имя женщины, жившей у Шеллера и бывшей ему преданной сестрой.

Такъ угасаетъ лампада безъ масла,
Такъ въ октябрѣ увядаютъ листы
Отъ недостатка дневной теплоты.
Прежде одежды своей я стыдился.
Часто на скучныя книги сердился:
Нынче же, ихъ собираясь продать,
Глупой слезы не могу удержать.
Точно друзей хороню... Но смириться
Нужно и должно! хозяйка бранится,—
Нищему даромъ не хочетъ служить...
Бѣдной, самой ей тошнехонько жить:
Бѣдность и дѣти ее одолѣли,
Мужъ пропадаетъ по цѣлой недѣлѣ...
И самому неуютно мнѣ тутъ.
Рядомъ сосѣди уснуть не даютъ,
Пьянствуютъ ночью и пѣсни поютъ.
Жалкія женщины тутъ же бываютъ,
Какъ ихъ позорятъ и какъ оскорбляютъ!
Пала на долю имъ горькая часть,
Платятъ имъ деньги за пѣсни и страсть:
Но, чтобъ не даромъ отдать эту плату,
Сотни обидъ прибавляютъ къ разврату...
Господи Боже! какъ смерть-то страшна,
Какъ эта жизнь человѣку нужна!
Радъ онъ и тѣло, и душу продать,
Только бъ еще на землѣ пострадать...
Вотъ и меня теперь манитъ больница,
Вздумалось вдругъ непремѣнно лечиться
И—для чего безполезно хитрить?—
Сердцу мучительно хочется жить,
Съ злою судьбою по прежнему биться,
Годы работать, часы веселиться,
О погибающихъ братьяхъ тужить,
И ненавидѣть, и страстно любить.

Дѣйствительно, Шеллеру неоднократно приходилось при такихъ же условіяхъ оплакивать «скучныя книги» изъ собственной библіотеки и, вспомнивъ ихъ передъ смертью, онъ вновь не могъ удержать «глупой слезы» и потребности «о погибающихъ братьяхъ тужить».

19-го ноября я пріѣхалъ къ больному въ два часа дня и уже въ передней услышалъ его свистящее дыханіе и крики...

— Всю ночь прокричалъ такъ, — грустно встрѣтила меня Татьяна Николаевна. — Всю ночь кричалъ... Ахъ, какая была ночь. Вдругъ стало ему все хуже и хуже...

Я подошелъ къ больному, но онъ сидѣлъ, закрывъ глаза въ тяжеломъ кошмарѣ, оглашая комнату стонами и восклицаніями: «ахъ! Господи!».

На другой день жена моя получила отъ Татьяны Николаевны записку слѣдующаго содержанія:

«20 ноября.

«У Алекс. Констант. рожистое воспаленіе ногъ, температура 40,2, все время въ забытьи».

Вечеромъ, вернувшись отъ Шеллера, жена сообщила, что у него агонія... Бредъ смѣнился забытьемъ, и часы его сочтены.

Я тотчасъ поѣхалъ къ нему и провелъ у его изголовья всю и послѣднюю въ его жизни ночь. Больной никого не узнавалъ, бредъ смѣнился глубокимъ сномъ, прерываемымъ тихими стонами...

Въ $12^{1}/_{2}$ часовъ утра, 21-го ноября, А. К. Шеллеръ умеръ, не приходя въ сознаніе.

Похороненъ онъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. На его могилѣ поэтъ К. М. Фофановъ произнесъ элегическое стихотвореніе, совершенно вѣрно передающее не только нашу скорбь по усопшемъ писателѣ, но и его значеніе для русскаго общества:

Нѣтъ силъ, нѣтъ словъ сказать надгробное «прости»...
Мнѣ кажется, онъ живъ и дышитъ вмѣстѣ съ нами...
Но мы еще стоимъ на гибельномъ пути,
А онъ прошелъ рубежъ—и скрылся за вѣками...
Насъ будни ослѣпятъ то солнцемъ золотымъ,
То мелкою борьбой, то гнѣвомъ мимолетнымъ,
Но только нѣтъ, не имъ,—не другомъ дорогимъ,
Что жилъ, сочувствовалъ—и сталъ теперь безплотнымъ.
Свершилось! Боже мой, какъ страшно, какъ темно,
Какою пропастью звучитъ намъ смерть сурово...
Но только не тому, кѣмъ было свершено
Все лучшее земли для мысли и для слова!..
Учитель ласковый! Другъ юности живой!
Ты долго угасалъ... и кончилось мученье!
И въ смерти ты обрѣлъ величье и покой;
И счастье высшее—съ судьбою примиренье...

Дѣйствительно, А. К. Шеллеръ былъ «другомъ нашей юности живой» и неудивительно, что одинъ изъ старыхъ редакторовъ, узнавъ о смерти А. К. Шеллера, воскликнулъ съ сокрушеніемъ: «Умеръ послѣдній литераторъ! Отъ души жаль Шеллера. Онъ былъ не только талантливый, но—что такъ рѣдко за послѣдніе годы въ нашей литературѣ—честный писатель. На его памяти нѣтъ пятенъ и, если за это полагается награда свыше, то на томъ свѣтѣ ему будетъ хорошо. Но за него скорбѣть нельзя: ему было бы всего труднѣе и тѣснѣе въ нынѣшней фабричной литературѣ».

VI.

Характеристика литературныхъ произведеній А. К. Шеллера и отраженіе въ нихъ общественныхъ типовъ за послѣднія 40 лѣтъ.—«Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова»: шестидесятые годы въ семьяхъ и школахъ. — «Кукушка новой формаціи» и «Отцы по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ». — Отрицательный и положительный типъ русской женщины.

Популярность и распространенность литературныхъ произведеній А. К. Шеллера слѣдуетъ признать вполнѣ заслуженными. «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Засоренныя дороги», «Господа Обносковы», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», «Паденіе», «Ртищевъ», «Голь», «Старыя гнѣзда», «Хлѣба и зрѣлищъ», «Безпечальное житье», «И золотомъ и молотомъ», «Совѣсть», «Бездомники», «Зачумленный», «Конецъ Бирюковской дачи», «Алчущіе», «Послѣ насъ» и т. д.—отражаютъ последовательно многочисленныя перемѣны въ нашей общественной жизни за послѣднія сорокъ лѣтъ. Справедливость требуетъ сказать, что не всѣ произведенія Шеллера написаны имъ съ одинаковымъ мастерствомъ, но, конечно, если сравнивать его съ современными «талантами», то изъ каждаго его романа и повѣсти можно выкроить по нѣсколько разсказовъ и очерковъ, давшихъ громкую извѣстность многимъ писателямъ исключительно за ихъ такъ называемую «художественность». Затѣмъ, если бы Шеллеръ не повторялся и сжалъ бы пятнадцать томовъ своего «Полнаго собранія сочиненій» въ шесть-семь томовъ, то онъ былъ бы несомнѣнно первокласснымъ писателемъ. Но и такимъ, какимъ мы знаемъ Шеллера, можно изъ полнаго собранія его сочиненій указать на избранныя, которыя исполнены художественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнимаютъ собою не эскизъ съ маковое зернышко изъ русскаго быта, но охватываютъ цѣлыя десятилѣтія русской жизни съ ея типичными представителями. Въ первыхъ своихъ романахъ: «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова», Шеллеръ воспроизвелъ борьбу стараго поколѣнія съ новымъ по всѣмъ жгучимъ вопросамъ изъ эпохи реформъ. Наиболѣе сильно здѣсь очерчены авторомъ семейный деспотизмъ и школы съ учителями безъ любви къ дѣтямъ и деморализующимъ товариществомъ. Въ выведенныхъ имъ семьяхъ дѣти всегда одиноки и ищутъ утѣшеній на сторонѣ среди чужихъ лицъ. Родители не являются ихъ друзьями, не добиваются ихъ довѣрія, занятые службой — не интересуются ихъ знакомыми и

симпатіями, не предостерегаютъ отъ увлеченій съ пробужденіемъ возмужалости, и не удивительно, что со временемъ дѣти позорятъ себя «подлогами», стрѣляются, втираются въ чужія семьи, гордясь тѣмъ, что разстроили чужое счастье, и не брезгая тѣмъ, что ихъ любовница живетъ на средства другаго мужчины и т. д.

Шеллеръ усиленно старался убѣдить общество, что идеалъ семьи всего менѣе осуществленъ въ жизни, и наши дѣти всего болѣе страдаютъ отъ недовольства въ своемъ собственномъ родномъ гнѣздѣ. Не менѣе горькую ихъ участь рисуетъ онъ и во время ихъ пребыванія въ школахъ и университетѣ. Частныя школы г-жи Соколовой въ «Гнилыхъ болотахъ», основанныя безъ всякаго призванія къ педагогической дѣятельности, внушаютъ дѣтямъ одно отвращеніе къ учебнымъ занятіямъ. Пріюты, устраиваемые аристократами-филантропами, также ужасны («Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»). Не лучше и иностранныя училища, гдѣ пьяница Саломірскій ругалъ дѣтей, «шушерой, мелюзгой и сволочью», трезвый Рейтманъ собственноручно билъ ихъ, вѣжливый и педантически точный французъ Гро былъ безпощаденъ къ виновнымъ, подвергая ихъ сѣченію розгами, а православный священникъ изощрялъ свое дешевое остроуміе надъ «иновѣрцами»—дѣтьми. Авторъ придаетъ особенное и благотворное значеніе только учителямъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они дѣйствительно играли огромную роль въ русскомъ обществѣ. Стоитъ вспомнить имена учителей русской словесности Ульянова, Водовозова, Ушинскаго учителей русской молодежи: профессоровъ Грановскаго, А. Градовскаго, Кавелина, Энгельгардта, Ореста Миллера и т. д. Вотъ почему, на ряду съ холодными учителями-чиновниками, онъ обрисовываетъ и учителей по призванію. Почти съ ненавистью относится онъ къ первымъ и трогательными чертами очерчиваетъ простодушнаго, недалекаго Мейера (въ «Гнилыхъ болотахъ»), отличающагося, при всей педагогической несостоятельности, любовью къ дѣтямъ, или Носовича (тамъ же), уже вполнѣ умѣло и заботливо руководящаго дѣтьми. Авторъ отводитъ вопросамъ воспитанія значительное мѣсто и въ «Письмахъ человѣка сошедшаго съ ума» (т. I), и въ «Нашихъ дѣтяхъ», «Основахъ образованія въ Европѣ и Америкѣ» и т. д. Изъ первоначальной школы герои А. К. Шеллера попадаютъ въ гимназію и университетъ. Но по окончаніи курса, они признаются, что очень мало знаютъ изъ того, что надо бы знать въ земледѣльческой странѣ: «Ни школа, ни университетъ, ни петербургская жизнь со всѣмъ своимъ дѣловымъ и оза-

боченнымъ видомъ не дали мнѣ никакихъ практическихъ свѣдѣній, никакихъ необходимыхъ совѣтовъ о крестьянскомъ бытѣ, о его нуждахъ и возможности порядочно устроить дѣла деревни»,—говоритъ Шуповъ изъ деревни Шуповки.

Въ университетѣ молодежь живетъ совершенно ненормально, особнякомъ отъ общества, и безпрепятственно развивается въ томъ или другомъ направленіи, не встрѣчая достойныхъ уваженія примѣровъ и возраженій со стороныя опытныхъ людей. Молодой человѣкъ лишенъ возможности и по матеріальному положенію, и отсутствію «знакомствъ» и часто умѣнья себя держать—провести вечеръ въ обществѣ просвѣщенныхъ и установившихся людей, разрѣшить съ ихъ помощью политическіе и соціальные вопросы, и на живомъ дѣлѣ провѣрить свои силы. Единомышленники и раздутое однородное чтеніе, при ничтожности лично наблюдаемыхъ фактовъ и ощущеній, способствуютъ фанатизму теорій, безъ практическихъ ихъ примѣненій. Вмѣсто полезныхъ общественныхъ дѣятелей, являются «въ пространствѣ» живущіе мечтатели, тратящіе свои силы и порывы въ тѣсномъ мірѣ единомышленниковъ, никогда не слыхавшихъ резоннаго замѣчанія: ты вотъ все читаешь книги, а когда же ты думаешь? у тебя широкіе горизонты, а пробовалъ ли ты хотя бы на маленькомъ дѣлѣ провѣрить кое-что изъ своихъ взглядовъ? знаешь ли ты, что крупное дѣло безъ умѣнья начать его и вести—самое дурное дѣло; что хорошая идея съ ничтожными людьми самая дурная идея?

Подобное освѣщеніе вопроса о «молодомъ поколѣніи» чрезвычайно важно, и едва ли не этимъ изолированнымъ положеніемъ молодого поколѣнія въ обществѣ объясняется претензія молодежи на выдающуюся роль въ общественной жизни. Базельскій профессоръ А. Тунъ, въ одномъ изъ своихъ произведеній о Россіи, говоритъ: «Студенчество въ Россіи изъ болѣе глубокихъ народныхъ слоевъ, чѣмъ въ Германіи; это большею частью дѣти поповъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ, плохо воспитанные и съ дурной школьной подготовкою. Особенно это замѣчается въ Петербургѣ, гдѣ дѣти богатыхъ классовъ воспитываются въ лицеяхъ и училищѣ правовѣдѣнія. Большинство студентовъ бѣдны, они терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ и принуждены сами поддерживать свое существованіе, если не получаютъ стипендіи. Но и въ такихъ случаяхъ они плохо питаются, живутъ въ грязныхъ квартирахъ и нуждаются въ деньгахъ для покупки книгъ. Эти условія заставляютъ играть такую большую роль обществамъ вспомоществово-

ванія, кассамъ, читальнямъ, дешевымъ столовымъ, которыя составляютъ въ мірѣ студенческомъ своего рода экономическіе и соціальные вопросы и приводили неоднократно къ безпорядкамъ и т. д.». Изолированное положеніе недовольной молодежи вызываетъ въ ней преувеличенное представленіе о своихъ силахъ и идеализацію простого народа, развиваемую не степенью нашей ему полезности, но чрезмѣрно раздутой мечтательностью, безъ возраженій болѣе опытныхъ людей или провѣрки себя на живомъ дѣлѣ.

Изъ нерадивой семьи и школы, съ сомнительнымъ товарищеcтвомъ, выходили у г. Шеллера молодые люди, годные таскаться только за женской юбкой, относясь съ легкимъ сердцемъ ко всѣмъ послѣдствіямъ предбрачныхъ увлеченій и пороковъ. Обязанность стлать постель великовозрастнымъ юношамъ и будить ихъ по утрамъ, когда они еще «дураками» спятъ за ширмами,— возложена на дѣвочку-подростка. «Насколько удобно было возлагать эти обязанности на молоденькую дѣвочку — объ этомъ никто не думалъ, никто не спрашивалъ». А между тѣмъ это и есть «Наша первая любовь» (см. томъ XIII), говоритъ авторъ, рисуя затѣмъ, по какому пути и какъ кончила жизнь «наша Наташа». Предбрачная любовь съ ея горькими послѣдствіями особенно разработана въ повѣсти «Несчастный бракъ», гдѣ жена, много ѣздившая въ молодости «по водамъ», имѣла свое «прошлое», а молодой человѣкъ, сошедшійся съ нею до свадьбы, женится только ради ребенка. Онъ — сухой, сдержанный, она — «видавшая виды». Разумѣется, они терзаютъ другъ друга и семейная драма кончается смертью ребенка; но родители разъѣхаться уже не могутъ, такъ какъ ей нечѣмъ было бы существовать, и потому она, чувствуя, что теперь мужъ выгонитъ ее, кончаетъ самоубійствомъ. Въ «Тернистомъ пути» пожилъ мужъ до свадьбы. Онъ женится на дѣвочкѣ, и во время вѣнчанья прибѣгаетъ въ церковь его прежняя любовь съ ребенкомъ. Молодая жена хочетъ уйти отъ него, но она уже повѣнчана и поводовъ къ разводу нѣтъ. Мужъ буквально силою дѣлаетъ ее своею женою. Потомъ она узнаетъ объ его прошлыхъ связяхъ: ихъ десятки. Она начинаетъ ненавидить его, но она готовится сдѣлаться матерью... Мужъ, между тѣмъ, прокучиваетъ ея приданое и, когда у него родится ребенокъ, покончиваетъ съ собою, оставляя жену нищей. Чаще, однако, молодые герои Шеллера не женятся изъ-за разсчета, по Мальтусу, и предпочитаютъ честнымъ дѣвушкамъ—чужихъ женъ. Шаховъ въ романѣ «Паденіе» называетъ это «увлеченіями», которыя, однако,

слѣдуетъ прекращать послѣ кратковременныхъ связей съ чужими женами. Болѣе продолжительныя отношенія уже есть развратъ и кладутъ пятно. «Какую роль онъ будетъ играть въ глазахъ Серпухова, живя съ его женой: любовницамъ обыкновенно платятъ, ихъ содержатъ, а тутъ любовница живетъ на счетъ мужа, тогда какъ принадлежитъ она не мужу, а любовнику».

«Наша первая любовь», «Кукушка новой формаціи», «Несчастный бракъ», «Тернистый путь», «Паденіе»—это все произведенія, гдѣ Шеллеромъ описаны новые «отцы по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», ихъ подбрачныя связи и пробныя семьи, заставляющія съ особеннымъ сожалѣніемъ вспомнить пропаганду о свободномъ обращеніи съ женщиной и отсутствіе въ русской жизни суровой «Перчатки» Бьернсона и «Сонаты» Л. Н. Толстого. Шеллеръ восполнилъ этотъ пробѣлъ въ русской литературѣ изображеніемъ молодыхъ людей обоего пола, запятнавшихъ себя многочисленными «увлеченіями», «ошибками» и вступающихъ съ «черной памятью» въ законный бракъ для пожизненныхъ заботъ другъ о другѣ. Разумѣется, новобрачная, съ «черной памятью», не многимъ лучше въ семейной жизни, чѣмъ и «полудѣва» изъ Марселя Прево. Этотъ типъ у г. Шеллера названъ «Кукушкой новой формаціи» съ лицомъ «ангела на рафаэлевской картинѣ» и «крайней степенью лживости» тайно и въ открытыхъ по почтѣ письмахъ къ обманутымъ ею же любовникамъ, не жалѣя себя собственно потому, что со стыдомъ и честью покончены были давно всѣ счеты. Этотъ типъ барышни изъ аристократической и разорившейся семьи въ романахъ А. К. Шеллера созданъ по преимуществу имъ въ русской литературѣ. У Тургенева имѣется только одинъ такой типъ — въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Варвара Павловна Лаврецкая. У большинства нашихъ писателей русскія женщины — поэтическія барышни, изъ которыхъ выходятъ въ послѣдствіи либо монахини, либо свѣтскія дамы, гордыя исполненіемъ высокаго долга семьянинки, либо дѣловыя фельдшерицы, учительницы, врачи, либо глупыя Кукшины, но не безцеремонныя, до мозга костей эгоистки, иногда цинично откровенныя, чаще замаскировавшіяся новыми взглядами и вкусами либеральнаго общества.

«Плохое пенсіонское образованіе, крайне развитое при помощи чтенія романовъ воображеніе, крайняя избалованность вслѣдствіе красоты, удивительная способность на время увлекаться всѣмъ: и красотой мужчины, и краснорѣчіемъ оратора, и нищетой горемыки, и собственными фантазіями» — вотъ элементы, изъ которыхъ у

г. Шеллера слагается этотъ новѣйшій безсердечный типъ женщины. Онъ говоритъ о ней, что «она сама вѣрила тому, что ея мужъ и любовники притѣсняли ее и обманывали. Она никогда не сознавала, что она обираетъ ихъ, потому что деньги уплывали изъ ея рукъ, какъ вода, на наряды, на извозчиковъ, на бѣдняковъ, безъ цѣли и смысла, и она всегда нуждалась. Она часто плакала и жаловалась, но чисто по дѣтски, утѣшаясь первою ласкою, а ласкали ее очень охотно тѣ, кого поражала ея замѣчательная красота. Обыкновенно ея связь съ мужчиной съ того и начиналась, что онъ выслушивалъ ея жалобы, утѣшалъ ее, бранилъ своего безсердечнаго предшественника и этимъ подливалъ масла въ огонь, такъ что она въ концѣ концовъ считала себя мученицей, перенесшей страшныя страданія. Она отдыхала отъ этихъ страданій въ новыхъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, покуда и новый любовникъ не оказывался почему либо извергомъ». Въ періодъ горячей привязанности, послѣ пламенныхъ писемъ и свиданій, она на всякій случай, въ постороннемъ обществѣ, держалась съ любимымъ человѣкомъ оскорбительно холодно и непріязненно, чтобы впослѣдствіи, при новыхъ увлеченіяхъ, имѣть право сказать, что онъ преслѣдовалъ ее, что она давно не знала, какъ отдѣлаться отъ него, и неоднократно искала спасенія въ Невѣ и т. д. Это не измѣна ему, а естественное охлажденіе къ «извергу». Это ея отзывъ о человѣкѣ, который поилъ-кормилъ ее, пріучалъ къ труду и своимъ именемъ прикрывалъ всѣ ея незаконныя связи и послѣдствія... Разумѣется, «воплощенная ложь» въ женщинѣ рано или поздно обнаруживается для всѣхъ съ очевидностью, и тогда «Кукушка новой формаціи», прогулявшая свою молодость въ чужихъ гнѣздахъ, рѣшается, наконецъ, свить свое собственное гнѣздышко, выходя за мужъ за нетребовательнаго младенца; но, говоритъ г. Шеллеръ, «только уже не для высиживанія и призрѣнія своихъ птенцовъ, а для того, чтобы застраховать лично себя отъ холодовъ и непогодъ приближающейся старости». День, когда благородный мужчина подойдетъ къ ней близко, будетъ началомъ его безчестія и гордыхъ молчаливыхъ страданій, предостерегаетъ Шеллеръ, и современная жизнь все чаще и чаще подтверждаетъ это мнѣніе. Типъ лживой, образованной и безсердечной эгоистки, рвущей сердце преданнаго ей человѣка, какъ дѣти рвутъ муху по частямъ: сперва крыло, потомъ ногу, не замѣчая даже мукъ живаго существа, — чрезвычайно распространенъ въ жизни, но очень мало выведенъ въ русской литературѣ. У Шеллера онъ варьируется въ «Кукушкѣ новой формаціи» и въ рома-

нахъ «Паденіе» и въ «Бездомникахъ», гдѣ супруга скучаетъ въ своей семьѣ и оживляется только въ гостяхъ, въ театрѣ и концертахъ за интересными новостями, или при видѣ новой красоты, ума и порока. Всѣ эти страницы объ отрицательныхъ семьяхъ прямо взяты изъ жизни 1860—1870 годовъ и являются, по мнѣнію автора, «главною причиною нравственнаго ничтожества нашей молодежи».

Шеллеръ не церемонится обнаружить всю степень паденія женщины позднѣйшаго типа; но было бы несправедливо упрекать его въ одностороннемъ освѣщеніи, такъ называемаго, «женскаго вопроса». У него найдутся и положительные типы русской женщины за послѣднее тридцатилѣтіе Къ нимъ слѣдуетъ отнести старую фрейлину въ «Чужихъ грѣхахъ», воспитывающую чужихъ дѣтей; типъ ея такъ ярко очерченъ и съ такими подробностями, что очевидно—это лицо не вымышленное, а живое.

Въ «Насѣдкѣ» положительнымъ типомъ въ русской семьѣ является некрасивая дѣвушка Катерина Марковна, способная даже рисковать своей репутаціей ради подруги. На тѣхъ же семейныхъ традиціяхъ воспитана и Надежда Дмитріевна, героиня повѣсти «Не намъ судить», посвятившая себя всю на пользу ближнихъ въ бѣдномъ провинціальномъ городишкѣ Послѣдняя повѣсть въ сильной степени проповѣдуетъ всепрощеніе. Въ ней рисуется слабый падшій человѣкъ, но въ самомъ своемъ паденіи сохранившій въ себѣ искру человѣчности, одинъ изъ тѣхъ мытарей, которые признаютъ себя хуже всѣхъ, и за это, можетъ быть, многое отпустится имъ. Обѣ эти повѣсти, судя по тону, принадлежатъ къ автобіографіямъ и потому написаны съ особенной любовью. Въ перечисленныхъ случаяхъ, типомъ хорошей семьи является старый ея типъ, когда женщина была по преимуществу хозяйкой и воспитательницей своихъ дѣтей. Въ защиту такой семьи авторъ замѣчаетъ: «Если мужъ приноситъ извѣстное количество рублей, то на нихъ немного пріобрѣлъ бы онъ, если бы ему пришлось платить за трудъ экономкѣ, за шитье бѣлья швеѣ, за первоначальное обученіе дѣтей гувернанткѣ. Женщина, исполняющая все это въ домѣ мужа, можетъ сказать, что она ѣстъ не его хлѣбъ, а живетъ на свой счетъ. Не вполнѣ еще ясно это для всѣхъ.» Однако, у него имѣются и семьи позднѣйшаго типа, гдѣ жена по преимуществу живетъ умственными интересами и остается на общественномъ поприщѣ, а хозяйство съ первоначальнымъ обученіемъ дѣтей возложено на менѣе развитыхъ людей. Въ этомъ направленіи должна сложиться семейная жизнь молодыхъ Шуповыхъ, Рудыхъ, Люлюшиныхъ

(«Жизнь Шупова») и Прохоровыхъ («Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»). За цѣлымъ рядомъ отталкивающихъ женскихъ типовъ послѣдней формаціи, Шеллеръ никогда не забывалъ образъ чистой дѣвушки, оберегающей отъ грѣха свое тѣло не менѣе души, и матери, умѣющей собственнымъ примѣромъ воспитывать дѣтей въ духѣ трудолюбія и гуманности. Это имъ онъ писалъ полныя признательности строки: «Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется; съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своей проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ его спасаетъ отъ самохваленія; онъ говоритъ съ гордостью о своей честности, какъ будто честность его заслуга, а не обязанность,—и этой черты нѣтъ въ хорошей женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишитъ себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ обязанностямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самою собою, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполнѣ честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изъ ста девяносто девять отвѣтятъ: «женщинѣ». Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она отстаиваетъ грудью въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озлобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней степени пустоты и разврата людей высшаго круга, и за все это ее держатъ въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ безправіи, оскорбляютъ, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: «кто виновникъ вашего паденія?» Онѣ отвѣтятъ: «мужчина», и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь выростить для себя хорошенькихъ и ловкихъ, но немыслящихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающій романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны мужчиной; первая сѣть, сплетенная отъ бездѣлья, для развлеченія отъ праздной скуки, была разставлена имъ опять тѣмъ же мужчиной; бросилъ ихъ онъ, а не онѣ его; первый комъ грязи пущенъ въ нихъ его же рукой. Онъ хвастнулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своей удачной интригой, и пошла женщина мыкаться по свѣту съ печатью развратницы, забросанная грязью такими же неразвитыми и падшими жен-

щинами, какъ она, которыхъ также воспиталъ, также погубилъ мужчина. А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страшнымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ названіемъ, которое заставляетъ прохожаго отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ покойницы, носившей его и утопившейся въ минуту безвыходной нищеты... И между тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская женщина! Пошелъ ли хоть одинъ русскій мужчина въ ссылку за падшей женщиной? Вы не найдете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла, полная святой любви, считавшая свои ласки, свои заботы необходимыми для мужа, и таилась въ ней тайная надежда, быть можетъ, смутная для нея самой, спасти всеспасающей любовью отъ отчаянія или отъ новыхъ преступленій однажды падшаго человѣка. Не удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленія этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ нибудь въ глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшительности была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ передъ нею всѣ прославленныя дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и ѳиміамными куреніями».

Вотъ какую женщину въ семьѣ хотѣлъ бы видѣть г. Шеллеръ, и многія изъ нихъ воспроизведены имъ во весь ростъ въ его романахъ. Его иногда даже упрекали за излишнюю идеализацію русской женщины, но эти упреки покажутся смѣшными, когда вспомнишь, что русская жизнь создавала и такіе типы, какъ жены декабристовъ и т. д. Да и мало ли можно насчитать высокаго строя души русскихъ женщинъ! Теперь намъ легче понять и желчныя нападки Шеллера на женщинъ низменнаго типа, расплажающихся съ изумительной быстротой, не лишенныхъ образовательнаго ценза, съ отличнымъ происхожденіемъ и не застрахованныхъ своей изношенностью отъ преклоненія передъ ними мужчинъ высокаго ума и души. Ни у одного беллетриста нѣтъ столько дурныхъ женщинъ подъ гриммомъ новѣйшей культуры, какъ у Шеллера; но только онъ этому не радуется, какъ другіе писатели о новой женщинѣ — и въ этомъ его разница отъ нихъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ женскихъ типовъ, совершенно своеобразныхъ, если кто потрудится прослѣдить ихъ на протяженіи всего полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера. Его женщины руководятъ школами и филантропическими пріютами, дѣлятъ радости предбрачной жизни съ оскверняющими и убивающими всякую любовь тайнами; вступаютъ въ законный бракъ съ воспоминаніями; воспитываютъ собственныхъ дѣтей въ чужихъ гнѣздахъ: дѣвочекъ въ институтахъ,

а мальчиковъ въ латинскихъ школахъ, подготовляя изъ нихъ враговъ себѣ и т. д. Женскій вопросъ трактуется г. Шеллеромъ такъ разнообразно, какъ ни у одного изъ позднѣйшихъ беллетристовъ.

Автора нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ преднамѣренно сгустилъ семейные нравы въ одну черную краску. Тѣмъ не менѣе, авторъ оплакиваетъ паденіе семейныхъ началъ въ позднѣйшемъ поколѣніи и, устами одного изъ Муратовыхъ, наставительно замѣчаетъ: «Если я когда-нибудь сдѣлаюсь отцомъ, то первою моею задачею будетъ стремленіе стать другомъ своего сына и избавить его отъ горькой необходимости искать на сторонѣ участія и ласкъ, радушія и веселья, друзей и руководителей—однимъ словомъ, всего того, чего такъ часто недостаетъ нашей свѣтской молодежи въ родномъ гнѣздѣ, у родителей дѣльцовъ, у матерей модницъ и благотворительницъ, почти не видящихъ своихъ дѣтей, или у отцовъ или матерей, отдавшихся разгулу, разврату, картежной игрѣ... Недовольство роднымъ гнѣздомъ является, по моему мнѣнію, первою причиною нравственнаго ничтожества нашей молодежи».

VII.

«Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ»...—Провѣрка идеаловъ.—«Паденіе».—Индифферентизмъ конца 70-хъ годовъ.—«Ртищевъ».—Ренегатъ-восьмидесятникъ.

На ряду со множествомъ отрицательныхъ типовъ, у Шеллера выведены и люди дѣла, а не слова, какъ Рудые, Шуповы, Прохоровы и Благолѣповы, озабоченные исключительно осушеніемъ «Гнилыхъ болотъ» и пропагандой болѣе свѣтлаго порядка вещей. Эти послѣдніе изъ университетской молодежи—особенно дороги автору. Можетъ быть, имъ мы обязаны тѣмъ, что, несмотря на безотрадное отношеніе г. Шеллера къ семьѣ, школѣ и университету даже въ эпоху, слѣдующую за Крымской кампаніей,—онъ все-таки преисполненъ въ своихъ произведеніяхъ добраго упованія на ближайшее будущее. Въ такомъ же полномъ идеализма направленіи о близкомъ измѣненіи семьи, школы и общества подъ вліяніемъ новыхъ людей и реформъ написаны Шеллеромъ послѣдующіе романы: «Господа Обносковы», «Въ разбродъ», «Засоренныя дороги» и «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Здѣсь его герои пытаются на дѣлѣ про-

вести въ массу болѣе высокій уровень образованія и привычекъ, напоминая, по энергіи, англійскихъ дѣятелей «Распространительнаго Движенія» (University Extention) Арнольда Тоинби.

Не смотря на отсутствіе въ нашемъ бытѣ благопріятныхъ условій для развитія героевъ, сильные характеры въ романахъ Шеллера вполнѣ реальны и понятны при всеобщемъ возбужденіи умовъ въ эпоху «десятилѣтія реформъ», когда нерѣдко ничтожныя личности всплываютъ на поверхность и чуть не дѣлаютъ исторію. Но при дальнѣйшомъ наблюденіи за ними, авторъ дѣлается все болѣе и болѣе ригористомъ, съ ужасомъ замѣчая, что послѣ реформенное поколѣніе даже въ собственной жизни оказалось не менѣе «отцовъ» и легкомысленнымъ и безнравственнымъ. Его холостая жизнь исполнена пороками, даже безъ силы и увлеченій; собственная семейная жизнь менѣе устойчива, чѣмъ у отцовъ, и ей никто не придаетъ значенія первостепенной важности для человѣка; отношенія лицъ между собою въ обществѣ преисполнены раздраженія, зависти и разлада между словомъ и дѣломъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ только и хорошъ, пока что-нибудь можно изъ него извлечь для себя; всѣ прочія его достоинства перестали интересовать насъ. Идеалъ бывшаго идеалиста послѣ 30—40 лѣтъ превратился въ рубль и связи у высокопоставленныхъ лицъ, съ прославленіемъ ихъ «государственныхъ умовъ» въ стихахъ и газетахъ или либиральничаньемъ изъ-за угла и полнѣйшей бездѣятельностью тамъ, гдѣ у него есть голосъ и положеніе. Вотъ этихъ-то лицъ, уклонившихся отъ нормальнаго типа семьянина и гражданина, Шеллеръ преслѣдовалъ въ большинствѣ послѣдующихъ своихъ произведеній. На ряду съ благородными личностями вынырнули и дѣйствительные «нигилисты», т. е. эмансипировавшіеся во всѣхъ отношеніяхъ новые люди, которые били по щекамъ сперва крѣпостныхъ людей, а потомъ идеи... Вмѣстѣ съ барщиной и оброками они выбросили за бортъ и многія установившіяся понятія о личной нравственности, напоминая собою отчасти Раскольникова, Смердякова, Ивана Карамазова и всецѣло олицетворяя Ситникова съ Кукшиной. Это о нихъ было писано Герценомъ, что «въ первомъ задорѣ освобожденія они торопились сбросить съ себя всѣ условныя формы и это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними. Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнув-

шись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. Они всѣмъ говорили въ отместку: вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ злодѣями на словахъ; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ. Сбрасывая съ себя всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго пѣтуха. Ногота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь, не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ также не счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ. Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Д. С. Милля ракальей, забывая всю службу его — развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу, за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло». Развѣ въ этой и подобной выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы ясно не видите дерзость дореформенной офицерщины, и въ людяхъ, говорящихъ съ высока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры».

Этотъ типъ людей безпардонной базаровщины, сформировавшійся на ряду съ лучшими людьми 60-хъ годовъ, всегда занималъ г. Шеллера и не обманывалъ его своимъ нахальствомъ и шумомъ. Но особенность Шеллера въ этомъ случаѣ заключалась въ томъ, что онъ винилъ и здѣсь «отцовъ», всего менѣе заботящихся о «дѣтяхъ». Не взваливая грѣхи первыхъ на молодежь, авторъ стремился указать, подъ какими вліяніями развились кривые и болѣзненные отпрыски нашего общества. Читая его самыя мрачныя страницы о людяхъ и порядкахъ, чувствуешь, во имя какихъ свѣтлыхъ идеаловъ нападаетъ онъ на всю нескладицу нашей жизни, и это насъ примиряетъ съ нимъ.

вести въ массу болѣе высокій уровень образованія и привычекъ, напоминая, по энергіи, англійскихъ дѣятелей «Распространительнаго Движенія» (University Extention) Арнольда Тоинби.

Не смотря на отсутствіе въ нашемъ бытѣ благопріятныхъ условій для развитія героевъ, сильные характеры въ романахъ Шеллера вполнѣ реальны и понятны при всеобщемъ возбужденіи умовъ въ эпоху «десятилѣтія реформъ», когда нерѣдко ничтожныя личности всплываютъ на поверхность и чуть не дѣлаютъ исторію. Но при дальнѣйшомъ наблюденіи за ними, авторъ дѣлается все болѣе и болѣе ригористомъ, съ ужасомъ замѣчая, что послѣ реформенное поколѣніе даже въ собственной жизни оказалось не менѣе «отцовъ» и легкомысленнымъ и безнравственнымъ. Его холостая жизнь исполнена пороками, даже безъ силы и увлеченій; собственная семейная жизнь менѣе устойчива, чѣмъ у отцовъ, и ей никто не придаетъ значенія первостепенной важности для человѣка; отношенія лицъ между собою въ обществѣ преисполнены раздраженія, зависти и разлада между словомъ и дѣломъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ только и хорошъ, пока что-нибудь можно изъ него извлечь для себя; всѣ прочія его достоинства перестали интересовать насъ. Идеалъ бывшаго идеалиста послѣ 30—40 лѣтъ превратился въ рубль и связи у высокопоставленныхъ лицъ, съ прославленіемъ ихъ «государственныхъ умовъ» въ стихахъ и газетахъ или либиральничаньемъ изъ-за угла и полнѣйшей бездѣятельностью тамъ, гдѣ у него есть голосъ и положеніе. Вотъ этихъ-то лицъ, уклонившихся отъ нормальнаго типа семьянина и гражданина, Шеллеръ преслѣдовалъ въ большинствѣ послѣдующихъ своихъ произведеній. На ряду съ благородными личностями вынырнули и дѣйствительные «нигилисты», т. е. эмансипировавшіеся во всѣхъ отношеніяхъ новые люди, которые били по щекамъ сперва крѣпостныхъ людей, а потомъ идеи... Вмѣстѣ съ барщиной и оброками они выбросили за бортъ и многія установившіяся понятія о личной нравственности, напоминая собою отчасти Раскольникова, Смердякова, Ивана Карамазова и всецѣло олицетворяя Ситникова съ Кукшиной. Это о нихъ было писано Герценомъ, что «въ первомъ задорѣ освобожденія они торопились сбросить съ себя всѣ условныя формы и это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними. Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, наслѣдниками дурной и нездоровой жизни нисшихъ петербургскихъ слоевъ. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнув-

шись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. Они всѣмъ говорили въ отместку: вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ злодѣями на словахъ; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ. Сбрасывая съ себя всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго пѣтуха. Ногота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь, не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ также не счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ. Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Д. С. Милля ракальей, забывая всю службу его — развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу, за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло». Развѣ въ этой и подобной выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы ясно не видите дерзость дореформенной офицерщины, и въ людяхъ, говорящихъ съ высока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры».

Этотъ типъ людей безпардонной базаровщины, сформировавшійся на ряду съ лучшими людьми 60-хъ годовъ, всегда занималъ г. Шеллера и не обманывалъ его своимъ нахальствомъ и шумомъ. Но особенность Шеллера въ этомъ случаѣ заключалась въ томъ, что онъ винилъ и здѣсь «отцовъ», всего менѣе заботящихся о «дѣтяхъ». Не взваливая грѣхи первыхъ на молодежь, авторъ стремился указать, подъ какими вліяніями развились кривые и болѣзненные отпрыски нашего общества. Читая его самыя мрачныя страницы о людяхъ и порядкахъ, чувствуешь, во имя какихъ свѣтлыхъ идеаловъ нападаетъ онъ на всю нескладицу нашей жизни, и это насъ примиряетъ съ нимъ.

Его первые романы изображали шестидесятые годы («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Господа Обносковы», «Засоренныя дороги» и т. д.) со смѣлымъ призывомъ «впередъ безъ страха и сомнѣній»; послѣдующій романъ «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ» подводитъ итогъ и провѣрки шестидесятымъ годамъ въ скорбномъ признаніи одного изъ Прохоровыхъ о томъ, что «у насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять взятый на себя трудъ и за шатаніе изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой, но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого неумѣнія. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему». Авторъ не скрывалъ горькой правды объ итогахъ шестидесятыхъ годовъ и, разумѣется, это онъ о нихъ писалъ слѣдующія строки: «вражда между извѣстною частью стараго поколѣнія и извѣстною частью новаго дѣлалась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Многое изъ этой вражды было смѣшно, многое печально, но въ большей части случаевъ скверно. Нерѣдко самыя ожесточенныя словесныя битвы давались не изъ-за убѣжденій, а изъ-за предсѣдательскаго мѣста въ гостиной, занимаемаго тѣмъ или другимъ представителемъ одного или двухъ враждующихъ поколѣній. Иногда остроумное, повторенное въ обществѣ, слово юноши приводило въ ярость беззубаго старикашку, и онъ старался найти въ этомъ словѣ и паденіе нравовъ, и неуваженіе къ порядку, и все, что вамъ угодно, но только не простую безгрѣшную остроту, которой житья было два вечера и одно утро. Иногда юноша, не имѣя никакихъ убѣжденій, но наслушавшись рѣзкихъ словъ въ обществѣ убѣжденныхъ юношей, схватывалъ на лету нѣсколько крайнихъ мнѣній, бѣжалъ съ ними въ общество, какъ съ какимъ-нибудь кладомъ, и, встрѣтивъ отпоръ этимъ мнѣніямъ, ершился, очертя голову, шелъ далѣе, защищая краденыя и плохо понятыя мнѣнія, сверкалъ глазами, стискивалъ кулаки, трепалъ волосы. Все это сильно пахло раздраженіемъ мелкихъ самолюбицъ крошечныхъ великихъ людей. Никого не безпокоило желаніе сдѣлать изъ противника союз-

ника, чтó всегда возможно, если обѣ стороны честно преданы убѣжденіямъ, а не завидуютъ, что юноша хочетъ имѣть такія же человѣческія права, какъ и старикъ. Мнѣ становилось день ото дня грустнѣе и грустнѣе, я понималъ, что при подобномъ ходѣ дѣлъ невозможна никакая дѣятельность, и въ то же время боялся желать развязки. Все перебралъ я въ это время въ своей памяти: и дѣтство, и училищную жизнь, и споры въ обществѣ, то обвинялъ себя, то другихъ, и съ тяжелой грустью видѣлъ повсюду слѣды пустой, безцѣльной, ничѣмъ не оправдываемой вражды, нетерпимости, неуваженія людей другъ къ другу. Менѣе всего хотѣлось мнѣ въ это время оправдывать отцовъ или дѣтей, я просто понималъ, что многіе изъ тѣхъ и другихъ просто жалки и равно безсильны въ дѣлѣ мысли и трезваго хладнокровнаго обсужденія вещей; я видѣлъ, что долго не будетъ исхода изъ этого положенія вещей». Въ романѣ «Голь», Шеллеръ характеризуетъ это явленіе словами: «дѣти разошлись съ отцами; но это еще не значитъ, чтобы дѣти нашли возможность создать что нибудь новое, и не создадутъ они ничего новаго, покуда у нихъ не явится возможности сплотиться между собою, договориться громко и ясно до цѣлей и средствъ и размежеваться между собою на сплоченные кружки и партіи». Это признаніе автора свидѣтельствуетъ о скорбныхъ явленіяхъ общественной жизни, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось и дальнѣйшее литературное направленіе г. Шеллера. Послѣ этого признанія остается одинъ шагъ до пессимизма, если только та же общественная жизнь не обрадуетъ автора дѣйствительно новыми людьми. Такихъ людей, однако, дальнѣйшая жизнь еще менѣе давала г. Шеллеру, и онъ отражалъ послѣдовательно наиболѣе яркія ея явленія все съ большею и большею грустью объ утратѣ въ жизни свѣтлыхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ и окончательномъ упадкѣ въ обществѣ либеральнаго направленія. Вслѣдъ за идеалистами неудачниками, народился къ 1880 годамъ типъ добродушнаго ренегата и индиферентиста, вышучивающаго свое прошлое и подготовляющаго собственныхъ дѣтей не вѣрить ни въ какіе идеалы и скорѣе ненавидить ихъ, чѣмъ что-либо прежде полюбить въ жизни. А. К. Шеллеръ, откликнулся на это явленіе Серпуховымъ въ романѣ «Паденіе». Въ это время, послѣ 1881 года, уже подготовлялась новѣйшая культура съ злобнымъ и систематическимъ ренегатомъ, презирающимъ идеалистовъ и неудачниковъ 60-хъ годовъ, ругающихъ все, кромѣ себя: и литературу, и общество, и земство, захватывая, однако, все себѣ и не оставляя ничего другимъ: пользуясь всѣми, пока они нужны, и

ничего для нихъ не дѣлая, когда нужда миновала въ нихъ. Этотъ эгоистъ—презирающій бѣдность и мечтанія объ окнѣ въ Европу, глумящійся надъ шестидесятниками и т. д., есть прямой потомокъ эпохи реформъ и реакцій. Шеллеръ вывелъ этотъ типъ въ «Ртищевѣ», какъ очень яркаго представителя крайняго реакціоннаго времени. По нашему мнѣнію, «Ртищевъ» наиболѣе любопытный типъ и наиболѣе удавшійся г. Шеллеру. «Прежде было барство,—ненавижу я его, откровенно говоритъ Шеллеръ,—а все же тамъ бывали рѣдко такіе господчики, которые толковали бы, что къ нимъ люди идутъ только для того, чтобы ихъ объѣдать. Всякая гадость гнѣздилась въ нихъ, только не это мелочничество».

«Средствъ нѣтъ, не для чего и сзывать этихъ прихлебателей; нужно честно жить въ своихъ четырехъ стѣнахъ»,—авторитетно заявляетъ Ртищевъ, убѣждая въ томъ же и свою жену. Разорившихся родственниковъ-аристократовъ онъ честитъ, какъ враговъ: «имъ легче начать торговать собою, продавать свою честь, красть, поддѣлывать векселя, чѣмъ приняться за дѣло. Да и что они знаютъ, что умѣютъ? Они даже и чистоплотными были до той поры, пока другіе за нихъ все дѣлали. Не стало у нихъ дѣвки Евгешки, и явились зашлепанные подолы, шлепающіе ихъ по разодраннымъ пяткамъ немытыхъ чулокъ. Давно пора вырвать съ корнемъ вонъ эту сорную траву нашихъ бѣдныхъ родственниковъ». Точно также онъ принялся вырывать съ корнемъ у жены всѣ привитые ей въ умной отцовской семьѣ взгляды и привычки. Жена не должна жить собственной жизнью, а только «принаравливаться» къ мужу. Эту ломку производилъ Ртищевъ безъ грубости, безъ жестокости, безъ криковъ и ссоръ, не сознавая, что это ломка живаго существа. «Мы идемъ своей дорогой, не мѣшаясь съ распутной толпой», говоритъ онъ женѣ, желая, чтобы она была также эгоистомъ, также бранила всѣхъ и все, людей, порядки, общество, литературу. Чтобы ничего не было у нея святого, кромѣ его самого... Онъ достигаетъ своей цѣли, убѣждая ее въ томъ, что «семейная жизнь поглощаетъ въ сущности всю женщину».

— Всѣ эти барышни и барыни, скачущія съ лекціи на лекцію, отъ товарокъ къ товаркамъ, отъ новостей къ новостямъ—самая худшая изъ породъ... Идутъ по торной дорожкѣ къ разврату,—говорилъ онъ про всѣхъ учащихся дѣвушекъ.—Сегодня бѣгаютъ на курсы, завтра къ студентамъ за совѣтами, послѣ завтра на ночлегъ къ любовникамъ. Мужская молодежь—эти «мальчики безъ штановъ»—праздно болтаютъ о высокихъ предметахъ. Политика не ихъ

дѣло и не имъ играть спокойствіемъ народа. А самый народъ безъ узды немыслимъ, а эта узда—его религіозность.

Такимъ образомъ, онъ добился того, что жена свила ему гнѣздышко и окружила исключительно его одного своими заботами. А онъ что далъ ей? Изъ свободнаго человѣка сдѣлалъ крѣпостную... У нея были привязанности ко всему великому и прекрасному, а его воззрѣніе на людей такое, что весь міръ состоитъ изъ негодяевъ, кромѣ его самого; что искусство есть бездѣльничество или развращеніе; литература—клоака грязи и подстрекательства и т. д. «Все, однимъ словомъ, за бортъ вышвырнулъ. Ему легко безъ всякаго груза къ цѣли идти, а ей?»

— Тебѣ надо было взять не жену, а служанку, которая за плату исполняла бы кстати и роль жены! — замѣтила она мужу, когда въ концѣ концовъ чаша затаенныхъ страданій была переполнена.

— Ты съ ума сошла!—рѣзко проговорилъ онъ.

— О, я давно сошла съ ума, давно... въ ту минуту, когда рѣшилась выйти за тебя замужъ, когда выслушала первую твою проповѣдь объ обязанностяхъ честной жены. Ты вѣдь только объ этомъ мнѣ и проповѣдовалъ. Честная жена должна оставить отца и мать, прилѣпиться къ мужу; честная жена не должна разорять мужа, помогая его или своимъ роднымъ и кому бы то ни было, честная жена не должна имѣть ни друзей, ни близкихъ, ни своихъ привязанностей, ни своихъ взглядовъ, честная жена должна развратничать только съ мужемъ... А онъ? У него какія обязанности? Никакихъ! Никакихъ!

Въ отчаяніи жена застрѣливается... Таковъ у Шеллера типъ ренегата, воспитавшагося въ позднѣйшую эпоху реакцій. Этотъ типъ подмѣченъ въ нашемъ обществѣ Шеллеромъ впервые (если не считать Боборыкинскаго романа: «Поумнѣлъ»); и въ наше время число представителей этого типа ростетъ. Это старое барство, вырождающееся въ безсердечныхъ буржуа, которые, не моргнувъ глазомъ, перейдутъ черезъ чужіе трупы, лишь бы имъ было хорошо. Это — торжествующіе оскудѣныши. Практики! Побѣдители! Сильные люди — передъ которыми всѣ прочія существа — «худая трава въ полѣ».

VIII.

Изъ эпохи оскудѣнія дворянъ. — Семья Муратовыхъ. — «Бездомники» и «Конецъ Бирюковской дачи».—Торжествующая буржуазія по городамъ и деревнямъ: «Голь» и «Алчущіе».—«Послѣ насъ»: толстовцы-теоретики.

Если постепенное развитіе и умственнаго и нравственнаго роста молодежи и общества подъ вліяніемъ школы и семьи, выведено по-преимуществу въ серіи первоначальныхъ Шеллеровскихъ романовъ и разсказовъ, то тотъ же ростъ общества, вслѣдствіе экономическихъ въ немъ перемѣнъ, выведенъ авторомъ въ послѣднихъ произведеніяхъ: «Голь», «Алчущіе» и семья Муратовыхъ въ «Старыхъ гнѣздахъ», въ «Хлѣбѣ и зрѣлищахъ», «Безпечальномъ житьѣ», «И молотомъ и золотомъ», «Совѣсть». Они всѣ посвящены эпохѣ «Оскудѣнія» и возникновенія на развалинахъ дворянской Руси нашего tiers-état: черномазой аристократіи изъ «Голи» по городамъ и изъ «Алчущихъ» по деревнямъ. Особенность воспроизведенной авторомъ любопытной эпохи заключается въ томъ, что у большинства писателей (напримѣръ, у С. Атавы) «оскудѣныши» изъ чистокровныхъ дворянъ не были способны удержать за собой позиціи и приспособиться къ условіямъ послѣ-реформенной жизни. У Шеллера также имѣются погибающія барышни, не брезгающія послѣ разоренія даже узами Гименея съ мужиками и лавочниками («Конецъ Бирюковской дачи»); появляются червонные валеты á la Винтеръ съ Комп. въ «Безпечальномъ житьѣ»; господа Ломовы, умѣющіе только закладывать имѣнія да кричать: «куда мы идемъ!» и т. д.

«Семья Муратовыхъ»—это цѣлая серія романовъ изъ эпохи оскудѣнія. Начинается дѣло съ дѣлежа наслѣдства между братьями Муратовыми. Уже при дѣлежѣ имущества видно, что братья готовы перегрызть другъ другу горло. Это дѣти неумѣлыхъ крѣпостниковъ, ханжи матери и пьяницы отца. Они воспитывались внѣ дома на казенныхъ хлѣбахъ или у петербургскихъ аристократовъ родственниковъ, общаго между ними нѣтъ ничего. Одинъ братъ, Аркадій Павловичъ, отупѣвшій петербургскій чиновникъ, живущій не по средствамъ, мирится ради выгодъ и съ ролью мужа—рогоносца и съ ролью человѣка обдѣлывающаго нечистыя дѣла Іерусалимскихъ дворянъ, скупающихъ земли въ Западномъ краѣ. Петръ Павловичъ, гвардейскій хлыщъ и прожигатель жизни, сводитъ весь ея интересъ къ одному вопросу: гдѣ бы достать де-

негъ? Ради денегъ онъ соблазняетъ глуповатую жену стараго ростовщика и въ то же время разсчитываетъ жениться на богатой честной и милой дѣвушкѣ. Романъ съ женою ростовщика Зиминой доходитъ въ сущности до уголовщины, до поддѣльныхъ векселей, до насильственной смерти Зимина, задушеннаго женой. Опомниться легкомысленнаго человѣка заставляетъ только то, что онъ видитъ, какъ погибаютъ на скамьѣ подсудимыхъ люди подобные ему, отправляясь послѣ великосвѣтскихъ баловъ въ мѣста не столь отдаленныя («Безпечальное житье»). Другая участь (романъ «И золотомъ и молотомъ») ждала Данила Павловича Муратова, трактирнаго героя, жившаго въ провинціи и ближе знавшаго народъ и кулачество. Очутившись на своихъ ногахъ, онъ увидѣлъ, что надо сдѣлаться кулакомъ, чтобы спастись. И вотъ женившись на дочери своего крѣпостного, теперь купца и подрядчика, онъ проходитъ тяжелую школу желѣзнодорожнаго строителя, моритъ людей, не брезгуетъ никакими средствами и наконецъ добивается «и золотомъ и молотомъ» своего т. е. богатства. Максимъ Павловичъ—неудачникъ, которому суждено кончить жизнь «внѣ жизни» безъ толку, пострадавъ «за идеи». Романъ о немъ остался въ портфелѣ автора въ отрывкахъ и набросках, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны заграницей. Максимъ, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ отщепенцевъ общества, которые случайно остаются за флагомъ. Пройдя всѣ ужасы нищеты, насмотрѣвшись на обездоленныхъ людей, онъ озлобляется противъ существующихъ порядковъ и дѣлается протестующимъ человѣкомъ. Но у него нѣтъ ни умѣнія, ни средствъ для того, чтобы протестъ явился сколько нибудь плодотворнымъ, и потому въ концѣ концовъ ему, вмѣстѣ съ массой подобныхъ ему людей, приходится очутиться «внѣ жизни», т. е. въ тюрьмѣ, гдѣ и протекаютъ лучшіе его годы и откуда ему суждено выйти изломаннымъ жизнью, непригоднымъ уже для легальной дѣятельности. Сестра его Софья Павловна, (ром. «Совѣсть») послѣ «ложнаго шага» среди свѣтскаго общества, идетъ въ монастырь, гдѣ дѣлается довольно видной дѣятельницей въ роли игуменьи, но эта дѣятельность напоминаетъ карьеру извѣстной матушки—Митрофаніи. «Старыя гнѣзда» посвящены общей характеристикѣ всѣхъ этихъ героевъ, которымъ суждено на разныхъ поприщахъ дѣйствовать въ эпоху оскудѣнія. Интересными являются у Шеллера въ этихъ романахъ и старые типы дворянъ, неумѣющихъ принаровиться къ новой жизни безъ крестьянъ, какъ напримѣръ старый баринъ

Платонъ Николаевичъ Баскаковъ, умирающій отъ удара при первомъ же столкновеніи со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ или его братъ Александръ Николаевичъ Баскаковъ—мотъ и кутила, носящійся вѣчно съ какими то неосуществимыми планами, дѣлающійся домостроителемъ въ Петербургѣ во время строительной горячки восьмидесятыхъ годовъ и умирающій совершенно раззоренным нищимъ, настроивъ громадные дома для другихъ. Еще тяжелѣе остается впечатлѣніе о несчастныхъ «оскудѣнышахъ» по прочтеніи романа «Бездомники» или разсказа «Конецъ Бирюковской дачи» съ барышнями помѣщицами, у которыхъ мѣстный кулакъ отбираетъ за долги ихъ усадьбу. Неприготовленныя ни къ какому труду и не нашедшія себѣ жениховъ, онѣ должны очутиться «на улицѣ», исключая той изъ нихъ, которая ушла въ избу мужика и стала жить съ нимъ, «опростившись» до него. Но среди вырождающихся дворянъ въ «декадентовъ жизни» и нищихъ, Шеллеръ не забылъ среди нихъ и «Побѣдителей», представителей нарождающейся у насъ буржуазіи на мѣстахъ упраздненнаго дворянства.

Шеллеръ умѣлъ воспроизвести весьма удачно представителей послѣ-реформеннаго дворянства, не поднявшихся на ноги и пострадавшихъ безъ толку на всѣхъ поприщахъ. Но онъ не былъ слѣпъ къ тому, что изъ той же эпохи «Оскудѣнія» вышли «Ртищевъ» и Орловъ въ «Голи» по городамъ; Кожуховы въ «Алчущихъ» по деревнямъ. «Новыя учрежденія,—говоритъ г. Шеллеръ,—потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привиллегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей создался новый классъ разночинцевъ; ихъ, можетъ быть, неловко было спрашивать объ ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами и имѣли денежныя средства». Интеллигентъ изъ «Голи», взявшійся за умъ, тотчасъ розыскалъ дорогу къ сладкому пирогу съ тою только разницею, что его родовитый предокъ бралъ кусокъ вилкой и ножемъ, а этотъ—немытой пятерней. Изъ нихъ не вышли молодые Шуповы, которые въ 60-хъ годахъ обѣщались Шеллеру осушить «Гнилыя болота», и за которыхъ авторъ ручался, что ихъ нельзя превратить въ подлецовъ, но зато одинъ «на желѣзную дорогу взялъ концессію и вышелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой пріобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ

день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди кутятъ, входятъ въ высшій кругъ и соперничаютъ съ барами»...

Не получивъ въ дореформенной семьѣ и школѣ прочныхъ началъ стыдливости и хорошо обоснованныхъ политическихъ взглядовъ, дворянскіе оскудѣныши очень скоро уступили свое мѣсто «хамову-отродью». Орловъ изъ «Голи» очень скоро понялъ философію своего времени. «Ужъ вѣкъ такой, говоритъ онъ. Прежде, бывало, рекомендуется человѣкъ: помѣщикъ такой-то губерніи, графъ такой-то, ну, ты и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А теперь говорятъ «господинъ Андреевъ пришелъ». А чортъ его знаетъ этого Андреева, что онъ такое: нищій-попрошайка или порядочный человѣкъ и приличный господинъ? Ну, и надо, чтобы сразу какой-нибудь перстень бриллiантовый или цѣпь во весь животъ заявили, что, молъ, Андреевъ знакомиться съ вами пришелъ, а не грабить васъ. И платить прежде знали сколько какому-нибудь дѣйствительному статскому совѣтнику или какому-нибудь князю, а Андрееву платятъ лишь столько, насколько внушительна обстановка Андреева. Въ обществѣ, гдѣ дѣйствительныя заслуги, умъ, энергія ставятся ни во что, каждому общественному дѣятелю приходится быть кокоткой или погибнуть.

— То-есть прежде нужно быть не геніемъ, а шарлатаномъ, замѣтилъ ему кто-то.

— Да, шарлатаномъ, потому-что чаще всего приходится имѣть дѣло съ дураками или подлецами, отвѣтилъ Орловъ.—Скажите откровенно, гдѣ вы найдете такой «порядочный» кругъ людей, такое «образованное» общество, куда не пустили-бы на порогъ какого-нибудь желѣзнодорожнаго туза изъ первѣйшихъ мошенниковъ, какого-нибудь милліонера-банкира изъ первѣйшихъ ростовщиковъ и куда приняли-бы съ почетомъ честнѣйшаго труженика въ лохмотьяхъ, безъ титуловъ, безъ связей? Такихъ кружковъ, такихъ обществъ нѣтъ. Всѣ эти фарисействующіе печальники о бѣднякахъ и матушки-благодѣтельницы льнутъ только къ капиталу, къ титуламъ, къ знаменитостямъ, а приди къ нимъ самъ Христосъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ, лакеи выгонятъ его съ крыльца этихъ друзей меньшей братіи.

Не менѣе сильными являются за послѣднее время по деревнямъ и новые землевладѣльцы-меліораторы, у которыхъ «батракъ спитъ однимъ глазомъ», но котораго новые помѣщики любятъ посвоему,

т. е. какъ дойную корову, которую надо для своихъ выгодъ хорошо содержать, но быть съ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ «выжигой» и всегда «насторожѣ». Этотъ типъ меліораторовъ-землевладѣльцевъ пока еще только нарождается въ селахъ и въ русской беллетристикѣ выведенъ очень мало. У г. Шеллера они очерчены съ обычной ему талантливостью и скорбію о томъ, что дѣловитость послѣ-реформеннаго поколѣнія чисто кулацкаго свойства. Въ «Алчущихъ», кромѣ растерявшихся послѣ эмансипаціи дворянъ, выводится на сцену цѣлая семья кряжистыхъ людей, которые сумѣли и послѣ освобожденія крестьянъ взяться здоровыми руками за дѣло, подъ руководствомъ своей дѣловитой матери изъ аристократокъ, устранившей отъ себя своего разорителя—«флигель-адъютанта», т. е. мужа (Елизавета Андреевна Кожухова). Эти люди, вѣчно роющіеся въ навозѣ, глинѣ и кирпичѣ, являются противоположностью тѣмъ разорившимся дворянамъ (Ломовымъ), которые воображаютъ, что въ деревнѣ «стоитъ выписать новую коляску, новыя дрожки купить да полкурицы завести въ усадьбѣ—вотъ и хозяйство».

Чѣмъ торопливѣе мы шли на выучку къ капитализму, тѣмъ исключительнѣе выводилъ Шеллеръ въ своихъ романахъ типъ торжествующаго безсердечнаго буржуа, замѣщающаго всюду упраздненныя ваканціи, съ специфической философіей о безсиліи моральнаго элемента въ исторіи русскаго общества и торжествѣ надъ личностью матеріальныхъ условій жизни.

Да, всѣ эти богачи — какіе-то Ивановы, Барановы, Козловы, Кобылины; эта вчерашняя голь вдругъ пошла въ гору и рвала зубами выпавшую ей на долю добычу въ новыхъ учрежденіяхъ, въ акціонерныхъ компаніяхъ и комитетахъ. Эти люди въ сущности только повторяли то, что̀ дѣлалось и прежде, только теперь всѣ кутежи были съ одной стороны мельче, пошлѣе, а съ другой— ихъ число возрасло, такъ какъ возрасло и число людей, имѣвшихъ средства такъ жить. Прежде весь Петербургъ пальцемъ указывалъ на Яковлевыхъ, Волковыхъ, Пономаревыхъ и тому подобныхъ представителей разгула, теперь подобнымъ господамъ и счета нѣтъ.

Этому типу людей, народившемуся изъ «Голи» на смѣну дворянства, Шеллеръ приписываетъ торжествующую пѣснь о пролетаріяхъ:

Не тужи, погибающій людъ,
Твои горькіе стоны мы слышимъ;
Насъ томитъ твой убійственный трудъ,
О судьбѣ твоей книги мы пишемъ.

Если бъ былъ ты прилично одѣтъ,
Ты бы могъ посѣтить наши домы,
Отогрѣться и, кончивъ обѣдъ,
Пошумѣть о недолѣ знакомой.

Если бъ ты уже грамотнымъ былъ,
Ты прочелъ бы сейчасъ наши книги
И забылъ бы, что свѣтъ не разбилъ
Вѣковѣчныхъ страданій вериги.

Но не плачь! только дай написать
Намъ послѣднюю книгу о нищихъ,—
И научишься вдругъ ты читать
И очутишься въ нашихъ жилищахъ.

Будешь ѣздить въ каретахъ, давить
Неумѣющихъ бѣгать прохожихъ,
Спать до полдня, съ друзьями кутить
И кормить иностранокъ пригожихъ.

— Такимъ образомъ «Оскудѣніе» дворянъ въ романахъ г. Шеллера совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, у Атавы. Послѣдній видѣлъ увертюру «Оскудѣнія» и не прослѣдилъ до конца судьбу своихъ «тамбовцевъ», а г. Шеллеръ скорѣе присутствовалъ на послѣднемъ актѣ землевладѣльческой эпопеи, и его «Голь», и «Алчущіе» имѣютъ исторически-бытовой интересъ. По мѣрѣ того какъ вымирали «Дворянскія гнѣзда», зарождалась наша побѣдоносная буржуазія, прототипами которой являлись Орловъ и Ртищевъ. Пониженіе идей культурнаго класса, его вкусовъ и душевныхъ свойствъ,—г. Шеллеръ оплакиваетъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, отлично понимая, что если чистокровныя сословія не отличались образцовыми школами и нравственными семьями, то и черномазая аристократія изъ «Голи» и «Алчущихъ» — съ Орловыми и Бирюковскими барышнями—готовятъ поколѣніе людей, еще менѣе отвѣчающихъ идеямъ о прогрессѣ.

Мрачныя картины нашей общественной жизни нисколько не изгладились въ наблюденіяхъ романиста и тогда, когда за послѣдніе годы въ обществѣ появились новые люди, извѣстные подъ именемъ «толстовцевъ». Въ книгѣ появившейся 1900 года, въ дополненіе къ «Полному собранію сочиненій» А. К. Шеллера, собраны его романы «Школа жизни» и двѣ повѣсти «Глухая рознь» и «Послѣ насъ». Въ послѣдней изъ нихъ авторъ, хотя и нѣсколько блѣдно, выводитъ типъ людей, которые проповѣдуютъ воду, а сами пьютъ вино и которые для этой «воды» готовы изломать чужую

жизнь, какъ бы носитель ея не былъ мало пригоденъ для идеала съ водой и чернымъ хлѣбомъ.

Леонидъ Николаевичъ пріѣзжаетъ въ усадьбу, скончавшагося отца и узнаетъ, что у покойнаго остался незаконнорожденный сынъ и мать послѣдняго. Какъ передъ пріѣздомъ своимъ въ усадьбу, Леонидъ Николоевичъ не пожелалъ ее видѣть, такъ и за послѣдовавшимъ ея самоотравленіемъ, онъ велѣлъ покойницу «отправить въ больницу» и пообѣщался «не бросить ея мальчика».

— Онъ изъ своей части долженъ помочь мальчику, такъ какъ это несомнѣнно сынъ его отца. Но какъ? Деньги иногда ни что иное, какъ страшное зло.

Разсуждая, такимъ образомъ, онъ рѣшилъ:

— Придется добывать хлѣбъ работой, на костюмчики нельзя будетъ тратиться, а отвыкать отъ того, что вошло въ плоть и кровь, послѣ будетъ трудно... Надо теперь же приняться за перевоспитаніе мальчика.

И него въ головѣ давно уже согрѣлъ планъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь вдали отъ развратныхъ большихъ городскихъ центровъ въ простой крестьянской обстановкѣ, научившись черному труду, съ ограниченіемъ всѣхъ своихъ потребностей.

Онъ прямо заявилъ старику лакею, который няньчилъ «Бориньку», что мальчику уже пять лѣтъ и въ какомъ нибудь особенномъ уходѣ онъ не нуждается. «Онъ поселится здѣсь гдѣ-нибудь со мной, и когда подростетъ, я увижу, что надо будетъ сдѣлать изъ него... къ чему будутъ способности. Вы, Михаилъ Матвѣевичъ, человѣкъ старый и многаго вамъ не объяснить... Вы вотъ баловали мальчика, какъ князька какого, а ему, можетъ быть, въ будущее-то сапожникомъ или столяромъ придется быть... будущее неизвѣстно».

— Это сыну то Николая Даниловича?—воскликнулъ Михаилъ Матвѣичъ и махнулъ рукою. — Что вы, сударь, шутить изволите, значитъ, надо мной, старикомъ...

— Вы ошибаетесь, началъ Леонидъ Николаевичъ. Борисъ незаконный сынъ и дѣлать изъ него привередливаго барченка я вовсе не желаю... и не имѣю права...

— Батюшка, Леонидъ Николаевичъ,—молящимъ голосомъ воскликнулъ старикъ. — Дитя малое, значитъ, отца и матери разомъ лишилось, зачѣмъ же еще вы и меня то отъ него, значитъ, отнимаете... разомъ-то привыкнуть дитяти будетъ трудно, одинъ одине-

шенекъ останется... Ничего мнѣ, значитъ, не надо, ни жалованья, ни куска хлѣба, оставьте только, значитъ при немъ...

Леонидъ Николаевичъ разрѣшилъ старику только «навѣщать» мальчика, нуждавшагося въ любящемъ сердцѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ воспитательныхъ теоріяхъ по заказу.

А, между тѣмъ, онъ запретилъ старику даже иногда помочь ребенку надѣть чулки и сапоги, несмотря на то, что любовь старика къ ребенку только и могла выразиться въ мелкихъ услугахъ послѣднему. «Сладкаго куска» нельзя было дать, такъ какъ у Леонида Николаевича «на все, значитъ резоны свои»...

Хуже всего бывало въ тѣ минуты, когда Михаилъ Матвѣичъ заставалъ Бореньку одного, и тотъ прижавшись головой къ старику, тихо-тихо начиналъ плакать, не умѣя даже объяснить, о чемъ онъ плачетъ, о томъ ли, что къ нему не идутъ папа и мама, о томъ ли, что ему не даютъ сластей и игрушекъ, о томъ ли, что къ Леониду Николаевичу нельзя вотъ такъ прижаться головкой, какъ къ дядѣ Мишѣ.

Съ своей стороны и «толстовецъ» Леонидъ Николаевичъ судилъ о старикѣ въ томъ духѣ, что ему еще долго придется противодѣйствовать этому глупому старику, умѣющему только баловать, неумѣнью быть самостоятельнымъ и бабьей плаксивости. Онъ не помнилъ себя въ этомъ возрастѣ, но ему казалось, что онъ всегда самъ одѣвался, всему самъ научился, до всего дошелъ самъ, всегда былъ бодръ и серіозенъ, стоя выше всѣхъ окружавшихъ его людей. Онъ мысленно давалъ себѣ обѣщаніе:

— Я его такимъ и сдѣлаю въ деревнѣ, только бы этотъ выжившій изъ ума старикъ удалился поскорѣе въ богадѣльню.

А старикъ и самъ сознавалъ, что «ему не долго жить, что и Боренька, ангелъ Божій, едва ли проживетъ долго — уморитъ его Леонидъ Николаевичъ».

Такимъ «камнемъ», а не гуманнымъ и глубокимъ человѣкомъ выведенъ Шеллеромъ «толстовецъ», котораго, конечно, нельзя ставить на счетъ Л. Н. Толстого, но который всецѣло свидѣтельстуетъ грубость нашего общества и грубость нашего примѣненія къ жизни истинъ, возвышающихъ насъ. Оказывается что мы способны скомпрометировать самыя простыя истины и поэтому не мудрено, что Леонида Николаевича прозвали «поврежденнымъ» и «блаженнымъ», несмотря на то, что самъ онъ непремѣнно хочетъ быть «оракуломъ», «прорицателемъ» или «судьею»...

Грустнымъ наблюденіемъ надъ русской жизнью закончилъ

А. К. Шеллеръ свои послѣднія работы. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ онъ далъ намъ о перемѣнахъ въ общественной жизни нѣсколько избранныхъ романовъ («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ», «Паденіе». «Ртищевъ», «Бездомники», «Голь», «Алчущіе» и «Послѣ насъ»), которые надолго переживутъ автора и обезпечатъ за нимъ извѣстность гуманнаго и просвѣщеннаго художника.

IX.

Стихотворенія А. К. Шеллера, какъ автобіографическій матеріалъ.—Минутныя настроенія.—Молодой поэтъ.

У Шеллера также имѣется цѣлый томъ оригинальныхъ стихотвореній и множество переводныхъ изъ Фр. Коппэ, Петефи, Фрейлиграта, Гервега, Шерра, Шамиссо, Карнуэля, Гуда, Прутца и др. Стихотворенія Шеллера собраны въ первомъ томѣ его сочиненій, изданія Бортневскаго за 1873 г. Это первое изданіе шести томовъ Шеллера давно уже разошлось, а въ позднѣйшемъ Суворинскомъ изданіи стихотворенія не были помѣщены авторомъ. Между тѣмъ, онѣ не лишены поэтическихъ достоинствъ, а главное являются драгоцѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ, объясняющимъ многія странности въ жизни и характерѣ Шеллера. Кромѣ того, публика мало знакома съ ними и, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы сдѣлаемъ изъ стихотвореній Шеллера нѣкоторыя извлеченія. Онъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Большая часть изъ нихъ, быть можетъ, не имѣя никакихъ достоинствъ въ поэтическомъ отношеніи, является какъ-бы листками изъ моей записной книги, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говоритъ о томъ, что было прожито и какъ прожито. Быть можетъ, эта—и только эта одна—сторона будетъ близка и дорога тѣмъ изъ моихъ читателей, которые, подобно мнѣ, прошли тотъ-же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невѣжества, безъ всякой посторонней помощи, на свѣтъ. Быть можетъ, она будетъ дорога и близка только имъ. Пусть такъ! Этого одного довольно для того, чтобы сохранить эти листки и спокойно слушать строгіе и отчасти очень справедливые приговоры тѣхъ, которые не проводили дѣтства въ какомъ-нибудь сыромъ углѣ, не развивались урывками, въ средѣ полуграмотныхъ

бѣдняковъ, не учились и не работали среди голода и холода, самоучкою, наконецъ, не писали украдкою, по ночамъ, не имѣя иногда даже огарка сальной свѣчи. Не бывши въ этой тяжелой школѣ, можно только удивляться, какъ мало вынесли изъ нея ея ученики. Побывши въ ней, можно только удивляться, что ея ученики успѣли вынести изъ нея хоть что-нибудь.

Второй отдѣлъ этой книги посвященъ мною переводамъ стихотвореній иностранныхъ писателей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, случайно переведенныхъ мною стихотвореній, большая часть выбранныхъ мною для перевода произведеній посвящена жизни тѣхъ людей, которымъ почему-бы то ни было не легко живется на свѣтѣ. Эти произведенія служатъ какъ-бы дополненіемъ къ моимъ собственнымъ стихамъ. Въ нихъ высказано то, чего не могъ-бы и не умѣлъ-бы высказать я лучше и полнѣе.

Наконецъ, третій отдѣлъ этой книги заключаетъ въ себѣ произведенія любимаго моего поэта—Александра Петефи-Зандора. Я перевелъ значительную часть его произведеній, но, по разнымъ обстоятельствамъ, я могу напечатать только нѣкоторыя и далеко не самыя яркія изъ нихъ.

Имя Александра Петефи почти неизвѣстно у насъ, а между тѣмъ это былъ не только одинъ изъ величайшихъ геніевъ Венгріи, но и одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, какіе появлялись въ Европѣ въ нашъ вѣкъ. Онъ вышелъ изъ народа и прошелъ рука объ-руку съ этимъ народомъ черезъ одну и ту-же грязь, черезъ одни и тѣже шинки; онъ развивался въ тяжелой школѣ нищеты, притѣсненій и несправедливостей; онъ бился и перомъ, и мечомъ за права своего народа, какъ страстный общественный и политическій дѣятель сороковыхъ годовъ». Такимъ образомъ, мы видимъ, что и оригинальныя и переводныя стихотворенія Шеллера принадлежатъ одной и той же музѣ, воспитавшей и самаго поэта въ тяжелыхъ условіяхъ русской жизни. Объ этой жизни мы читаемъ у Шеллера слѣдующій «Прологъ» къ его стихотвореніямъ:

Какимъ-бы чистымъ вдохновеньемъ
Ты ни сверкнула, пѣснь моя,—
Не ты мнѣ будешь утѣшеньемъ
И не тобой горжуся я.
Тебя дешевою цѣною
Во дни свободы я купилъ,
Но я горжусь передъ толпою
Запасомъ неубитыхъ силъ.

А. К. Шеллеръ свои послѣднія работы. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ онъ далъ намъ о перемѣнахъ въ общественной жизни нѣсколько избранныхъ романовъ («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ», «Паденіе». «Ртищевъ», «Бездомники», «Голь», «Алчущіе» и «Послѣ насъ»), которые надолго переживутъ автора и обезпечатъ за нимъ извѣстность гуманнаго и просвѣщеннаго художника.

IX.

Стихотворенія А. К. Шеллера, какъ автобіографическій матеріалъ.—Минутныя настроенія.—Молодой поэтъ.

У Шеллера также имѣется цѣлый томъ оригинальныхъ стихотвореній и множество переводныхъ изъ Фр. Коппэ, Петефи, Фрейлиграта, Гервега, Шерра, Шамиссо, Карнуэля, Гуда, Прутца и др. Стихотворенія Шеллера собраны въ первомъ томѣ его сочиненій, изданія Бортневскаго за 1873 г. Это первое изданіе шести томовъ Шеллера давно уже разошлось, а въ позднѣйшемъ Суворинскомъ изданіи стихотворенія не были помѣщены авторомъ. Между тѣмъ, онѣ не лишены поэтическихъ достоинствъ, а главное являются драгоцѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ, объясняющимъ многія странности въ жизни и характерѣ Шеллера. Кромѣ того, публика мало знакома съ ними и, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы сдѣлаемъ изъ стихотвореній Шеллера нѣкоторыя извлеченія. Онъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Большая часть изъ нихъ, быть можетъ, не имѣя никакихъ достоинствъ въ поэтическомъ отношеніи, является какъ-бы листками изъ моей записной книги, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говоритъ о томъ, что было прожито и какъ прожито. Быть можетъ, эта—и только эта одна—сторона будетъ близка и дорога тѣмъ изъ моихъ читателей, которые, подобно мнѣ, прошли тотъ-же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невѣжества, безъ всякой посторонней помощи, на свѣтъ. Быть можетъ, она будетъ дорога и близка только имъ. Пусть такъ! Этого одного довольно для того, чтобы сохранить эти листки и спокойно слушать строгіе и отчасти очень справедливые приговоры тѣхъ, которые не проводили дѣтства въ какомъ-нибудь сыромъ углѣ, не развивались урывками, въ средѣ полуграмотныхъ

бѣдняковъ, не учились и не работали среди голода и холода, самоучкою, наконецъ, не писали украдкою, по ночамъ, не имѣя иногда даже огарка сальной свѣчи. Не бывши въ этой тяжелой школѣ, можно только удивляться, какъ мало вынесли изъ нея ея ученики. Побывши въ ней, можно только удивляться, что ея ученики успѣли вынести изъ нея хоть что-нибудь.

Второй отдѣлъ этой книги посвященъ мною переводамъ стихотвореній иностранныхъ писателей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, случайно переведенныхъ мною стихотвореній, большая часть выбранныхъ мною для перевода произведеній посвящена жизни тѣхъ людей, которымъ почему-бы то ни было не легко живется на свѣтѣ. Эти произведенія служатъ какъ-бы дополненіемъ къ моимъ собственнымъ стихамъ. Въ нихъ высказано то, чего не могъ-бы и не умѣлъ-бы высказать я лучше и полнѣе.

Наконецъ, третій отдѣлъ этой книги заключаетъ въ себѣ произведенія любимаго моего поэта—Александра Петефи-Зандора. Я перевелъ значительную часть его произведеній, но, по разнымъ обстоятельствамъ, я могу напечатать только нѣкоторыя и далеко не самыя яркія изъ нихъ.

Имя Александра Петефи почти неизвѣстно у насъ, а между тѣмъ это былъ не только одинъ изъ величайшихъ геніевъ Венгріи, но и одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, какіе появлялись въ Европѣ въ нашъ вѣкъ. Онъ вышелъ изъ народа и прошелъ рука объ-руку съ этимъ народомъ черезъ одну и ту-же грязь, черезъ одни и тѣже шинки; онъ развивался въ тяжелой школѣ нищеты, притѣсненій и несправедливостей; онъ бился и перомъ, и мечомъ за права своего народа, какъ страстный общественный и политическій дѣятель сороковыхъ годовъ». Такимъ образомъ, мы видимъ, что и оригинальныя и переводныя стихотворенія Шеллера принадлежатъ одной и той же музѣ, воспитавшей и самаго поэта въ тяжелыхъ условіяхъ русской жизни. Объ этой жизни мы читаемъ у Шеллера слѣдующій «Прологъ» къ его стихотвореніямъ:

Какимъ-бы чистымъ вдохновеньемъ
Ты ни сверкнула, пѣснь моя,—
Не ты мнѣ будешь утѣшеньемъ
И не тобой горжуся я.
Тебя дешевою цѣною
Во дни свободы я купилъ,
Но я горжусь передъ толпою
Запасомъ неубитыхъ силъ.

А. К. Шеллеръ свои послѣднія работы. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ онъ далъ намъ о перемѣнахъ въ общественной жизни нѣсколько избранныхъ романовъ («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ», «Паденіе». «Ртищевъ», «Бездомники», «Голь», «Алчущіе» и «Послѣ насъ»), которые надолго переживутъ автора и обезпечатъ за нимъ извѣстность гуманнаго и просвѣщеннаго художника.

IX.

Стихотворенія А. К. Шеллера, какъ автобіографическій матеріалъ.—Минутныя настроенія.—Молодой поэтъ.

У Шеллера также имѣется цѣлый томъ оригинальныхъ стихотвореній и множество переводныхъ изъ Фр. Коппэ, Петефи, Фрейлиграта, Гервега, Шерра, Шамиссо, Карнуэля, Гуда, Прутца и др. Стихотворенія Шеллера собраны въ первомъ томѣ его сочиненій, изданія Бортневскаго за 1873 г. Это первое изданіе шести томовъ Шеллера давно уже разошлось, а въ позднѣйшемъ Суворинскомъ изданіи стихотворенія не были помѣщены авторомъ. Между тѣмъ, онѣ не лишены поэтическихъ достоинствъ, а главное являются драгоцѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ, объясняющимъ многія странности въ жизни и характерѣ Шеллера. Кромѣ того, публика мало знакома съ ними и, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы сдѣлаемъ изъ стихотвореній Шеллера нѣкоторыя извлеченія. Онъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Большая часть изъ нихъ, быть можетъ, не имѣя никакихъ достоинствъ въ поэтическомъ отношеніи, является какъ-бы листками изъ моей записной книги, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говоритъ о томъ, что было прожито и какъ прожито. Быть можетъ, эта—и только эта одна—сторона будетъ близка и дорога тѣмъ изъ моихъ читателей, которые, подобно мнѣ, прошли тотъ-же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невѣжества, безъ всякой посторонней помощи, на свѣтъ. Быть можетъ, она будетъ дорога и близка только имъ. Пусть такъ! Этого одного довольно для того, чтобы сохранить эти листки и спокойно слушать строгіе и отчасти очень справедливые приговоры тѣхъ, которые не проводили дѣтства въ какомъ-нибудь сыромъ углѣ, не развивались урывками, въ средѣ полуграмотныхъ

бѣдняковъ, не учились и не работали среди голода и холода, самоучкою, наконецъ, не писали украдкою, по ночамъ, не имѣя иногда даже огарка сальной свѣчи. Не бывши въ этой тяжелой школѣ, можно только удивляться, какъ мало вынесли изъ нея ея ученики. Побывши въ ней, можно только удивляться, что ея ученики успѣли вынести изъ нея хоть что-нибудь.

Второй отдѣлъ этой книги посвященъ мною переводамъ стихотвореній иностранныхъ писателей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, случайно переведенныхъ мною стихотвореній, большая часть выбранныхъ мною для перевода произведеній посвящена жизни тѣхъ людей, которымъ почему-бы то ни было не легко живется на свѣтѣ. Эти произведенія служатъ какъ-бы дополненіемъ къ моимъ собственнымъ стихамъ. Въ нихъ высказано то, чего не могъ-бы и не умѣлъ-бы высказать я лучше и полнѣе.

Наконецъ, третій отдѣлъ этой книги заключаетъ въ себѣ произведенія любимаго моего поэта—Александра Петефи-Зандора. Я перевелъ значительную часть его произведеній, но, по разнымъ обстоятельствамъ, я могу напечатать только нѣкоторыя и далеко не самыя яркія изъ нихъ.

Имя Александра Петефи почти неизвѣстно у насъ, а между тѣмъ это былъ не только одинъ изъ величайшихъ геніевъ Венгріи, но и одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, какіе появлялись въ Европѣ въ нашъ вѣкъ. Онъ вышелъ изъ народа и прошелъ рука объ-руку съ этимъ народомъ черезъ одну и ту-же грязь, черезъ одни и тѣже шинки; онъ развивался въ тяжелой школѣ нищеты, притѣсненій и несправедливостей; онъ бился и перомъ, и мечомъ за права своего народа, какъ страстный общественный и политическій дѣятель сороковыхъ годовъ». Такимъ образомъ, мы видимъ, что и оригинальныя и переводныя стихотворенія Шеллера принадлежатъ одной и той же музѣ, воспитавшей и самаго поэта въ тяжелыхъ условіяхъ русской жизни. Объ этой жизни мы читаемъ у Шеллера слѣдующій «Прологъ» къ его стихотвореніямъ:

Какимъ-бы чистымъ вдохновеньемъ
Ты ни сверкнула, пѣснь моя,—
Но ты мнѣ будешь утѣшеньемъ
И не тобой горжуся я.
Тебя дешевою цѣною
Во дни свободы я купилъ,
Но я горжусь передъ толпою
Запасомъ неубитыхъ силъ.

Не довели ихъ до паденья
Ни безотрадная нужда,
Ни безпощадныя гоненья,
Ни годы скорбнаго труда.
Я совладалъ съ судьбою глупой,
Холопски служитъ мнѣ она,
(Такъ лижетъ гордыхъ скалъ уступы
На нихъ бѣжавшая волна.)
Теперь, когда минули муки,
Когда мнѣ стала жизнь легка,
Стиховъ непрошенные звуки
Невольно льются съ языка;
Но я не жду за нихъ привѣта,
Не оскорбляюся хулой,
И имя глупое поэта
Не оставляю за собой.
Къ чему я призванъ въ день рожденья,
Тѣмъ я останусь навсегда,—
Героемъ гордаго терпѣнья
И всемогущаго труда.
Я даже радъ-бы эти звуки
Проклятій, горечи и слезъ,
Враговъ нетрогающей муки
И непугающихъ угрозъ,—
Постылыхъ пѣсень гнѣвъ безвредный
И звучныхъ рифмъ ненужный вздоръ
Смѣнить опять на уголъ бѣдный,
На пилы, молотъ и топоръ.
Забыть, чѣмъ менторы и книги
Сковали молодецкій умъ,
И навсегда разбить вериги
Тревожныхъ, безъисходныхъ думъ.
Пускай-бы вновь визжали пилы
И молотъ весело гремѣлъ
И съ каждымъ часомъ крѣпли силы,
Умъ отдыхалъ и здоровѣлъ;
Чтобъ блескомъ счастья нестерпимымъ
Мое лице горѣло вновь
И предъ врагомъ неумолимымъ
Лилися пѣсни про любовь;
А онъ, изсушенный развратомъ,
Съ своимъ изношеннымъ лицомъ,
Не смѣлъ-бы рядомъ съ меньшимъ братомъ
Стоять подъ солнечнымъ лучомъ,
Какъ въ годы жизни пережитой
Боялся появляться я,
Одеждой ветхою прикрытый,
На вашихъ пиршествахъ, друзья.

Подъ риѳмованными строками слышится признаніе автора въ раннемъ стыдѣ за свою «ветхую одежду» и гордость «всемогуществомъ труда», давшаго поэту и свободу, и чистыя вдохновенья... Помню въ припадкѣ умственнаго возбужденія, Шеллеръ, по поводу его самолюбія и горделивости, воскликнулъ:

— Сынъ придворнаго лакея и портнихи, сдѣлавшись русскимъ Шпильгагеномъ, имѣетъ право чѣмъ гордиться и защищать свое достоинство отъ «повылезшихъ изъ щелей» героевъ дня...

Эта умственная горделивость росла въ Шеллерѣ пропорціально его прежней бѣдности, неизвѣстности и мѣщанской придавленности. Объ этомъ у него сохранилось множество стихотвореній.

Горе свое я умѣю терпѣть.

Горе свое я умѣю терпѣть,
Стонамъ людскимъ я внимаю безстрастно,
Только на дѣтскія слезы смотрѣть
Я не могу безучастно.

Только увижу ихъ—дѣтство мое
Вспомнится снова: мѣщанство, наука,
Въ грязномъ углѣ роковое житье
И одиночества скука.

Вспомнится храмъ и ограды лужокъ,
Нѣсколько липъ и березъ запыленныхъ,
Множество нянекъ и дѣтскій кружокъ
Между акацій зеленыхъ.

Сколько тамъ было веселыхъ дѣтей,
Игръ, и игрушекъ богатыхъ и счастья!
Но, съ безголовою куклой своей,
Не возбуждалъ я участья.

Рано къ дѣтямъ прививается спѣсь,
Гордости мелкой ихъ учатъ съ пеленокъ;
Слышалъ и я: «что ты дѣлаешь здѣсь?
Ты не дворянскій ребенокъ!»

И, чтобъ задобрить дѣтей, я постигъ
Горькое вкрадчивой лести искусство,
Злобствуя, въ сердцѣ лелѣять привыкъ
Зависти подлое чувство.

Тамъ, среди лести и мелкихъ услугъ,
Рано утратилъ я чувство свободы,
И привился ко мнѣ рабства недугъ,
Переживающій годы.

Страшный недугъ, научившій скрывать
Гордости честной и смѣлой порывы,
Вѣчно робѣть, притворяться и лгать
И—проклинать молчаливо.

Тому же воспоминанію посвящены и слѣдующія стихотворенія:

«Старый домъ».

Ненавистный, мѣщанскій мой домъ,
Будишь злобу ты въ сердцѣ моемъ.

Здѣсь трудились отецъ мой и мать,
Чтобы мнѣ не пришлось голодать.

Много слезъ ихъ и поту лилось,
Чтобы мнѣ веселѣе жилось.

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .

Это злость на мѣщанскій нашъ трудъ,
На нужду, на постылый пріютъ,

Гдѣ я гордую силу убилъ,
Обѣщаньямъ своимъ измѣнилъ,

Разучился за братьевъ стоять
И враговъ на борьбу вызывать,

Гдѣ я сталъ терпѣливымъ рабомъ,
Гдѣ сгорю незамѣтнымъ огнемъ.

Друзья дѣтства.

Весеннею порой по городу блуждая,
Случайно я зашелъ въ знакомыя мѣста:
Вотъ улица, гдѣ грязь стоитъ, не просыхая,
Вотъ жалкіе углы, гдѣ жмется нищета;
Вотъ мрачный старый домъ—стѣна его сырая,
Казалось, горькими слезами залита.
И вспомнилъ я, что здѣсь въ младенческіе годы
Впервые я узналъ житейскія невзгоды.

Вотъ старое окно съ бумажною заплаткой,
Едва замѣтное надъ грязной мостовой:
Съ нимъ рядомъ ходъ въ подвалъ съ одной ступенью шаткой,
Покрытою всегда и грязью, и водой.
Сюда изъ мастерскихъ сбѣгалися украдкой
Ребята жалкія разнузданной толпой
И я, съ игрушками грошовыми своими,
И блѣдный, и больной, являлся между ними.

Птенцы несчастные столичнаго подвала,
Сходилися они въ лохмотьяхъ, босикомъ,
Въ лишеньяхъ и трудахъ ихъ тѣло исхудало,
Поблекли лица ихъ въ развратѣ роковомъ:
Ихъ площадная брань прохожаго смущала
И дѣвушки отъ нихъ бѣжали со стыдомъ.
И зналъ лишь я одинъ, больной отъ колыбели,
Какъ бились нѣжностью сердца въ ихъ грязномъ тѣлѣ.

Я помню, какъ меня любили эти братья,
Какъ кто-нибудь изъ нихъ вечернею порой
Съ любовью бралъ меня предъ сномъ въ свои объятья,
Ласкалъ мнѣ волосы шаршавою рукой,
А юныя уста, привыкшія къ проклятью,
Пѣснь колыбельную пѣвали надо мной,—
И въ сладкомъ полуснѣ я грезилъ въ тѣ мгновенья,
Что свѣтлыхъ ангеловъ я слышу пѣснопѣнья.

Я всѣмъ обязанъ имъ. Въ младенческіе годы
Согрѣла грудь мою ихъ дѣтская любовь;
Въ минуты горькихъ нуждъ, припомнивъ ихъ невзгоды,
Я бодро выносилъ гоненія враговъ
И бился за одно, чтобъ яркій лучъ свободы
Блеснулъ въ сырыхъ углахъ подобныхъ бѣдняковъ,
Чтобъ плодотворный трудъ имъ даровало небо,
Чтобъ былъ у нихъ всегда кусокъ насущный хлѣба.

Но гдѣ-жъ они? Окончена-ль дорога,
Страданьемъ полная и полная трудомъ?
Затоплена ль въ винѣ душевная тревога?
Задавлена-ли скорбь фабричнымъ колесомъ?
Не замеръ ли ихъ крикъ въ глухихъ стѣнахъ острога?
Не схоронилъ ли ихъ живыми мертвый домъ?
Отвѣта нѣтъ: въ дому иныя поколѣнья
Готовятъ новыхъ жертвъ на новыя мученья.

Отецъ и мать.

Отецъ и мать, я васъ люблю
И, вмѣстѣ съ вами, я молю,
Чтобъ раньше умерли вы оба,
Чѣмъ я дойду до двери гроба.

Какъ вспомню я, что, можетъ быть,
Меня должны вы схоронить,—
Меня бросаетъ въ дрожь и въ холодъ,—
Вѣдь вмѣстѣ съ скорбью ждетъ васъ голодъ.

Кто въ нищетѣ поможетъ вамъ?
Друзья всѣ голь... Къ моимъ врагамъ
Вы не пойдете сами
Съ постыдными мольбами.

Послѣдній рабъ себѣ найдетъ
Пріютъ въ прихожей у господъ,—
Вы не рабы,—за трудъ суровый
Въ грязи умрете вы безъ крова.

На старомъ пепелищѣ.

Вотъ онъ, мой край, гдѣ юности моей
Въ страданіяхъ ненужныхъ дни летѣли,
Гдѣ я съ толпой измученныхъ людей
Терпѣнію учился съ колыбели.

Отсюда я бѣжалъ, какъ изъ тюрьмы,
Исполненный отваги и надежды,
И выбился на свѣтъ изъ вѣчной тьмы,
И сбросилъ съ плечъ дырявыя одежды.

Душа въ борьбѣ осталася крѣпка,
Умъ не угасъ, не ослабѣли руки,
Побѣдный крикъ сорвался съ языка,
Но я не могъ забыть былыя муки...

По прежнему съ тревогой я вхожу
Въ нашъ старый домъ и въ позднемъ озлобленьи
Волнуюся и раны бережу
И требую за прошлое отмщенья.

Здѣсь каждый день удары молотковъ,
Визжанье пилъ, разгульныхъ пѣсенъ звуки
И крикъ дѣтей, не знающихъ отцовъ,
Сливались въ хоръ какой-то адской муки.

Была тѣсна рабочая тюрьма;
Какъ муравьи, въ ней люди копошились,
А нищета, какъ жадная чума,
Искала жертвъ, и жертвы находились...

Въ стѣнахъ больницъ, забытые семьей,—
(Она свой хлѣбъ насущный добывала),—
Томилися страдальцы, и гурьбой
Больница ихъ въ могилы отправляла.

Ихъ скорбный трудъ, подобно имъ самимъ,
Подобно ихъ невѣдомымъ страданьямъ,
Развѣялся иль далъ плоды другимъ,
И былъ забытъ съ холоднымъ невниманьемъ.

И даже тотъ, кто въ пору юныхъ дней
Былъ выращенъ на деньгу трудовую,
Не могъ спасти ни силою своею,
Ни ласкою семью свою родную:

Бѣжавшій сынъ замученныхъ отцовъ,
Окончивъ бой съ судьбой своей постылой,
Могъ принести лишь позднюю любовь
На ихъ давно заросшія могилы.

Тяжелыя условія жизни, въ которыхъ прошли дѣтство и юность Шеллера, отразились не только на его оригинальныхъ стихотвореніяхъ, но и на самомъ выборѣ переводныхъ стиховъ. Послѣдніе мало чѣмъ отличаются отъ первыхъ по сюжету.

Легкая ноша.

(Изъ Гервега)

Вполнѣ свободный отъ рожденья,
Я не пою въ дворцахъ князей
И жизни мирной наслажденье
Моей душѣ всего милѣй.
Я крѣпостей не воздвигаю,
Что-бъ защищать свои поля,
И гдѣ пришлось гнѣздо свиваю,
Мое богатство—пѣснь моя.

Пусть въ бочкахъ держитъ лордъ червонцы,—
Мои виномъ однимъ полны:
Цѣню я золото лишь въ солнцѣ
И серебро въ лучахъ луны.
Закатъ мой близокъ,—но со свѣту
Роднымъ нѣтъ пользы сжить меня:
Самъ выбилъ я себѣ монету—
Мое богатство—пѣснь моя.

Я пѣлъ, гдѣ люди веселятся,
Но не у тронныхъ ступеней;
Умѣлъ на выси горъ взбираться,
Но не на лѣстницы князей.
Пусть подъ дождемъ въ грязи болотной
Рабъ ищетъ выгодъ для себя,—
Цвѣткомъ я тѣшусь беззаботно:
Мое богатство—пѣснь моя.

Къ тебѣ, о, призракъ сновъ блаженныхъ,
Стремлюсь я пламенной душой;
Но ждешь ты камней драгоцѣнныхъ,
Ждешь, чтобъ я сталъ твоимъ слугой?—
Нѣтъ! я свободой не торгую
И вмѣстѣ съ блескомъ отъ себя
Гоню, смѣясь, любовь пустую:
Мое богатство—пѣсь моя.

Человѣческое сердце.

(Изъ Прутца).

Я посѣтилъ забытый, старый домъ...
Давнымъ-давно не раздавалось въ немъ
Людскихъ шаговъ. Удушливый, сырой,
Какъ въ склепѣ, воздухъ вѣялъ надо мной:
Сквозь тусклое стекло полдневный свѣтъ
Едва скользилъ на роскошь прежнихъ лѣтъ,
И озарялъ, рисуя свой узоръ,
Обоевъ старыхъ порванный уборъ,
И, словно пепелъ, плѣсень, пыль и прахъ
Покоились на стульяхъ и столахъ.

Не веселъ былъ заброшенный покой...
Но на меня пахнуло вдругъ весной
И запахомъ цвѣтущихъ, майскихъ розъ!
Мнѣ вспомнилось, какъ отъ житейскихъ грозъ
Направилъ я сюда свои шаги,
Чтобъ отдохнуть въ объятіяхъ любви.
О! сколько ласкъ и сладостныхъ рѣчей
Звучало здѣсь и въ тишинѣ ночей
Развѣялось!.. Такъ пѣсни соловья
Смолкаютъ вдругъ при наступленьи дня...

Вотъ и софа, гдѣ въ первый въ жизни разъ
Ты, добрая, на грудь мою склонясь,
Меня рукой стыдливо обвила.
Вотъ тусклыя отъ пыли зеркала,
Гдѣ я ловилъ нерѣдко образъ твой,
И ясный взглядъ, и локонъ золотой;
А тамъ часы стоятъ... О, Боже мой!
Когда-то мнѣ живою стрѣлкой ихъ
Былъ возвѣщенъ блаженства первый мигъ...

И подойти къ нимъ ближе я хотѣлъ,
Взглянуть на стрѣлки ржавыя... Не смѣлъ,
Невѣренъ былъ мой шагъ, и подъ ногой
Съ унылымъ трескомъ дрогнулъ полъ гнилой;
Взвилася пыль, какъ облако, и вдругъ
Въ часахъ раздался жалкій, слабый звукъ;
Ихъ маятникъ качнулся; какъ во снѣ
Скрипѣли ихъ колеса въ тишинѣ

Такъ тяжко, тяжко,—такъ въ груди больной
Предсмертный вздохъ намъ слышится порой,—
Ихъ слабый бой разслышалъ я потомъ.
И вслѣдъ за нимъ все стихло вновь кругомъ.

Людское сердце вспомнилъ я тогда.
Съ своей весной простившись навсегда,
Подобное испорченнымъ часамъ,
Оно молчитъ и дремлетъ по годамъ.
Вдругъ изъ могилъ, невѣрною толпой
Воспоминанья жизни прожитой,
Былого счастья встануть,—и съ трудомъ,
Въ тоскѣ оно забьется—и потомъ
Задремлетъ вновь, задремлетъ тихимъ сномъ
На вѣки...

Невзрачные герои.

(Изъ А. Петефи).

Блестящимъ метромъ, рифмой звонкой
Свой стихъ и я-бы украшалъ,
Чтобы прилично могъ являться
Онъ на паркетѣ свѣтскихъ залъ.

Но стихъ не франтикъ, вѣчно праздный,
Безсмѣнно проводящій дни
Въ перчаткахъ узкихъ, въ фракахъ модныхъ,
Среди пировъ и болтовни.

Поэтъ молчитъ, когда не слышно
Кругомъ ни ружей, ни мечей,—
Но бой начнется—стихъ могучій
Гремитъ подъ залпы батарей.

И я, мой вѣкъ, въ борьбѣ кровавой
Стою въ рядахъ твоихъ бойцовъ—
Я бьюся пѣснями—солдатомъ
Выходитъ каждый изъ стиховъ.

Бойцы невзрачны, но—герои,
Они летятъ безъ страха въ бой,
И слава ихъ въ живой отвагѣ,
А не въ одеждѣ щегольской.

Не знаю я, переживутъ-ли
Меня любимцы-сыновья,—
Они падутъ, быть можетъ, въ битвѣ...
Да будетъ такъ—не дрогну я.

Священной все-же будетъ книга,
Гдѣ ляжетъ рядъ моихъ идей—
Могила воиновъ, погибшихъ
За волю родины своей.

Тяжелыя условія жизни наложили свою печать не только на музу Шеллера, но и на его характеръ. Его сердце было озлобленнымъ... «Я не признаю личныхъ отношеній», говаривалъ онъ и рвалъ давнія и дружескія связи со множествомъ лицъ изъ за самыхъ пустыхъ и малозначущихъ причинъ. Однажды о немъ въ раздраженіи выразился Н. С. Лѣсковъ слѣдующимъ образомъ:

— Это наша подлая россійская черта: избѣгать равныхъ намъ людей... Они насъ стѣсняютъ и гораздо лучше окружить себя ничтожествомъ. Меня такъ всегда это удивляетъ въ Шеллерѣ, напримѣръ. Вкуса у человѣка нѣтъ, если онъ съ мальчишками на ты. Вѣдь онъ испортилъ домъ свой этимъ. Съ нимъ уже нельзя поговорить... А все это происходитъ отъ желанія популярничать. Ему мальчишки покланяются и не смѣютъ прекословить. Ну, равные люди и становятся неудобными. Когда я бываю среди лицъ, ниже себя и съ которыми у меня очень мало общаго, то выходя отъ нихъ, я всегда отмахиваюсь за ухомъ, точноотъ мухъ. А Шеллеру нужны эти «мухи»... У него всѣ недостатки старой дѣвы и онъ очень ревнивъ къ своей славѣ. Это мѣшаетъ ему понимать и правильно цѣнить даже Л. Н. Толстого. Какъ литератора, Шеллера надо въ сердцѣ своемъ носить, но, какъ человѣкъ — у него было тяжелое дѣтство — онъ весь изломанъ.

Даже его добрата, въ смыслѣ помощи деньгами, носитъ характеръ дѣланности.

Помню, прочитавъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» разсказъ Захарьина-Якунина: «Что мы имѣемъ», я сказалъ, что разсказъ очень не дуренъ.

— Не дуренъ, согласился Шеллеръ. Но Захарьинъ на бумагѣ впалъ въ эту толстовщину за послѣднее время и я не могу не видѣть въ этомъ разсказѣ фарисейства... Ну, на самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ считаетъ, что мы имѣемъ? Только то, что мы раздаемъ бѣднымъ— это и есть наше имущество, говоритъ восточная легенда Захарьина.

Ну развѣ это такъ? Да, я въ жизни своей очень много раздалъ денегъ бѣднымъ, но никогда не считалъ это своимъ имуществомъ и никто не сочтетъ его такимъ, а непремѣнно присоединяетъ и то, что онъ тратитъ на себя и не раздастъ никому. Сама эта помощь бѣднымъ—совсѣмъ не моя добродѣтель и я не хочу смотрѣть на благотворительность съ этой точки зрѣнія. Когда у меня просили денегъ, я давалъ, но не потому, что хотѣлъ оказать добро, а чтобы не видѣть слезъ или голода, чтобы самому не волноваться. Я многимъ не давалъ денегъ, потому что они не просили, но я зналъ, что они болѣе голодны, чѣмъ тѣ, которые просятъ.—Одни меня не безпокоили и я не спѣшилъ къ нимъ на помощь, а другіе надоѣдали мнѣ или заставляли и меня страдать своими просьбами и тогда я, чтобы не волноваться, давалъ имъ деньги. Вотъ это то, что мы даемъ другимъ, вовсе не все, что мы имѣемъ. А герой у Захарьина такой же, какъ и самъ Л. Н. Толстой: послѣдній совсѣмъ не признаетъ денегъ, не имѣетъ ихъ вовсе въ своей комнатѣ и потому никому не помогаетъ ими... Онъ ужъ совсѣмъ ничего не имѣетъ. Онъ не даетъ денегъ ни на школы, ни на больницы, ни на журналъ. Вотъ куда завело его резонерство.

Бывшій бѣднякъ, наглядѣвшійся въ семьѣ отца на унизительность подневольнаго положенія и притерпѣвшій ни себѣ самомъ долгое время самовластье Благосвѣтлаго, Шеллеръ гордо говорилъ о себѣ:

— Я въ жизни своей рубля не у кого не занималъ; ни одной ночи не провелъ въ чужомъ домѣ и никогда не ходилъ за работой по редакціямъ. Я обязанъ всему самому себѣ и каждый долженъ всѣ силы отдать прежде всего для собственной независимости. Свое горе сильнѣе чужаго!

Помню, по поводу послѣдней фразы, я замѣтилъ ему, что если у него украдутъ деньги, то это горе слабѣе, чѣмъ то, когда у другихъ лицъ крадутъ женъ или честное имя.

— Ничуть! рѣзко возразилъ Шеллеръ. Я не сдѣлаюсь богаче отъ того, что есть еще болѣе бѣдные и несчастные люди, чужому страданію я не могу сочувствовать. Отца и мать своихъ я очень любилъ, но когда они умерли, я сказалъ: «Славу Богу, больше я ни о комъ уже въ жизни не буду плакать».

— Вотъ! вотъ! воскликнулъ сидѣвшій у Шеллера одинъ молодой поэтъ. Я тоже раньше думалъ горевать за другихъ а теперь вижу, что такого горя нѣтъ и не можетъ быть. Сердить васъ можетъ чужое горе, но страдать за другихъ нельзя. Горя нѣтъ, а есть

одни нервы. Я могу плакать на похоронахъ друга, но это нервы, а не горе. Черезъ два-три мѣсяца я забуду похороны и буду счастливъ. Горя нѣтъ, а есть воображеніе. Существо человѣка глубоко эгоистично... Любить и жалѣть ближняго оно не можетъ при здравомъ смыслѣ и въ нормальномъ состояніи нервовъ. Цѣль искусства и науки вызвать въ человѣкѣ его сущность, то-есть его животность и эгоизмъ, а не держать эту сущность на цѣпи, какъ требуетъ христіанство. «Цѣпи» не даютъ жить человѣку... Пріобрѣтутъ себѣ дамы откровенные костюмы и всѣхъ онѣ скандализируютъ; а между тѣмъ, что можетъ быть красивѣе человѣческаго тѣла? Оно такъ хорошо, что когда я былъ вольноопредѣляющимся, то нарочно просился къ полковому доктору присутствовать у него на пріемѣ и смотрѣть на голыя тѣла его паціентовъ.

Цинизмъ молодого поэта на мгновеніе озадачилъ Шеллера, но поддаваясь минутному настроенію, Шеллеръ поддерживалъ разговоръ въ томъ же духѣ.

— Мой отецъ, продолжалъ Шеллеръ: всегда говорилъ, что чужую зубную боль нельзя понимать. Когда будутъ рѣзать мнѣ ногу, я почувствую боль; а если будутъ рѣзать ногу моему другу, будетъ больно ему, а не мнѣ. Глупо также думать, что человѣку нужно только необходимое, а прочее можно уступить другимъ. Всемъ нужно все, что нужно и другимъ. Ты пойдешь въ редакцію въ тѣхъ же сапогахъ, какъ и я; а придешь безъ сапогъ, съ тобой и разговоръ будетъ другой, да пожалуй и швейцаръ не пуститъ. Вѣдь если Діогенъ могъ жить въ бочкѣ и разговаривать съ царемъ Македонскимъ, то вѣдь теперь и бочку велятъ убрать. Ты не только идешь за вѣкомъ во внѣшнемъ образѣ жизни, но тебѣ нужно часто не расходиться съ людьми и во мнѣніяхъ. Это большой вздоръ о независимости... Фельетонистъ обругаетъ васъ и вашу жену, что же вы будете равнодушны и независимы? Читать не будете его? Какъ страусъ, будете прятаться подъ собственное крыло! Вѣдь другіе-то люди будутъ читать его и похваливать. Они не оставятъ и васъ въ покоѣ.

— Но вѣдь если такъ, то это рабство... Съ волками жить по волчьи выть.

— И завоешь, другъ любезный... Все же лучше, чѣмъ страусомъ быть. Старайся быть не съ волками, а съ людьми. Ты идеальничаешь и это хорошо гдѣ нибудь среди барышень... Тѣ думаютъ и воображаютъ, что онѣ независимы, когда прямо изъ казеннаго общежитія переходятъ къ мужу или на казенную службу. Глупость

заключается не въ этой службѣ и курсахъ, а въ томъ, что онѣ не хотятъ называть вещи ихъ именами и прячутся отъ нихъ, какъ другіе отъ фельетониста, не читая его. А я вотъ и съ Буренинымъ пріятель и не боюсь его. Обругаетъ ли меня, я прочту его и опять напишу, какъ думаю; но буду волноваться и тогда, когда онъ разбуренитъ меня, и тогда, когда похвалитъ.

Многое изъ того, что я вспомнилъ здѣсь о Шеллерѣ, разумѣется, объясняется его минутными увлеченіями и настроеніями, съ которыми нервныя люди хорошо знакомы, но которыя для характеристики человѣка со дна его души не годятся. Такъ и сейчасъ, за желтымъ и озлобленнымъ темпераментомъ въ жизни и поэзіи Шеллера, я сейчасъ же найду самыя нѣжныя о немъ воспоминанія напримѣръ А. М. Федорова въ одесскихъ газетахъ, или элегическія стихотворенія самаго Шеллера, которыми мы и закончимъ болѣе справедливую оцѣнку его личности.

Листки изъ записной книги.

Съ честной любовью покойно живи,
Какъ-бы ни гналъ, ни давилъ тебя свѣтъ,
Всепокоряющей силѣ любви
Въ немъ ничего недоступнаго нѣтъ.

Много есть силы у нѣжныхъ рѣчей;
Первый разъ въ жизни услышавъ: люблю!
Самый отъявленный, грубый злодѣй
Голову склонитъ въ раздумьи свою.

Все пережитое вспомнитъ онъ вдругъ,
Все, что сгубила въ немъ жизни гроза—
И твою руку сожметъ онъ, какъ другъ,
Съ впалыхъ очей его канетъ слеза.

Можетъ быть, этотъ порывъ и пройдетъ,
Дикія страсти возьмутъ перевѣсъ—
Но не однажды въ немъ мысль промелькнетъ,
Что на мгновенье онъ сердцемъ воскресъ.

Вѣрь, если-бъ болѣе было любви,
Если-бы мы не таилися съ ней—
Рѣже-бы желчь закипала въ крови,
Меньше-бы было жестокихъ людей.

Конечно, стихотворенія Шеллера ничего не прибавляютъ къ его литературному значенію, но по существу онѣ всѣ направлены противъ «жестокихъ людей», а ихъ недостатокъ заключается въ повторяемости мотивовъ и разбросанности чувствъ поэта по кусочкамъ, вмѣсто сконцентрированности этихъ чувствъ въ одномъ стихотвореніи. Этою примѣтой самъ Шеллеръ отличалъ крупные таланты отъ посредственныхъ. Онъ часто говорилъ:

— Крупный поэтъ тотъ, который не повторяется. У Лермонтова есть одинъ «Купецъ Калашниковъ», одинъ «Мцыри», одинъ «Демонъ», одинъ «Измаилъ Бей», одинъ Печоринъ. Онъ написалъ: «Печально я гляжу на наше поколѣніе» и болѣе не возращался къ темѣ о молодомъ поколѣніи; онъ разъ написалъ: «Выхожу одинъ я на дорогу»—и въ другой разъ уже не выходилъ на эту же самую дорогу. Онъ писалъ о томъ, какъ «По небу полуночи ангелъ летѣлъ» и болѣе не описывалъ ангеловъ. А маленькій Надсонъ пишетъ на первой страницѣ о томъ, что онъ печаленъ, на второй—о томъ, что онъ опечаленъ, на десятой—о томъ, что онъ страдаетъ и на другихъ страницахъ опять тоже... Повторяетъ одно и тоже чувство въ цѣломъ томѣ и нигдѣ не умѣетъ сконцентрировать его въ одномъ стихотвореніи. Отсутствіе сконцентрированности впечатлѣній—характерная черта маленькихъ писателей, не дающихъ, поэтому самому, типовъ, но рисующихъ безчисленное множество очерковъ, повѣстей, силуетовъ и стиховъ, однообразныхъ и повторяющихся.

Стихотворенія Шеллера страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ и, разумѣется, лишены достоинствъ первостепенныхъ поэтовъ, умѣвшихъ не только поэтически изобразить личныя чувства, но и, преобладая надъ ними, возвести поэзію въ національное дѣло. У всѣхъ современныхъ поэтовъ ихъ собственная личность преобладаетъ подъ изображеніемъ исторіи русскаго общества, «преданій русскаго семейства, да нравовъ нашей старины», какъ говорилъ Пушкинъ.

———

X.

Публицистическія и научныя работы. — «Революціонный анабаптизмъ». — «Наши дѣти». — «Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Пролетаріатъ во Франціи» и «Ассоціаціи».

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, Шеллеромъ еще написано множество публицистическихъ работъ, не лишенныхъ научнаго достоинства: «Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Наши дѣти», «Ассоціаціи», «Пролетаріатъ во Франціи», «Царство двухъ монаховъ» (Савонароллы и Компанеллы), «Анабаптисты» и т. д. Савонаролла и Кампанелла были не только теоретики объ индивидуальномъ счастьѣ человѣка, но и практики, стремившіеся къ соціальному благу. Первый былъ сожженъ, а второй семь разъ былъ подвергнутъ пыткѣ и двадцать семь лѣтъ содержался въ тюрьмѣ. Если принять во вниманіе, что это мученичество они приняли добровольно, то, конечно, исторія ихъ жизни всегда будетъ трогать благодарныя сердца. Книга о нихъ написана Шеллеромъ въ высшей степени увлекательнымъ языкомъ и по самымъ новѣйшимъ источникамъ. «Революціонный анабаптизмъ» также занимаетъ собою интереснѣйшую страницу въ европейской жизни тотчасъ же послѣ реформаціи. «Все, что проповѣдывали и разработывали религіозные пропагандисты и соціальные новаторы въ позднѣйшія времена, замѣчаетъ Шеллеръ, было уже высказано въ первой половинѣ XVI столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями. Въ области соціальныхъ вопросовъ вы тутъ найдете все, начиная съ разумныхъ требованій справедливости и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религіозныхъ воззрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу новыхъ сектъ и толковъ, коснулись той сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящались цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ». Изъ этихъ словъ можно заключить, съ какимъ живымъ увлеченіемъ читается книга Шеллера о смутномъ времени анабаптизма. «Основы народнаго образованія»

должны, по нашему мнѣнію, стать настольной книгой для каждаго учителя въ народной школѣ. Кромѣ спеціальнаго интереса для педагоговъ, изслѣдованія Шеллера объ «Основахъ образованія» полезны также и каждому представителю вліятельныхъ сферъ. По мнѣнію Шеллера, развитіе школьнаго дѣла обусловлено не только экономическимъ положеніемъ страны, но и размѣромъ гражданскихъ и политическихъ правъ личности. Такимъ образомъ, въ школьномъ дѣлѣ заинтересовано и общество, и земство, и отдѣльныя правительственныя лица. Въ особенности Шеллеръ обращаетъ вниманіе на взаимность педагоговъ и врачей въ просвѣщеніи массъ. «Общества или кружки докторовъ и педагоговъ, ихъ съѣзды, ихъ рефераты, обмѣнъ наблюденій, осмотры школъ докторами, планы школьныхъ зданій, утвержденіе закономъ моделей школъ, все это можетъ двинуть впередъ дѣло, имѣющее громадное значеніе для общества. Но этого мало: само общество въ лицѣ людей, слѣдящихъ за дѣломъ образованія, должно принимать участіе въ «обществѣ» докторовъ и педагоговъ, должно представлять свои соображенія, должно предлагать свои практическія замѣтки и наблюденія. Подобное общество, основанное, какъ всякія другія ученыя общества, можетъ имѣть двойную пользу: онѣ кромѣ непосредственной пользы, приносимой имъ публикѣ и правительству выясненіемъ педагогическихъ и гигіеническихъ вопросовъ, можетъ изъ членскихъ взносовъ основать кассу для вдовъ и сиротъ учителей и для вспомоществованія бѣднѣйшимъ изъ учениковъ. Намъ скажутъ, что у насъ уже существуетъ одно педагогическое обществ: но во-первыхъ въ этомъ обществѣ находятся членами только педагоги, ни докторовъ, ни частныхъ лицъ тамъ нѣтъ въ числѣ членовъ; во-вторыхъ, вопросы, занимающіе это общество, касаются очень узкаго круга, почти не задѣвая ни школьной гигіены, ни архитектуры школъ, что и понятно, такъ какъ въ числѣ членовъ нѣтъ ни врачей, ни архитекторовъ; въ третьихъ даже тѣ жалкіе рефераты, которые читаются въ этомъ обществѣ, доходятъ до публики въ отрывочныхъ статьяхъ газетныхъ репортеровъ и забываются на другой-же дена, а иногда и вовсе не читаются публикой, такъ какъ общество даже не считаетъ нужнымъ издавать журналъ или сборники, гдѣ помѣщались-бы всѣ рефераты и отчеты его засѣданій,—впрочемъ, можетъ быть, оно само не считаетъ свои засѣданія на столько серьезными, чтобы придавать имъ общую извѣстность и потому ограничивается тѣмъ, что поговоритъ, поговоритъ въ своемъ кружкѣ, напьется чайку и мирно разойдется, забывъ на завтра, о

чемъ говорилось вчера, въ четвертыхъ это общество не устраиваетъ кассы для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ учителей, для помощи нуждающимся воспитанникамъ, для выдачи премій за лучшіе планы школьныхъ домовъ, скамеекъ, столовъ и т. п., въ пятыхъ—и это чрезвычайно важно—оно не умѣетъ сдѣлаться на столько серьезнымъ и авторитетнымъ, чтобы хотя что нибудь изъ осуждаемаго и рѣшаемаго ихъ входило въ жизнь, принималось и правительствомъ, и земствами, и частными лицами: это просто говорильня, пускающая на воздухъ мыльные пузырики громкихъ фразъ, лопающіеся въ одну минуту и не оставляющіе никакого слѣда. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ основаніе другого «общеполезнаго-педагогическаго» общества на совершенно иныхъ основаніяхъ. До тѣхъ-же поръ, покуда врачи, педагоги и общество будутъ идти врознь, будутъ враждовать другъ съ другомъ,—здоровье подрастающихъ поколѣній будетъ гибнуть и отъ болѣзненныхъ отцовъ будутъ рождаться болѣзненныя дѣти».

Мысли Шеллера о взаимности общества и педагоговъ, писанныя въ семидесятыхъ годахъ, въ настоящаго время перестаютъ быть новыми и усвоиваются большинствомъ. Въ педагогическомъ мірѣ не мало уже осуществлено литературныхъ указаній объ исправленіи школьнаго дѣла и сама жизнь даетъ иногда блестящія дополненія къ книжнымъ теоріямъ. Такъ, напримѣръ недавно газетѣ «Курьеру» сообщили изъ Смоленской губерніи объ интересномъ проявленіи дружбы, завязавшейся между учениками одной русской народной школы и швейцарской.

Попечительница одноклассиаго училища министерства народнаго просвѣщенія при сельцѣ Ракитнѣ, Смоленской губерніи и уѣзда, Катынской волости, г-жа Козлинская, желая познакомиться съ постановкой школьнаго дѣла въ Швейцаріи, въ 1899 году посѣтила народную школу въ Монтре (Montreux), кантонъ de Vaud. Благодаря любезности директора народныхъ училищъ и преподавателей, ей удалось основательно со всѣми познакомиться и присутствовать на урокахъ. Затѣмъ учитель старшаго класса просилъ ее разсказать дѣтямъ о Россіи и бытѣ русскихъ крестьянъ, на что былъ посвященъ цѣлый урокъ. Дѣти настолько заинтересовались своими русскими товарищами, что осенью того же года прислали въ Ракитню для учениковъ цѣлую пачку писемъ съ видами Швейцаріи и просьбой о перепискѣ съ ними.

Такимъ образомъ всю зиму происходилъ оживленный обмѣнъ писемъ, причемъ изъ Ракитни было послано учениками много ви-

довъ Россіи и русскихъ типовъ. Въ прошломъ году попечительницей школы было получено изъ Монтре письмо съ предложеніемъ прислать въ школьный музей модели различныхъ предметовъ, необходимыхъ въ деревенскомъ быту. Ученики вызвались сдѣлать ихъ сами изъ дерева, что и было исполнено очень точно и акуратно.

Были посланы модели сельско-хозяйственныхъ орудій — сохи, бороны, цѣпа, вилъ и т. п., домашней утвари и мебели, маленькая прялка съ льномъ, а отъ дѣвочекъ образцы холста, вышивокъ и нѣсколько куколъ въ мѣстныхъ костюмахъ. Хорошее исполненіе этихъ моделей и рвеніе, съ какимъ производились эти работы, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ данной мѣстности кустарные промыслы совершенно не развиты, и подготовки дѣти дома не имѣли. Знакомство же со столярнымъ ремесломъ они получили въ школѣ, при которой есть ремесленный классъ.

Въ этомъ взаимномъ интересѣ участниковъ двухъ разныхъ народныхъ школъ любопытно не только впечатлѣніе, которое произвели на швейцарскихъ школьниковъ наши экспонаты, но и идея о возможности интернаціональнаго интереса въ школьномъ дѣлѣ. Возможны и поѣздки за границу школьниковъ съ учителями, съѣзды съ докладами, но разумѣется, при исключительныхъ условіяхъ, все въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, съ участіемъ общества, чѣмъ за очная переписка между собою смоленскихъ и швейцарскихъ ребятишекъ.

Даже личный составъ педагогическаго міра, по мнѣнію Шеллера, есть результатъ общаго нашего развитія, а не исключительно хорошихъ учительскихъ семинарій. «Устроивъ множество хорошихъ учительскихъ семинарій, вы создадите массу людей, способныхъ быть хорошими учителями, но это еще не помѣшаетъ имъ вовсе не быть учителями. Если въ странѣ мало вообще рабочихъ рукъ, то трудно ожидать наплыва большого количества людей на учительскія мѣста въ народныя школы. Если въ странѣ высока вообще задѣльная плата, то трудно предполагать, что въ учителя пойдутъ люди, не имѣющіе возможность получить здѣсь большую плату, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Если дѣятельность учителей будетъ обставлена большими стѣсненіями, чѣмъ дѣятельность столяровъ, портныхъ, сапожниковъ и тому подобныхъ ремесленниковъ, то люди охотнѣе будутъ дѣлать самую черную работу, чѣмъ приниматься за учительскій трудъ. Если учителя не будутъ пользоваться уваженіемъ общества, если имъ придется жить въ конурахъ, если среда, окружающая ихъ, будетъ слишкомъ отвратительна, а болѣе развитыя личности будутъ чуждаться

ихъ, какъ людей другого низшаго круга, то развитые люди не особенно охотно пойдутъ на эти мѣста. Однимъ словомъ, если человѣку нужно будетъ принести хотя какую-нибудь жертву, чтобы сдѣлаться народнымъ учителемъ, то мѣста эти будутъ, по большей части, заниматься людьми, ни на что другое негодными и вообще неспособными. Ожидать чего-нибудь другого въ этомъ случаѣ нельзя. Приносить себя въ жертву извѣстной идеѣ, сознанію приносимой нами обществу пользы—это дѣло исключительныхъ личностей, на которыхъ нельзя разсчитывать. Люди рѣдко или, лучше сказать, никогда не приносятъ себя въ жертву идеѣ массами и втеченіе всей жизни. Ланкастеры, Пестолоцци, Франке являются, но являются рѣдко и было бы смѣшно и нелѣпо требовать именно отъ сословія учителей, чтобы оно одно приносило себя въ жертву ближнимъ, когда эти ближніе веселятся на жизненномъ пиру, обдѣлывая свои «дѣлишки».

Разсмотрѣвъ положеніе школъ, которыми пользовалось въ Европѣ духовенство и администрація не для пробужденія въ народѣ любознательности, но либо для усиленія повиновенія ксензу и папѣ, либо для побѣды враговъ сельскимъ учителемъ и т. д. Шеллеръ приходитъ къ выводу, что «лучшею первоначальною школою будетъ та школа, которая, не задаваясь никакими посторонними цѣлями, дастъ возможность народу пріобрѣсти необходимыя вспомогательныя средства для дальнѣйшаго пріобрѣтенія знаній, которая не будетъ примѣшивать къ чтенію, письму, счету и пѣнію сектаторскихъ споровъ, политическихъ измышленій, кастовыхъ предразсудковъ, національныхъ антипатій и симпатій, которая будетъ стоять чисто на утилитарной почвѣ и въ которую могутъ посылать своихъ дѣтей всѣ граждане извѣстной мѣстности, несмотря на различіе ихъ общественнаго положенія. У первоначальной народной школы вообще мало матеріальныхъ средствъ, мало времени для того, чтобы разбрасываться и гнаться за двумя зайцами: за грамотностью и за пропагандой какихъ нибудь постороннихъ идей. Дай Богъ, чтобы ей удалось поймать и одного, то-есть дать возможность народу пріобрѣсти необходимыя средства для пріобрѣтенія знаній и развить въ народѣ охоту къ пріобрѣтенію этихъ знаній».

Тѣмъ же призывомъ къ обществу и правительственнымъ силамъ отличается и книга «Наши дѣти». Выяснивъ въ ней судьбу дѣтей въ семьѣ, у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ, въ «ученикахъ», дѣтей-бродягъ, нищихъ, фигляровъ, преступниковъ и т. д. Шеллеръ мало надѣется на улучшеніе ихъ положенія, такъ какъ

«городская жизнь дѣлается дороже и бѣдняку становится все труднѣе поднимать на ноги всѣхъ своихъ дѣтей». Дѣйствительно, цѣны растутъ на всѣ жизненные припасы въ городахъ, народонаселеніе множится, а заработная плата увеличивается далеко не въ той же мѣрѣ. Шеллеръ мало возлагаетъ надеждъ на спасеніе отъ вымиранія и вырожденія «нашихъ дѣтей» при помощи филантропическихъ пріютовъ, исправительныхъ колоній или, какъ онъ выражается, «какихъ нибудь измѣненій классическихъ гимназій на реальныя училища, какой нибудь убавки на полчаса рабочаго дня для дѣтей и т. п.».

Статистическія данныя вовсѣхъ европейскихъ странахъ о дѣтяхъ, взятыхъ съ улицы въ пріюты и колоніи, показываютъ поражающій рецидивъ среди нихъ, несмотря на огромныя затраты на исправленіе дѣтей. Общія соціальныя причины, деморализующія населеніе, преобладали надъ гуманностью отдѣльныхъ лицъ и учрежденій. Если же въ нѣкоторыхъ странахъ положеніе дѣтей улучшилось, то произошло это равномѣрно съ общимъ повышеніемъ страны въ связи съ крупными улучшеніями въ общественной жизни. Для примѣра Шеллеръ беретъ развитіе благосостоянія французскихъ крестьянъ, какъ самый могущественный факторъ въ судьбѣ ихъ дѣтей, разумѣется, въ связи съ предварительнымъ распространеніемъ знанія въ массѣ и политическихъ реформъ сверху. Онъ заканчиваетъ книгу «Наши дѣти» слѣдующими строками:

«Смотря на современное положеніе сельскаго населенія во Франціи, если и не особенно блестящее, то всеже довольно обезпеченное и сносное и читая описанія положенія этого населенія у Вобана, Ла-Брюйэра, Фенелона, Массильона, Руссо, Юнга и тому подобныхъ писателей, невольно приходишь къ мысли, что эти описанія преувеличивали бѣдствія этого народа. Но эта мысль совершенно ошибочна и можетъ зародиться только у тѣхъ, кто не знаетъ французской исторіи: французское сельское населеніе до нашего столѣтія находилось именно въ такомъ безотрадномъ положеніи, какъ говорятъ тогдашніе наблюдатели всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ партій, неимѣющіе никакого интереса давать извѣстную окраску тѣмъ или другимъ фактамъ, и вывела его изъ этого положенія, конечно, не филантропія. Деревни во Франціи опустошались и забрасывались послѣдовательно втеченіи многихъ лѣтъ. «Высшее дворянство, привлеченное Ришелье и Людовикомъ XIV ко двору, говоритъ Л. де-Лавернь,—задушило въ себѣ въ оргіяхъ регентства воспоминанія о своихъ родовыхъ помѣстьяхъ. Земледѣліе, истощенное на

безумныя требованія версальской роскоши, мало-по-малу утратило свою душу и свою жизнь, а французская литература, занятая другими предметами, не посвящала еще земледѣльцамъ ничего, кромѣ страницъ вродѣ одной страницы Ла-Брюйэра, дошедшедй до насъ изъ этихъ временъ подобно крику угрызенія совѣсти: «у насъ можно видѣть разсѣянныхъ по деревнямъ самцовъ и самокъ, писалъ онъ,—черныхъ, багровыхъ и опаленныхъ солнцемъ, склонившихся къ землѣ, въ которой они роются и которую переворачиваютъ съ непобѣдимой настойчивостью; ихъ рѣчь коротка и отрывиста и когда они поднимаются на ноги, можно признать въ нихъ человѣческій образъ, и, точно, это люди. На ночь они укрываются въ логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями; они освобождаютъ другихъ людей отъ труда сѣять, обработывать землю и собирать жатву для пропитанія и заслуживаютъ, такимъ образомъ, того, чтобы у нихъ былъ хлѣбъ, который они сѣютъ [1]). «Расточительность и безумныя предпріятія Людовика XIV, говоритъ Лавернь,—истощили Францію. Народонаселеніе Франціи понизилось, а не возросло; Буа-Гильберъ, Вобанъ и всѣ документы того времени говорятъ о постепенномъ упадкѣ французскаго земледѣлія». Но, кромѣ того, еще въ 1750 году картофель былъ едва извѣстенъ во Франціи, хотя онъ могъ быть отличнымъ подспорьемъ при кормѣ людей и животныхъ. Овощи разводились въ ничтожномъ количествѣ, и многіе продукты, сдѣлавшіеся теперь предметомъ обогащенія для крестьянъ, вовсе не были извѣстны земледѣльцамъ. Число рогатаго скота, по Кенэ, не доходило до пяти миліоновъ головъ, т. е. было въ половину меньше, чѣмъ теперь, и притомъ скотъ былъ плохой, такъ какъ онъ пасся на тощихъ поляхъ и не имѣлъ такого корма, какой дается скотинѣ теперь. Но тутъ нечему и удивляться: земля находилась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые вовсе не думали о сельскомъ хозяйствѣ и только безумно тратили и мотали деньги при пышномъ дворѣ французскихъ королей, а крестьяне находились въ подневольномъ положеніи и ихъ только истощали непомѣрными налогами, которые должны казаться теперь невѣроятными. Наука во Франціи вовсе не заботилась о земледѣліи и не помогала ему; литература и ученые были поглощены въ это время одною мыслью—о перемѣнѣ политическаго строя общества. Но вотъ положеніе дѣлъ измѣнилось, французскій народъ вступилъ на опасный и скользкій путь

[1]) L. de-Lavergne, Essai sur l'économie rirale. Paris, 1858. p. 140.

насильственнаго, кроваваго переворота и послѣ множества бѣдствій получилъ дорогою цѣною ту свободу трудиться для себя, которую тридцать лѣтъ тому назадъ получилъ довольно мирно нашъ народъ,—и земледѣліе воскресло. Рядомъ съ освобожденіемъ народа отъ зависимости, отъ подневольнаго труда, шло во Франціи освобожденіе народа отъ нелѣпныхъ поборовъ за перевозъ продуктовъ изъ одной провинціи въ другую, отъ непомѣрныхъ пошлинъ на соль, отъ эксплуатаціи со стороны сборщиковъ податей, солдатъ и приставовъ и т. п. Народъ сталъ пользоваться все болѣе и болѣе широкими правами и самостоятельнѣе управлять своими дѣлами. Въ то-же время наука начала оказывать свою пользу сельскому хозяйству во Франціи и сослужила земледѣлію ту службу, которой она не сослужила ему тамъ втеченіи всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ, такъ-какъ самыя величайшія открытія по этой части сдѣланы наукою именно въ наше время. И вслѣдствіе всего этого земледѣліе во Франціи учетверило свое производство, тогда какъ населеніе только удвоилось; картофель, почти неизвѣстный въ 1750 году, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія сталъ получаться въ количествѣ 120 милліоновъ гектометровъ; рента съ земли поднялась съ 150 до 1.500 милліоновъ, т. е. удесятерилась; земли, находившіяся въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, раздѣлились между мелкими собственниками, которыхъ было болѣе пяти милліоновъ человѣкъ. «Это былъ громадный прогрессъ, говоритъ Лавернь,—и нужно замѣтить, что онъ совершился втеченіи какихъ-нибудь ста лѣтъ, изъ которыхъ пятьдесятъ были отданы на страшныя войны и ужасающія революціи». Конечно, никакія филантропическія мѣры, никакіе налоги въ пользу бѣдныхъ не могли произвести подобнаго переворота въ положеніи французскихъ крестьянъ. Такимъ сложнымъ способомъ происходятъ и всѣ другія улучшенія въ обществѣ. Рекомендовать тутъ какое-нибудь одно универсальное лекарство, какой-нибудь мальцъ-экстрактъ, помогающій и отъ малокровія, излечивающій и отъ полнокровія,—было бы нелѣпо и смѣшно. Такихъ чудотворныхъ средствъ нѣтъ и не можетъ быть въ весьма сложной человѣческой жизни. Перестройка общественнаго зданія можетъ совершаться только при очень сложныхъ средствахъ и при очень упорныхъ усиліяхъ, но все же она можетъ совершаться. При всеобщемъ прогрессѣ, конечно, мало-по-малу могутъ зажить и тѣ язвы, о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ этой книгѣ. Экономическія условія все измѣняются къ лучшему, научныя изслѣдо-

ванія все расширяются, все идутъ впередъ, а по мѣрѣ ихъ расширенія улучшается и жизнь народовъ».

Мысль о «всеобщемъ прогрессѣ», съ распространеніемъ знанія и матеріальнаго благополучія въ массѣ, долженствующимъ предшествовать новому режиму или обусловливать его—занимаетъ Шеллера и въ послѣдующихъ работахъ. Его изслѣдованіе о французскомъ пролетаріатѣ, за время отъ 1789 г. по 1852 г., представляетъ борьбу рабочаго класса за свои интересы при помощи стачекъ, возстаній, баррикадъ и слабыхъ попытокъ къ устройству производительныхъ ассоціацій. Чрезвычайно безотрадную картину рисуетъ Шеллеръ, разсматривая періодъ революціонныхъ волненій французскаго пролетаріата. «Къ волненіямъ, говоритъ онъ: подталковали рабочихъ главнымъ образомъ голодъ, безработица и несправедливости, раздували же эти волненія до революцій, чтобы загрести жаръ чужими руками, либералы, члены династической оппозиціи, чистые республиканцы,—однимъ словомъ, люди, служившіе буржуазіи или стоявшіе въ ея рядахъ. Такъ они волновали народъ, распуская тревожные слухи про аристократовъ, желающихъ погубить дѣло 1789 года; такъ они подкопались подъ правительство реставраціи при помощи парламентской борьбы; такъ они опошлили правительство Луи-Филиппа продажностью, подкупностью и взяточничествомъ ихъ же креатуръ и довели народъ до возстанія своими демонстраціями и банкетами; такъ они же погубили февральскую республику, желая погубить соціальныхъ демократовъ. Если французскій народъ раздражался противъ того или другого изъ французскихъ правительствъ, то виновата въ этомъ была больше всего буржуазія: она была виновницею запрещенія всякой ассоціаціи рабочихъ во времена первой республики; она, наперекоръ здравому смыслу, устроивала самымъ нелѣпымъ образомъ національныя мастерскія, сознавая эту нелѣпость; она предписывала такіе подрывающіе довѣріе къ правительству налоги, какъ добавочный налогъ въ 45 сантимовъ, изданный Гарнье-Паже. Конечная цѣль, во имя которой буржуазія разжигала волненія и ниспровергала одно правительство за другимъ, заключалась въ стремленіи захватить всю власть въ свои руки. Этой-то цѣли ей было трудно достигнуть: заботясь только о себѣ, желая подавить всѣ другія сословія, какъ высшія, такъ и низшія, буржуазія никогда не могла удержаться на высотѣ республиканскаго правленія и становилась подъ сѣнь конституціонной монархіи, чтобы съ большимъ удобствомъ за спиной короля совершать свои грязныя сдѣлки».

Не менѣе строго относится Шеллеръ и къ вождямъ соціализма, когда они становились руководителями народныхъ движеній. «Они сознавая, что ихъ теоріи взаимно уничтожаютъ одна другую, должны были враждебно смотрѣть другъ на друга, что и было на дѣлѣ. Такъ Прудонъ является ярымъ противникомъ не только Кабе, но и Луи Блана; послѣдній точно также борется противъ Прудона. Фурье ругаетъ сенъ-симонистовъ, называя ихъ шутами и плутами; послѣдніе не болѣе любезно относятся къ нему. Мы признаемъ неизбѣжность этого явленія, но тѣмъ не менѣе мы признаемъ и то, что въ этомъ явленіи заключалась главная причина ихъ неудачи. Враги били ихъ по одиночкѣ и уничтожали ихъ идеи при помощи соціальныхъ же демократовъ. Такъ Луи Бланъ вотировалъ противъ предложенія Прудона и Прудонъ понялъ всю печальную, роковую сторону этихъ враждебныхъ отношеній соціалистовъ другъ къ другу. Но мало того, что соціальные демократы губили свое дѣло этою враждою, они губили ею и свои идеи, не договорились до исправленія ошибокъ своихъ теорій, до выясненія истины, до возможнаго соединенія въ одну систему такихъ плановъ, какъ напримѣръ «Организація Труда» Луи Блана и «Организація Кредита» Прудона, до отреченія отъ такихъ утопій, какъ утопія Кабе. Вслѣдствіе этой вражды соціалистовъ между собою и съ буржуазными экономистами, идеи соціальныхъ писателей до настоящаго времени все еще ожидаютъ серьезной провѣрки».

Болѣе отрадно смотритъ Шеллеръ на судьбу французскихъ пролетаріата съ того момента, когда практическимъ пріобрѣтеніемъ кровавой исторіи явилась возможность мирнаго улучшенія быта рабочихъ при помощи роста ассоціаціи съ правомъ голоса въ парламентѣ. Онъ говоритъ: «Какъ бы ни были малочислены эти оазисы въ пустынѣ, но они все-таки даютъ право надѣяться на будущее, даютъ право думать, что когда нибудь рабочій классъ выбьется изъ своего страшнаго положенія и не будетъ имѣть повода къ тѣмъ стачкамъ, волненіямъ, возстаніямъ, которыя такъ страшно отзывались на французскомъ обществѣ и на самихъ рабочихъ въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ».

Въ книгѣ «Ассоціаціи» онъ подробно развиваетъ свой взглядъ на рабочій классъ въ западной Европѣ, говоря о немъ:

«Рабочіе страдаютъ отъ скmarkернаго устройства жилищъ; они страдаютъ отъ дурной пищи; они страдаютъ отъ скверной организаціи труда. Вслѣдствіе этого они и люди, сочувствующіе имъ, начали борьбу съ этими тяжелыми условіями жизни, при помощи

строительныхъ, потребительныхъ и производительныхъ обществъ. Строительныя общества имѣютъ цѣлью превратить бѣдняка въ собственника нанимаемаго имъ дома, требуя отъ человѣка втеченіе извѣстнаго числа лѣтъ только ту квартирную плату, которую онъ долженъ бы былъ платить втеченіе всей своей жизни, нанимая квартиру въ частномъ домѣ. Потребительныя общества стремятся доставить ему въ концѣ года всѣ причитающіеся на его долю барыши, которые при обыкновенныхъ условіяхъ получаетъ торговецъ. Производительныя ассоціаціи хлопочутъ превратить работника въ хозяина и дать ему кромѣ задѣльной платы всѣ тѣ выгоды, которыми пользуется обыкновенно одинъ хозяинъ-предприниматель. Кромѣ того всѣ эти общества заботятся объ умственномъ развитіи своихъ членовъ, объ устройствѣ библіотекъ и школъ, о помощи этимъ членамъ во время болѣзни и т. п.

«Но эти общества не всегда могутъ возникнуть въ широкихъ размѣрахъ и въ большомъ числѣ безъ капитала; покуда же ихъ будетъ мало, до тѣхъ поръ ихъ вліяніе не очень сильно поколеблетъ существующія экономическія отношенія. Это заставило рабочихъ съ одной стороны стремиться къ основанію обществъ кредита, банковъ и тому подобныхъ учрежденій, могущихъ ссужать капиталы тѣмъ рабочимъ, которые желаютъ основать ассоціаціи; съ другой стороны рабочіе стремятся устроить «союзы», имѣющіе прямою цѣлью повышеніе задѣльной платы. Эти союзы даютъ рабочимъ средства переждать безъ работы то время, когда на рынкѣ труда предлагается слишкомъ низкая плата. Но и эти учрежденія все таки были бы недостаточны, если бы они стояли одиноко въ борьбѣ съ людьми, стоящими за интересы своихъ собратій, — потому то всѣ возникающія ассоціаціи начинаютъ выражать стремленіе ассоціироваться между собою и вступаютъ въ союзъ не только съ ассоціаціями своей страны, но и съ иностранными.

«Вотъ тотъ мирный путь, который въ настоящее время только намѣченъ, но по которому, вѣроятно, пойдетъ рабочее сословіе западной Европы къ своему развитію, если какія нибудь насилія не заставятъ рабочихъ снова броситься въ открытую борьбу за свое существованіе. Разумѣется, какъ бы ни были блестящи результаты этого движенія,—они будутъ все таки не полны, покуда западно-европейскій рабочій останется въ томъ же политическомъ положеніи, въ которомъ онъ находится теперь. Улучшеніе экономическаго положенія человѣка можетъ быть только тогда прочно, когда оно идетъ рука объ руку съ его политической эманципаціей и на оборотъ».

Съ тѣхъ какъ были написаны Шеллеромъ эти мысли о будущность европейскаго пролетаріата, послѣдній, переживъ во Франціи измѣну Наполеона III и еще новую измѣну бордосскаго правительства дѣлу «національный обороны». (См. объ этомъ книгу Инсарова: «Современная Франція». Спб. 1900 г.)—употребляетъ всѣ усилія, совершенно легально, добиться власти и вліянія для улучшенія своего быта путемъ парламентскаго большинства и союзовъ производительныхъ ассоціацій.

Сторонникомъ мирнаго и дѣятельнаго прогресса въ интересахъ рабочаго класса Шеллеръ является и въ «Смутномъ времени анабаптизма» и въ особенности въ посмертной статьѣ: «Мечты и дѣйствительность» (Книжки «Недѣли» за 1900 г.). Но ни для кого уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, особенно по прочтеніи XV тома сочиненій Шеллера съ очерками изъ народныхъ движеній Европы (Савонарола и Кампанелла, анабаптисты и пролетаріатъ во Франціи), что симпатіи автора не на сторонѣ сытой буржуазіи, а обращены къ неоффиціальному и непризнанному пока царству людей будущаго изъ сферъ рабочихъ классовъ. «Эта новая сила,—говоритъ онъ,—долгое время держалась въ черномъ тѣлѣ и считалась чуть ли не опасною, но, наконецъ, исторія обратила на нее вниманіе, вывела ее на свѣтъ и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дастъ лучшихъ условій жизни для этой массы». Вотъ во имя какого идеала Шеллеръ презиралъ своихъ торжествующихъ «Ртищевыхъ», Орловыхъ въ «Голи», Кожуховыхъ въ «Алчущихъ» и т. п. лицъ, не понимающихъ, что значитъ посвятить свою жизнь самому многочисленному и полезному классу націи—нашей меньшой братіи.

XI.

Утопія Фурье и Кабе.—Практическое осуществленіе мирнаго соціализма.—Фамилистеръ въ Гизѣ и его отдѣленіе въ Лекэнѣ (въ Бельгіи).

Посвящая себя самому многочисленному классу населенія, интеллигенція однако должна быть на высотѣ своей руководящей роли и помнить, что безграмотная и невоспитанная масса часто бываетъ врагомъ сама себѣ и лучшимъ людямъ. Эта масса въ воинствующемъ періодѣ своей исторіи, случалось, губила всѣ добытые ею результаты безпечностью и пьянствомъ именно тогда, когда

врагъ былъ наиболѣе въ дѣятеленъ; мирные моменты — она добровольно возвращалось къ прошлому, облекая его въ легенды и вотируя за него большинствомъ голосовъ. Всемірная комедія 1848 года, по Верморéллю и Іоганну Шерру, обязана исключительному довѣрію демократическихъ вождей къ врагамъ и полной слѣпотѣ и безпечности торжествующаго народа къ тѣмъ и другимъ.

Шеллеръ не обольщался на счетъ массъ и не могъ предвидѣть того времени, когда въ Россіи можно будетъ дѣлать исторію возражденія вмѣстѣ съ народомъ. Даже европейскія массы онъ обвинялъ въ равнодушіи къ нашествію англичанъ въ Трансвааль и т. д.

— Ужасны Чемберлэны, но поддерживаетъ ихъ масса.

Въ разговорахъ о ней, Шеллеръ часто вспоминалъ соціальныхъ утопистовъ, съ книжными представленіями о подготовленности массъ къ осуществленію «золотого вѣка».

— Въ фурьеризмѣ является нелѣпостью не только утопія о превращеніи морской воды въ пріятный напитокъ и полярныхъ странъ въ благоухающій садъ, но и въ самыхъ его фаланстерахъ изъ современныхъ людей, съ удовлетвореніемъ свободы страстей, равномѣрнымъ распредѣленіемъ труда по способностямъ и удовлетвореніемъ по потребностямъ—нахожу страшное преувеличеніе человѣческаго счастья, совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительнымъ нуждамъ современнаго поколѣнія.

Шеллеръ естественнымъ находилъ разрушеніе попытокъ Консидерана осуществить въ Техасѣ фаланстеріи Фурье; въ теоріяхъ Кабе, гдѣ «Буанаротти и Моръ, Фенелонъ и Кампанелла, отдѣленные другъ отъ друга вѣками, протягивали одинъ другому руки», онъ видѣлъ кабинетныя мечтанія объ отдаленномъ будущемъ, разрушаемыя тотчасъ же на практикѣ современными массами. Въ его работахъ о коммунизмѣ, Икарійскія колоніи въ Техасѣ гибнутъ отъ того, что переселившійся сюда въ 1848 году французскій пролетаріатъ ничего не понималъ въ земледѣліи. Кабе съ тремястами человѣкъ, пріѣхавшій въ 1849 году въ Нову, въ штатъ Иллинойсъ, держится тамъ нѣсколько лѣтъ, процвѣтая и насчитывая въ 1855 году въ колоніи уже 500 человѣкъ. Но скоро возникъ вопросъ о переселеніи въ то время, когда колонія еще не окрѣпла, а новаторы уже тяготились диктаторствомъ Кабе и уговаривали перебраться недовольныхъ въ штатъ Нову. Гибли икарійцы на старыхъ пепелищахъ, а новыя колоніи устраивались на растояніи четырехъ миль

отъ Корнинча, станціи желѣзной дороги изъ Берлингтона къ рѣкѣ Миссури. Но и здѣсь, пишетъ Шеллеръ: «старый антаганизмъ сталъ снова проявляться за послѣднее время и, повидимому, между обѣими партіями лежитъ непроходимая пропасть. Одна партія осторожно, благоразумно противится всякимъ радикальнимъ перемѣнамъ, желая двигаться понемногу, какъ прежде при Кабе. Между тѣмъ другіе полагаютъ, что настало время сдѣлать нововведенія въ практической жизни общины, увеличить ея промышленность, измѣнить ея образовательныя средства, дать право голоса икарьянкамъ и т. п. Молодежь чувствуетъ, что старики являются не особенно умѣлыми хозяевами, что полная равноправность женщины съ мужчиной есть необходимое условіе подобной общины, и не можетъ не волноваться. Первая партія состоитъ большею частью изъ старыхъ членовъ общины; вторая — изъ молодыхъ, особенно женщинъ и почти всѣхъ вновь прибывшихъ». Преприрательства между ними кончились тѣмъ, что въ апрѣлѣ 1879 года юная Икарія отдѣлилась отъ старой Икаріи, но, — замѣчаетъ Шеллеръ: «говорить о дальнѣйшемъ существованіи небольшой горсти этихъ піонеровъ коммунизма было бы излишне, такъ какъ это существованіе покуда далеко не блестящее...». Разумѣется, прогрессъ общины въ томъ и заключается, чтобы онѣ не застыли въ однѣхъ и тѣхъ же традиціяхъ; но мы склонны привѣтствовать такой прогрессъ въ томъ только случаѣ если онъ не кончается разложеніемъ, измельчаніемъ и, въ концѣ концовъ, смертью общины. Если застой страшенъ въ жизни народовъ, то и на долю прогресса выпало не менѣе тяжкихъ испытаній. Въ константированіи Шеллеромъ «тяжкихъ испытаній», выпадающихъ на долю прогрессивныхъ партій, вслѣдствіе неумѣлости ихъ дѣлать исторію—заключается и самое отрицаніе теоретически созданныхъ плановъ разрушенія или созиданія новой жизни. Утописты всѣхъ родовъ всегда видѣли въ Шеллерѣ благороднаго противника, писавшаго о нихъ слѣдующія строки: «Нельзя безъ уваженія и грусти смотрѣть на эти разбитыя надежды и погибшія мечты. Это были люди убѣжденія, и честь, и слава имъ за то, что они не отшатнулись ни передъ какими испытаніями, чтобы вполнѣ мирнымъ путемъ добиться отвѣта на вопросъ: «можно-ли такъ жить»? Въ нихъ бросаютъ насмѣшками, ихъ обвиняютъ. Но за что? Развѣ тысячи алхимиковъ, дѣлая свои невозможные опыты, не создали химіи? Развѣ опыты воздухоплавателей, думающихъ найти средства управлять воздушнымъ шаромъ, безполезны и не нужны? Развѣ эти икарійцы, жертвуя своею

жизнью, не дали полезныхъ уроковъ человѣчеству? Развѣ человѣчество можетъ рѣшить что-нибудь безъ сотенъ и тысячъ подобныхъ опытовъ»? Разумѣется, это заключеніе объ «алхимикахъ» во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности представляется позолоченной пилюлей, въ особенности, примѣнительно къ русской дѣйствительности съ «Митрофанами, способными на всѣ руки». Лучшимъ выполненіемъ на практикѣ блестящихъ мечтаній о золотомъ вѣкѣ Шеллеръ считаетъ скромное и мирное осуществленіе ихъ въ городѣ Гизѣ во Франціи на заводахъ Жана Батиста Годэна. Въ статьѣ «Мечты и дѣйствительность» онъ говоритъ объ этой производительной ассоціаціи, существующей слишкомъ 30 лѣтъ въ крупныхъ размѣрахъ, слѣдующее:

«Нѣкоторыя изъ предполагавшихся Шарлемъ Фурье реформъ вызвали энтузіазмъ въ одномъ человѣкѣ съ рѣдкимъ практическимъ смысломъ, съ рѣдкою настойчивостью и еще болѣе рѣдкою добротою сердца, который и постарался осуществить хотя частицу изъ завѣтовъ своего учителя на пользу ближнихъ, откинувъ въ сторону все, что казалось ему лично излишнимъ, неосуществимымъ, фантастичнымъ. Этотъ человѣкъ не былъ ни милліонеромъ, ни ученымъ, когда онъ задумалъ свое дѣло, пораженный ученіемъ Фурье, но онъ понималъ, что голыми руками браться за крупное дѣло нельзя, и потому приступилъ къ нему не вдругъ. Бѣднякъ и простой рабочій, не получившій никакого образованія, но знающій хорошо практическую жизнь, со всѣми ея недостатками и невзгодами, онъ выбралъ изъ теоріи Фурье то, что было, по его мнѣнію, примѣнимо къ жизни, и принялся за свою работу». Человѣкъ этотъ былъ Жанъ-Батистъ-Андре-Годэнъ.

Въ книгѣ «Ассоціаціи» Шеллеръ пишетъ, что Годенъ Лемеръ родился въ 1817 году въ департаментѣ Эны, въ мѣстечкѣ Эскегери, въ семьѣ бѣдныхъ ремесленниковъ. Его дѣтство прошло въ первоначальной народной школѣ его родного села. Только въ 1846 году ему удалось положить начало тому обширному промышленному заведенію въ Гизѣ, которое потомъ сдѣлалось однимъ изъ первыхъ въ своемъ родѣ. Это былъ заводъ чугунныхъ издѣлій. Грѣлки, камины, жаровни и тому подобныя издѣлія, входящія все въ большее и большее употребленіе съ развитіемъ отопленія каменнымъ углемъ и коксомъ, начали расходиться съ завода Годенъ Лемера по всему свѣту. Удачная замѣна листового желѣза чугуномъ, новые способы эмальировки чугунныхъ итдѣлій, выдѣлка прочной чугунной посуды, походившей по внѣшнему виду

на хрупкую фаянсовую посуду, постоянныя стремленія къ усовершенствованію своего производства доставили Годену и славу, и богатство. Въ 1866 году онъ уже выплачивалъ до 600,000 франковъ (150,000 рублей) въ годъ 800 рабочимъ, и только недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, но никакъ не недостатокъ въ заказахъ заставилъ его ограничиваться этимъ числомъ мастеровыхъ. Но симпатичный и простой въ обращеніи съ людьми, хотя и суровый на видъ, пятидесятилѣтній старикъ Годенъ отличался не однѣми способностями ловкаго заводчика.

Онъ задумалъ преобразовать у себя на заводѣ положеніе рабочихъ.

Исторія осуществленія имъ производительной ассоціаціи разсказана Шеллеромъ («Мечты и дѣйствительность», «Недѣля», 1900 г.) крайне обстоятельно.

«Годэнъ пошелъ по пути улучшеній осторожно, шагъ за шагомъ, начавъ съ мелочей, съ того, что прямо бросалось въ глаза, какъ нелѣпость, несправедливость или упущеніе. Такъ, онъ установилъ на новыхъ началахъ задѣльную плату своимъ рабочимъ, гдѣ каждый сталъ получать вознагражденіе за часъ работы и поштучно, между тѣмъ какъ въ то время еще повсюду трудъ дѣлили на періоды по 3 или по 4 часа въ каждомъ. Рабочій, который почему-нибудь не явился къ началу одного изъ этихъ періодовъ, опаздывалъ хотя на нѣсколько минутъ,—подвергался вычету изъ жалованья и даже окончательному лишенію вознагражденія за весь періодъ. Годэнъ уничтожилъ это обременительное для рабочаго условіе, установилъ плату за часъ труда и за всякую вещь, сдѣланную рабочимъ: это уже давало производителю большую свободу распоряжаться своимъ временемъ. Затѣмъ онъ осуществилъ другую реформу промышленнаго дѣла, которой во Франціи, впрочемъ, мало подражаютъ и до сихъ поръ, несмотря на доказанную пользу, приносимую ею. Въ его время всѣ безъ исключенія хозяева платили жалованье всѣмъ рабочимъ въ одно время. Это вело за собой такія послѣдствія: на слѣдующій день послѣ получки платы рабочіе часто не приходили на работу, потому-что съ деньгами въ карманѣ они предпочитали идти въ кабакъ. Годэнъ раздѣлилъ всѣхъ своихъ рабочихъ на четыре части по алфавиту и назначилъ въ недѣлю два дня, вторникъ и пятницу, въ которые выдавалъ заработную плату. Такимъ образомъ, каждому отдѣленію рабочихъ выдавалось жалованья по-очередно каждыя двѣ недѣли. Вознагражденіе, такъ сказать, выдавалось постоянно, непрерывно, и рабочій, взявшій слѣдуемыя ему деньги,

былъ рядомъ съ тѣмъ, который еще не получалъ ничего. Этимъ, какъ доказала практика, въ большой мѣрѣ устранилась возможность пьянствовать. Рабочіе не тратили попусту заработную плату, и наоборотъ, почти всѣ пріобрѣли привычку приносить деньги цѣликомъ домой. Установивъ это, Годэнъ началъ внушать рабочимъ необходимость внутренней организаціи между ними и устроилъ въ ихъ средѣ общество взаимопомощи на случай болѣзни и т. д. Уже съ апрѣля 1859 года онъ рѣшился заняться осуществленіемъ общежитія для рабочихъ, которое позволяло бы ему поставить потомъ массу рабочихъ въ условія равномѣрнаго пользованія богатствомъ. Онъ принялся за основаніе зданія, похожаго на богатый замокъ, получившаго названіе «Фамилистера» или «Общественнаго дворца».

«Въ самомъ началѣ полнаго учрежденія общежитія въ Фамилистерѣ, Годэнъ собралъ 1-го іюня 1861 года избранныхъ впервые въ члены совѣта тринадцать мужчинъ и тринадцать женщинъ и высказалъ передъ ними свои взгляды на нѣкоторыя условія, при которыхъ общежитіе возможно. «Въ началѣ дѣятельности совѣта можно опредѣлить только неизбѣжныя мѣры, лежащія на его обязанности, такъ началъ свою рѣчь Годэнъ. Развитіе же его обязанностей можетъ указать одно время. Населеніе Фамилистера связано общими интересами, которые будутъ возрастать съ каждымъ днемъ. Чтобы предупредить дурное веденіе дѣла или недовѣріе къ управленію этими интересами, нужно, чтобы былъ отлично установленъ контроль, чтобы порядокъ царствовалъ вездѣ и чтобы жители были вполнѣ благонадежны, что ихъ интересы искренно и дѣятельно соблюдаются вездѣ. Чтобы организовать этотъ надзоръ, нужно прежде всего проникнуться любовью къ ближнимъ и чувствомъ справедливости и долга, которыя и должны руководить нами всѣми въ этихъ дѣйствіяхъ. Такъ, вмѣсто стремленія критиковать другъ друга, надо стараться понять, что дѣйствительно полезно или вредно для общаго интереса. Внѣ этого все остальное очень второстепенно. Совѣтъ, значитъ, долженъ прежде всего противодѣйствовать, главнымъ образомъ, примѣромъ привычкѣ критиковать и не довѣрять—привычкѣ столь общей, что обыкновенно мы не охотно вѣримъ въ доброе въ другихъ и всегда готовы представить въ дурномъ свѣтѣ даже самыя благодѣтельныя и самыя безкорыстныя предложенія ближнихъ... Совѣтъ долженъ приложить всѣ свои старанія, чтобы развить во всѣхъ чувства единодушія и союза; онъ долженъ воздѣйствовать добродушіемъ и искренностью

на нравственность другихъ жителей, чтобы имѣть возможность провести здѣсь всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія образованія и благосостоянія. Уже можно замѣтить, что рабочее населеніе Фамилистера отличается болѣе правильнымъ образомъ жизни и что въ его благосостояніи уже произошло чувствительное улучшеніе. На обязанности совѣта лежитъ поддержка и увеличеніе круга этого улучшенія; но нужно прежде всего быть твердо убѣжденнымъ, что благотворно руководить ближними можно только проповѣдью собственнаго примѣра. Изгонимъ же изъ нашихъ сердецъ всякое чувство враждебности, всякія несправедливыя предубѣжденія; будемъ избѣгать постоянной критики относительно нашихъ ближнихъ въ ихъ поступкахъ, касающихся только ихъ самихъ и не вредящихъ другимъ; подадимъ, наконецъ, примѣры доброты и благорасположенія ко всѣмъ, и наше поведеніе, безупречное во всѣхъ отношеніяхъ, вызоветъ современемъ подражателей. Члены совѣта, кромѣ того, должны вносить въ свои совѣщанія хладнокровіе и умѣренность. Сегодня я еще обращаюсь къ вамъ со своимъ словомъ, такъ какъ дѣло идетъ объ опредѣленіе общихъ обязанностей совѣта, но на будущее время этого не будетъ; каждый изъ васъ обязанъ будетъ говорить, какъ только онъ будетъ имѣть для сообщенія что нибудь полезное, изученіе жизненныхъ фактовъ только и можетъ итти этимъ путемъ. Въ этихъ-то изученіяхъ, въ этихъ-то собраніяхъ и должны одушевлять всѣхъ насъ полное самообладаніе и полное спокойствіе. Воздерживайтесь отъ произнесенія торопливыхъ сужденій, чтобы не впадать постоянно въ ошибки; нужно зрѣло разслѣдовать вопросы, взвѣшивать «за» и «противъ», выслушивать замѣчанія каждаго, прежде чѣмъ дѣлать заключенія. Совѣтъ установленъ для того, чтобы какъ можно ярче освѣщать каждый вопросъ. Значитъ неизбѣжно, чтобы вы были проникнуты разсудительностью и обдуманностью, которыя и помогутъ вамъ исполнить лежащую на васъ обязанность. Если случится, что члены совѣта разойдутся во мнѣніяхъ, они должны обмѣниваться замѣчаніями вѣжливо и скромно, такъ какъ изъ столкновенія различныхъ мнѣній и вытекаетъ настоящее выясненіе спорныхъ вопросовъ. Очень важно, чтобы никто не оскорблялъ, чтобы никто не оскорблялся и чтобы никто не вносилъ въ пренія слѣпого раздраженія, которое лишитъ ихъ прелести и помѣшаетъ спокойному обдумыванію вопроса. Фамилистеръ созданъ, главнымъ образомъ, въ разсчетѣ на будущее, потому его надо поставить на вѣрныя и прочныя основанія, чтобъ онъ могъ стать твердо и

остаться какъ бы примѣрнымъ памятникомъ благосостоянія, котораго могутъ достигнуть рабочіе. Никакое учрежденіе, способствующее украшенію и прогрессу общей жизни, не должно отсутствовать здѣсь. Въ числѣ этихъ учрежденій должны быть и различные магазины, снабженные предметами первой необходимости. Въ интересахъ самого дѣла и ради того, чтобы оно имѣло подражателей, нужно, чтобы всѣ услуги оплачивались, и чтобы Фамилистеръ не представлялся предпринимателямъ какъ созданіе невозможное и разорительное. Поступать иначе, значитъ плохо понимать настоящіе интересы рабочихъ. Надо, значитъ, чтобы Фамилистеръ получалъ барыши въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, а для достиженія этого нуженъ должный надзоръ. Глупые и злые люди будутъ очень рады, если дѣло Фамилистера лопнетъ. Они будутъ кричать: «Годэнъ былъ такъ глупъ, что бросилъ на это дѣло свои деньги; онъ разорился, мы это предсказывали заранѣе». Напротивъ того, если все пойдетъ хорошо, если Фамилистеръ будетъ развиваться и процвѣтать, если его средства будутъ давать ему возможность увеличивать ежегодно учрежденія, могущія обезпечить благосостояніе его обитателей,—глупые и злые люди должны будутъ притихнуть, а люди съ сердцемъ постараются осуществить для рабочихъ то, что сдѣлали уже мы здѣсь, потому, что у нихъ будетъ увѣренность въ томъ, что ихъ время и деньги не потратятся даромъ». Эта простая рѣчь вполнѣ характеризуетъ создателя Фамилистера. Годэнъ въ 1874 году замѣчаетъ въ своей брошюрѣ: «Богатство на служеніе народу» слѣдующее: «Къ свѣдѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, будто рабочіе классы не дисциплинированы и даже вовсе не способны къ какой бы то ни было дисциплинѣ, я долженъ сказать, что съ самого основанія Фамилистера не было ни одного факта среди рабочаго населенія, который потребовалъ бы вмѣшательства полиціи, а между тѣмъ во всѣхъ помѣщеніяхъ живетъ до 900 человѣкъ, сходки между ними весьма часты и многочисленны и вообще между всѣми живущими поддерживается самое дѣятельное общеніе». Позже Годэнъ прибавилъ: «Это вовсе не является слѣдствіемъ какого нибудь дѣятельнаго контроля надъ живущими рабочими, напротивъ, въ Фамилистерѣ весьма уважается личная свобода. Самый фактъ отсутствія распущенности обусловливается только вліяніемъ общественнаго мнѣнія».

Съ 1876 года Годэнъ стремится къ образованію ассоціаціи между нимъ и его рабочими.

«Надо признаться, что рабочіе долго не могли вполнѣ освоиться съ мыслью, что одинъ изъ первыхъ заводовъ Франціи съ его «общественнымъ дворцомъ» является ихъ собственностью, что хозяева здѣсь они сами, что патронъ ихъ не надуваетъ. Но, послѣ смерти (15-го января 1888 года) основателя Фамилистера, когда дѣло продолжало все болѣе и болѣе процвѣтать, компаньоны труженики убѣдились, что ихъ никто не надувалъ, и уже смотрятъ не безъ гордости на свою собственность. Актъ общества Фамилистера подписанъ 13-го августа 1880 года, и капиталы этого общества были слѣдующіе: строенія, имущество и товары Фамилисгера—1,067,055,77 фр., зданіе, машины, товары и оборотный фондъ завода въ Гизѣ — 3,031,306,70 фр., земля, зданія, машины, товары и оборотный фондъ завода въ Лекэнѣ—501,637,33 фр., всего 4,600,000 фр. Черезъ двѣнадцать лѣтъ этотъ капиталъ номинально числился въ томъ же размѣрѣ, но инвентарь, составленный къ 30-му іюня 1891 года, показалъ, что онъ въ дѣйствительности уже равнялся 9,297,034,51 фр., то-есть возросъ въ два раза, и акціи въ сто франковъ поднялись до 202,11 фр. Владѣльцевъ акцій завода насчитывается болѣе тысячи трехсотъ человѣкъ. Не думайте, что въ этомъ обществѣ, какъ у Фурье, достаточно поработать въ день 2—3 часа, чтобы обезпечить себя вполнѣ. Нѣтъ, трудъ и здѣсь тяжелъ и продолжителенъ, какъ вездѣ на заводахъ. Но, по возможности, здѣсь примѣнены всѣ гигіеническія условія въ обстановкѣ, и у каждаго является возможность содѣйствовать улучшенію дѣла, такъ какъ всѣ — участники этого дѣла, а не наемные батраки. Заработная плата далеко не особенно высока: для средняго, то-есть не лучшаго, не худшаго мужчины-работника, рабочій день оплачивался въ 1892 году, 5,33 фр., для средней женщины-работницы — 2,76 фр., для среднихъ юношей-работниковъ — 1,84 фр. Но тутъ является на помощь производительная, дающяя огромые барыши и проценты, потребительное общество, удешевляющее до возможнаго минимума стоимость жизненныхъ припасовъ, и т. д. Состоя дѣйствительнымъ членомъ общества взаимопомощи, каждый имѣетъ право черезъ пятнадцать лѣтъ на полученіе пенсіи: мужчины въ 75 фр., женщины 45 фр. въ мѣсяцъ. Но, конечно, замѣчательнѣе всего здѣсь то, что тутъ въ тридцатилѣтній періодъ существованія Фамилистера не было ни одного преступленія, требовавшаго вмѣшательства властей, что здѣсь постоянно увеличивается дѣторожденіе и уменьшается смертность даже въ сравненіи съ маленькимъ сосѣднимъ городкомъ Ги-

зомъ, что ростъ нравственности здѣсь ясно показывается уже простыми цифрами все уменьшающагося количества прогуловъ, что здѣсь нѣтъ ни одного нищаго, ни одного старика или старухи, не знающихъ, какъ переживутъ они завтрашній день, ни одного выброшеннаго на всѣ четыре стороны сироты».

Заканчиваетъ Шеллеръ свою замѣчательную посмертную работу слѣдующими словами:

«Нечего и говорить о томъ, что Фамилистеръ является единичнымъ примѣромъ, что его существованіе не разрѣшаетъ сложныхъ соціальныхъ вопросовъ въ ихъ совокупности. Это понятно само собою. Но тѣмъ не менѣе этотъ примѣръ возможности существованія широко развившейся производительной ассоціаціи рабочихъ, процвѣтающей матеріально и облагораживающей нравственно, очень важенъ и достоинъ изученія. Можно только пожалѣть, что мы, вообще, мало знакомы съ подобными поучителями примѣрами мирнаго развитія прогресса безъ стачекъ, безъ бунтовъ, безъ подавленія помощью полиціи и войска разныхъ прискорбныхъ безпорядковъ. Въ Гизѣ, кажется, никто не побывалъ изъ нашихъ соотечественниковъ, занимающихся фабричнымъ и заводскимъ дѣломъ. Лично я знаю только одну писательницу, знавшую лично и Андрэ Годэна и Марію Годэнъ. Мало того: книги, издаваемыя Фамилистеромъ, какъ пишетъ мнѣ госпожа Годэнъ, вовсе не доходятъ до насъ, а между тѣмъ въ нихъ нашлось бы много поучительнаго... Ну, хотя бы для дамъ-патронессъ, устраивающихъ гдѣ нибудь ясли...»

Не только русскія дамы, но и большинство мужчинъ, перебывавшихъ во Франціи на Эйфелевыхъ башняхъ и т. д. едва ли интересовались «Фамилистеромъ въ Гизѣ» и его отдѣленіемъ въ Лекэнѣ (въ Бельгіи). А между тѣмъ, это одно изъ чудесъ мирнаго соціализма, существующаго на практикѣ, а не въ фантастическихъ книгахъ о солидарности людей. Въ дѣятельности Годэна Шеллеръ находилъ лучшее разрѣшеніе рабочаго вопроса, какое доступно частнымъ людямъ, но отъ государства ждалъ разрѣшеніе соціальнаго вопроса, во всей его совокупности, при помощи всенародныхъ средствъ и симпатій. Онъ былъ государственникомъ-радикаломъ въ политикѣ; мирнымъ соціалистомъ въ экономическихъ вопросахъ; просвѣщеннымъ художникомъ и гуманнымъ поэтомъ въ литературѣ.

XII.

Шеллеръ о себѣ самомъ.— Шестидесятники-литераторы и «молодые писатели».— Отношеніе А. К. Шеллера къ толстовцамъ, марксистамъ, народникамъ и консерваторамъ.

О своемъ значеніи въ русской литературѣ Шеллеръ неоднократно говорилъ мнѣ:

— Мои типы, не настолько художественны, чтобы ими измѣрять мое значеніе. Типовъ собственно нѣтъ у современныхъ писателей. У Чехова есть удачные и случайные образы, но не типы. Образы могутъ быть всякіе, а типы — это обобщающіе и для всякаго разумѣнія обязательные образы. Короленко интересенъ по сюжетамъ, а не типами, которыхъ и у него нѣтъ. Онъ обольстилъ насъ «изобрѣтеніемъ». Написалъ онъ романъ «Безъ языка» — о томъ, что претерпѣваютъ переселенцы въ Америкѣ изъ Россіи, и сюжетъ новизной своею нравится, какъ нравится и другой его сюжетъ о томъ, что думаетъ о мірѣ «слѣпой музыкантъ». Всѣ будутъ читать и интересоваться сюжетомъ, а не типами. У Потапенки — ни одного типа, но есть очень много Лѣскова, Глѣба Успенскаго и собственнаго повторенія одного и того же темперамента, особенно женскаго. Также напрасно писали Скабичевскій, Венгеровъ и др. о созданіи мною школы писателей. Ни на типы, ни на школу—я не претендую. Время школъ прошло. Пушкинъ создалъ языкъ, Гоголь—реализмъ, а теперь въ чемъ можетъ быть у насъ «новая школа»? Достоевскому подражаютъ сами по себѣ сходственные таланты à la Альбовъ, такъ же, какъ Чехову—большинство позднѣйшихъ писателей. Мои романы и повѣсти изъ русской жизни воспроизводятъ время, идеи и страсти, кому-то, очевидно, близкія, если меня называютъ воспитателемъ общества. Особенность моя въ томъ, что я удѣлялъ очень много мѣста личной нравственности, убѣжденный въ томъ, что если всѣ будутъ нравственны, то соціальный вопросъ разрѣшится самъ собою. Теперь такъ думаютъ всѣ: и Левъ Толстой, и Сенкевичъ, и Бурже. Въ своихъ научныхъ работахъ я не умалялъ значенія соціальной обстановки въ исторіи и, признавъ значительное вліяніе общественныхъ формъ на людей, объяснялъ въ то же время, что самая могучая обстановка — это люди. Съ лѣтами и опытомъ, по

мѣрѣ того, какъ я наблюдалъ теченіе 60-хъ годовъ въ Россіи и чѣмъ они закончились, я еще болѣе утвердился въ томъ, что русскимъ людямъ необходимѣе всего моральный элементъ, и что безнравственно проповѣдывать воду, когда самъ пьешь вино.

Къ этимъ словамъ А. К. Шеллера о самомъ себѣ слѣдуетъ добавить, что морализмъ его произведеній далеко не тенденціозенъ, а всегда бытовой и обоснованный. Онъ говорилъ мнѣ неоднократно слѣдующее:

— У современныхъ беллетристовъ имѣется талантъ, но нѣтъ чутья къ общественной жизни; а чутья этого нѣтъ потому, что у нихъ нѣтъ общественнаго и живого дѣла. Мы, шестидесятники, счастливѣе ихъ. Мы вѣрили въ освобожденнаго человѣка... У насъ были реформы: крестьянская, земская, судебная, женская, равно— правность національностей, законы о печати и т. д. Писатели являлись сторонниками общественной жизни, и потому ихъ любили и цѣнили; а теперь какая у насъ общественная жизнь? Что долженъ защищать писатель и чѣмъ онъ можетъ заслужить себѣ уваженіе въ обществѣ? Во что онъ вѣритъ?—въ капиталъ?! Ничѣмъ, кромѣ собственнаго дарованія, современный писатель, не располагаетъ и не чувствуетъ разницы между разсказомъ А. Будищева и китайско-европейской войной... Вотъ почему мы и видимъ массу талантливыхъ, но преждевременно погибшихъ писателей. Ничего глубокаго въ общественной жизни они не прочувствовали, никакихъ обобщеній не встрѣтишь въ ихъ произведеніяхъ. Ихъ читаютъ, но не слѣдуютъ за ними, и ихъ произведенія умираютъ на другой день послѣ появленія. Эти восьмидесятники и девятидесятники неспособны были даже обсудить въ своихъ произведеніяхъ хотя бы рабочій вопросъ или политическія формы общественной жизни, чтобы художественными образами выяснить обществу злобу дня. Скажутъ, что это трудно по цензурнымъ условіямъ, но имъ гораздо труднѣе сдѣлать это по собственному безсилію, по отсутствію чутья къ общественнымъ нуждамъ. Они предаются пересказамъ собственныхъ приключеній, заботясь объ ихъ отдѣлкѣ, о точности рисунка, а не о содержательности. Съ такимъ ограниченнымъ пониманіемъ прогресса современные художники утратили учительство и руководительство русскимъ обществомъ.

Выросши попреимуществу на почвѣ общественныхъ интересовъ, Шеллеръ естественно остался чуждъ всякимъ утопіямъ и мистической мечтательности. Онъ вполнѣ реальный писатель.

Весьма часто бесѣдуя со своими друзьями о литературѣ, Шеллеръ, со свойственнымъ ему остроуміемъ, говорилъ о себѣ:

— Когда я былъ маленькій, и меня брали на руки во время прогулки, то, вѣроятно, прежде чѣмъ научиться говорить «папа» и «мама», я кричалъ нянькѣ: на землю! на полъ! пѣшкомъ!.. Я до сихъ поръ такъ живу: иду по землѣ и полонъ ея интересами. Метафизическіе возгласы въ литературѣ противъ позитивизма, реализма, либерализма покойныхъ «Отечественныхъ Записокъ» и т. д. мнѣ кажутся похожими на приглашеніе ходить по потолку... Такъ мало я понимаю и симпатизирую имъ. Точно опять нянька беретъ меня на руки, и я непремѣнно долженъ кричать: пусти меня на землю, на полъ! Вопросы о томъ, что станется съ нашей совѣстью, и будетъ ли конецъ земли или нѣтъ, — я порѣшилъ, какъ только сдѣлался «митрофаньевскимъ помѣщикомъ»... Я купилъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ кусокъ земли и вижу, что тамъ изъ моей матери и отца выросла сирень. Чтобы не причинять людямъ безпокойства послѣ смерти, я приготовилъ заранѣе себѣ мѣсто и состою членомъ похоронной кассы для литераторовъ. Вотъ все, что я знаю о моей душѣ. На чемъ бы другомъ я ни остановился, меня все-таки будетъ смущать вопросъ: «а потомъ?», которымъ я смущалъ въ дѣтствѣ свою няньку. Умеръ у меня дядя и поставили гробъ въ комнатѣ. Я и спрашиваю няню: «что съ дядей будетъ?»—«На небо уйдетъ»,—говорить няня. — «А потомъ?»— «А потомъ будетъ жить съ ангелами, не будетъ тамъ горя, а только однѣ радости»... — «А потомъ?» — «А потомъ?.. Что же потомъ?.. Потомъ и мы умремъ и свидимся съ дяденькой въ небесахъ»...—«А потомъ?»—«Тьфу ты, пострѣлъ», обругала меня старуха, а отвѣтить все-таки не могла. Вотъ и теперь, когда я встрѣчаю писателя, отвергающаго реальныя нужды страны и проповѣдывающаго метафизическое счастье, я спрашиваю: «а потомъ?». Я понимаю свободу и счастье человѣка въ зависимости отъ того или другого политическаго порядка вещей, отъ степени образованія въ странѣ, но ничего не понимаю въ «метафизической свободѣ». Если говорятъ о внутренней свободѣ человѣка при любомъ порядкѣ вещей, то я спрашиваю: а потомъ? Развѣ этимъ и кончается все? Вѣдь этой внутренней свободой нельзя же самого себя тѣшить! съ нею связаны дѣла и поступки, то-есть нужды времени, опять-таки не вѣчныя, а настоящія... Таковъ складъ моего ума. Я всегда былъ врагомъ фразерства. Пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ, ему не до Шекспира и Пушкина. Я достаточно по-

нимаю Пушкина, и когда я разстроенъ, то ничто такъ не успокаиваетъ мои нервы, какъ чтеніе въ сотый разъ того же Пушкина. Но если до крестьянскихъ школъ доходятъ только сказки Пушкина, и только одинъ старый кабакъ реформируется въ казенную винную лавку, а больше ничего изъ реформъ не попадаетъ въ деревни, то Пушкинъ и Шекспиръ будутъ ему чужды. «Сѣйте рожь, а васильки сами выростутъ»... При такомъ пониманіи эта мысль о ржи ничего не содержитъ въ себѣ пошлаго и матеріалистическаго. Разные нынѣшніе учителя проповѣдуютъ «метафизическій идеализмъ» противъ ржи и каши... Они думаютъ, что утилитаріанизмъ есть предпочтеніе сапоговъ Шекспиру; они думаютъ, что Писаревъ не понималъ превосходства Шекспира. Ошибаются. Писаревъ лучше ихъ понималъ и Пушкина, и Шекспира. А только пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ, не читать ему ни Шекспира, ни Пушкина. Вотъ о чемъ надо заботиться. Никто изъ шестидесятниковъ не опровергалъ идеализмъ, то-есть стремленіе къ тому, чтобы прежде самому быть лучше, а потомъ ужъ и строй измѣнится... Но мы понимали, что онъ измѣнится не иначе, какъ если мы будемъ сѣять хлѣбъ, а васильки сами народятся... Можетъ быть, я тѣмъ и дорогъ читателю, что никогда не фразерствовалъ «о метафизическомъ идеализмѣ», но изображалъ въ своихъ романахъ идеалистовъ на живомъ и доступномъ всѣмъ дѣлѣ. По моимъ произведеніямъ легко угадать идеальный типъ учителя по призванію; дѣвушку, сохраняющую въ цѣломудріи свое тѣло, какъ и душу; родителей, которые боятся воспитать изъ собственныхъ дѣтей враговъ себѣ и стараются сдѣлать ихъ счастливыми въ своемъ родномъ гнѣздѣ, а не на сторонѣ у чужихъ людей; скромныхъ общественныхъ дѣятелей, которые не любятъ шуму и не проповѣдуютъ другимъ того, чего сами не въ силахъ выполнить и т. д. Этому реальному направленію моихъ писаній причастно и большинство русскихъ писателей...

Никогда не сочувствуя утопіямъ, если онѣ ограничиваются словами, а не живымъ дѣломъ, А. К—чъ, конечно, не могъ мириться ни съ толстовствомъ, ни съ русскимъ марксизмомъ, ни съ «лапотничествомъ» народниковъ. Узнавъ, что толстовцы уѣхали въ Англію и думаютъ издавать свой журналъ, онъ грустно замѣтилъ, бесѣдуя со мною о нихъ:

— Если толстовцы будутъ проводить въ журналѣ то, что «ничего не надо отъ государственности», и что народъ самъ долженъ отъ личности къ личности развиваться духовно и отстаивать свои

права безъ реформъ Александра II, и что нептуническая теорія дѣлаетъ то же, что и вулканическая, но вѣрнѣе и прочнѣе,—то журналъ не будетъ имѣть успѣха. Вѣдь этого «ничего не надо» достаточно и теперь. Чего же они добиваются? Напротивъ того. Русскому народу все надо: и хорошей полиціи, и хорошаго чиновника, и хорошей литературы, и законности, и кредитныхъ банковъ, и желѣзныхъ дорогъ... Все нужно! Безъ государственной организаціи въ настоящее время этого ничего нельзя достигнуть. Я никогда не служилъ утопіямъ, но не отъ недостатка ихъ пониманія. Самое отдаленное будущее доступно моему созерцанію... Въ моихъ «Анабаптистахъ» найдется и отрицаніе регламентаціи общественной жизни и блестящая проповѣдь утопическихъ ученій о богочеловѣчествѣ... Но я не съ ними. Я не сочувствую принудительному прогрессу съ непремѣннымъ приниженіемъ личности и свободы, но я знаю, что въ дикомъ состояніи «личность» еще болѣе уничтожается отъ холода, голода и враговъ, чѣмъ при европейской организаціи государства. Смѣются надъ Фурье, что онъ проповѣдывалъ казарму, а Спенсеръ въ подобномъ казарменномъ государствѣ видитъ «грядущее рабство». Но что же лучше: казармы или голодъ? Регламентированная жизнь или нерегламентированная нищета? Толстому тоже не понравится принудительный прогрессъ. Ну, да вѣдь это все отрицается съ барской точки зрѣнія... Съ точки зрѣнія геніальныхъ и богатыхъ людей! Конечно, имъ нѣтъ надобности входить въ ассоціацію, подчиняться уставу и т. д. Они могутъ преуспѣвать и не зависѣть отъ другихъ людей. А бѣдняки, чтобы не умереть съ голоду, ищутъ опору другъ въ другѣ и соединяются въ ассоціаціи и государства. Въ моей статьѣ «Мечты и дѣйствительность» я подробно развилъ эту мысль... Хорошо Л. Н. Толстому говорить, что спасеніе человѣка въ самомъ себя и счастье тамъ же... Хорошо, когда у него 600.000 годового дохода. Да, дай мнѣ милліонъ, и я научу всякаго спасаться въ самомъ себѣ... А теперь вотъ даже мнѣ самому нужна комиссія по выдачѣ пенсій престарѣлымъ и заслуженнымъ литераторамъ... Вотъ тебѣ и царствіе Божіе внутри насъ. Съ милліономъ, то и счастье внутри. Съ этимъ всякій согласится. Впрочемъ я понимаю еще Толстого, отъ котораго такъ и вѣетъ умомъ, что бы онъ ни писалъ. Понимаю и Лѣскова, у котораго большой лобъ, большая голова, глаза, которые могутъ съѣсть человѣка... А эти маленькіе послѣдователи Толстого, съ соннымъ выраженіемъ лица и точно «вареные» въ разговорахъ, уже равно ничего не говорятъ моему уму.

Всѣ они либо глупы и фразеры, когда отрицаютъ нашу культуру, съ наукою и вкусами, ничего другого не дѣлая, какъ только сочиняя книги и живя въ городахъ по тѣмъ же самымъ вкусамъ, которымъ и мы слѣдуемъ; либо невмѣняемые и безвредные фантасты, нравящіеся исключительно провинціальной молодежи да женщинамъ... Конечно, если телефоны и телеграфы существуютъ для того, чтобы жены увѣдомляли своихъ мужей о томъ, что онѣ накупили въ Парижѣ себѣ новыхъ нарядовъ, а медицина, чтобы отравлять людей, то дѣйствительно не будутъ нужны ни телеграфы, ни медицина. Съ этой точки зрѣнія толстовцы отрицаютъ и науку безъ религіозныхъ цѣлей и цивилизацію съ принудительными задачами, совѣтуя все это оставить и сдѣлаться намъ мужиками; но вѣдь какая же это точка зрѣнія?! Что толку, если разговоры ихъ логичны, когда исходная точка зрѣнія ошибочна! Сами они въ практической жизни остаются не мужиками, а господами, пользуясь и телеграфомъ, и медициной, и даже полиціей для защиты своихъ господскихъ правъ, когда это имъ нужно.

О марксистахъ онъ говорилъ:

— Я не понимаю экспропріацію орудій производства, когда всѣ страны будутъ въ рукахъ нѣсколькихъ синдикатовъ, а всѣ мы будемъ пролетаріями, распропагандированными ученіемъ о трудовой цѣнности, наибольшая доля которой принадлежитъ намъ, рабочимъ. Жди, когда такое время настанетъ! Я вижу, что и теперь капиталъ столь же часто распредѣляется въ странѣ, сколько сконцентрировывается. Поземельная собственность во Франціи дробится; акціонерныя общества даютъ долю барыша мелкимъ пайщикамъ, а не уничтожаютъ ихъ; рабочіе, при помощи банка и выкупной операціи, могутъ также пріобрѣсти собственность на артельныхъ началахъ и т. д. Словомъ, экономическій матеріализмъ, даже самый безвредный въ практическомъ смыслѣ—не въ моемъ вкусѣ... Я раздѣляю либеральное направленіе, то-есть то историческое, которое гораздо шире народническаго, и которое отстаивали журналы, гдѣ я прежде работалъ («Современникъ», «Русское Слово» и «Дѣло»). Я вѣрю въ миссію интеллигенціи, долженствующей стать правительственной и общественной силами... Лапотническое направленіе въ литературѣ мнѣ тоже ненавистно. Отдавать исторію въ руки невоспитаной массы—я не вижу резона; быть во главѣ ея мнѣ болѣе улыбается и знакомо по европейской цивилизаціи. Я вообще за руководительство народа интеллигенціей со всѣми переходными фазами, а народъ мы даже мало знаемъ въ

политическомъ значеніи. Въ до-реформенное время литература о народѣ была подъ такой строгой цензурой, что трудно было о немъ писать правдиво. Григоровичъ и Тургеневъ были аболиціонистами и, разумѣется, должны были писать о народѣ въ сочувственномъ духѣ. И Антонъ Горемыка, и Хорь съ Калинычемъ и т. д., всѣ идеализированныя лица. Затѣмъ какой источникъ о народѣ мы имѣемъ? Бунтъ Стеньки Разина, Пугачевщина, челядь г-жи Салтычихи, Селифанъ Чичикова, Осипъ Хлестакова, Пила и Сысойка Рѣшетникова, поговорки, русская брань, снохачество, фанатизмъ раскольниковъ и все тутъ!.. Что же это краски хорошія? Если ихъ недостаточно для характеристики позднѣйшаго времени и эпохи Александра II, то другихъ источниковъ нѣтъ, кромѣ спорныхъ и кабинетныхъ сужденій Ник—онъ, В. В. съ одной стороны и съ другой г.г. Струве и Тугана. Такимъ образомъ отрицательныя стороны народа мы нѣсколько знаемъ, а хорошія-то гдѣ же? Политическая его правоспобность въ чемъ сказалось? Если онѣ и есть, то мы ихъ не знаемъ...

Глубокимъ пессимизмомъ всегда дышала рѣчь Шеллера о русскомъ народѣ, но тѣмъ болѣе онъ стоялъ за ускореніе пробужденія въ немъ правоспособности въ общеніи всесторонне съ источниками знанія и выборнаго начала. Что касается «консервативнаго» толка писателей въ разныхъ журналахъ, лягающихъ шестидесятые года за недостатокъ философскихъ идеаловъ, то одного изъ «лягающихъ» господъ я остановилъ крикомъ: «Да позвольте, когда было освобожденіе крестьянъ?» — Въ шестидесятыхъ годахъ.—«А гласный судъ?»—Въ шестидесятыхъ годахъ.—«А законъ о печати?»—Въ шестидесятыхъ годахъ.—«А мировыя городскія и земскія учрежденія»?—Въ шестидесятыхъ годахъ.—«А отмѣна тѣлеснаго наказанія, а женское образованіе?»—Все въ шестидесятыхъ годахъ...—«Такъ какъ же вы говорите, что они страдаютъ недостаткомъ идеаловъ? А что касается философіи, то для философскихъ умовъ Герцена, Лаврова, Чернышевскаго, Кавелина, Вырубова недостаточно было отвлеченныхъ системъ, и они примкнули къ живымъ задачамъ жизни. Развѣ эти задачи меньше требовали идеализма и философіи, чѣмъ ваши консервативныя статьи въ реакціонное время?»

Въ этихъ спорахъ А. К—ча о шестидесятыхъ годахъ видно его реальное отношеніе къ вопросамъ русской жизни, которымъ онъ служилъ въ литературѣ около сорока лѣтъ, стараясь строго различать «мечты и дѣйствительность» въ исторической жизни народовъ.

XIII.

Предубѣжденная критика: П. Никитинъ, А. Скабичевскій, А. Суворинъ, А. В. и др. — Признаніе заслугъ Шеллера въ обществѣ и литературѣ. — Письма литераторовъ къ Шеллеру.

Трудно было, однако, добиться Шеллеру признанія своихъ общественныхъ заслугъ въ литературѣ. Его упрекали въ дѣланности героевъ («Тенденціозный романистъ» П. Никитинъ, въ журналѣ «Дѣло»), а самую тенденцію автора одно время г. Скабичевскій называлъ «Сентиментальнымъ прекраснодушіемъ въ мундирѣ реализма» («Отечественныя Записки» 1873 года). Въ доказательство такого мнѣнія о Шеллерѣ легко было выбрать изъ его многочисленныхъ романовъ и повѣстей слабыя мѣста и вынести приговоръ о дѣланности всѣхъ героевъ Шеллера. Такихъ слабыхъ мѣстъ у него, дѣйствительно, найдется довольно. Вотъ почему и мы говорили, что спусти Шеллеръ водицу изъ своихъ романовъ, выкинь нѣкоторыя несомнѣнно дѣланныя сцены, романы его значительно выиграли бы. Но эти слишкомъ бросающіеся изъяны почти не мѣшаютъ чтенію и не портятъ реальнаго воспроизведенія жизни, какъ множество, напримѣръ, дѣланныхъ и прямо фантастичныхъ мѣстъ во всѣхъ произведеніяхъ В. Гюго не мѣшаетъ художественному значенію всѣхъ его «Жанъ-Вольжановъ»; какъ такія же мѣста въ «Петербургскихъ трущобахъ» не роняютъ ихъ жизненнаго и глубоко-драматическаго сюжета. Я наудачу беру изъ Шеллера дѣланныхъ лицъ и дѣланные ихъ разговоры. Маленькая сестра споритъ съ еще меньшимъ братомъ:

— Ты дитя, Поль,—говорила мнѣ она.

— А развѣ ты большая?

— Я большая, я все знаю.

— Ничего ты не знаещь; ты и училась хуже меня у мадамъ Бурдонъ, только на фортепьяно бренчать умѣешь,— сердито упрекалъ я сестру.

— Я ее ненавижу, и никогда не стану хорошо учиться у нея, и ты не сталъ бы учиться, если бы ты былъ большой. На что мнѣ ея французскія басни? что я стану дѣлать съ ея діалогами? Они и никому не нужны, это всѣ большіе знаютъ, умные знаютъ...

— А вотъ я пожалуюсь ей, она и накажетъ тебя, большую-то! Тебѣ и будетъ стыдно, угрожалъ я.

— Ты злой, ты злой! Ты на папу похожъ, ты хотѣлъ бы, чтобы всѣ отъ тебя плакали, вотъ ты какой?

— Такъ ты и папу бранишь? Постой же!

— Да, да, браню! Если бы папа не былъ злой, наша добрая мама не умерла бы, не бросила бы насъ, какъ собаченокъ, было бы кому насъ приласкать. Ты тоже злой, ты тоже не любилъ маму, тебѣ ее не жаль, ты радъ, что безъ нея бѣгать можно!

Слишкомъ все это умно для дѣтей и, несомнѣнно, что авторъ самъ имъ подсказывалъ ихъ рѣчи.

Тотъ же мальчуганъ, насмотрѣвшись однажды на мужицкія слезы, заводитъ слѣдующій разговоръ:

— Дядя, за что папаша требуетъ съ нихъ денегъ?—спросилъ я дядю дорогою.

Мнѣ было очень жаль мужиковъ.

— Это оброкъ; они не заплатили его сполна.

— Развѣ нищіе платятъ деньги?

— Это не нищіе, это твои крестьяне.

— Какъ мои?—воскликнулъ я.

— Да, то-есть будутъ твоими, когда ты будешь совершеннолѣтнимъ. Это мужики изъ имѣнія твоей матери, ты ея наслѣдникъ; я думаю, ты это слышалъ отъ отца.

— Такъ я не хочу брать съ нихъ денегъ, мнѣ ихъ не нужно,—заговорилъ я.—Мамаша сама давала нищимъ. Я этого не хочу, у нихъ ноги босыя...

Я волновался и готовъ былъ зарыдать; мнѣ вдругъ спомнилась матушка, въ ушахъ звучали ея сѣтованія о бѣдныхъ людяхъ, припомнилось ея кроткое обращеніе со всѣмъ, что бѣдно и забито: неодолимая тоска сжала мое сердце.

Дядя, между тѣмъ, теръ свой лобъ.

— Ты не говори объ этомъ отцу, вкрадчиво-ласковымъ голосомъ замѣтилъ онъ.

— Развѣ ты его боишься? У него глаза страшные,— вопросительно сказалъ я.

— Не боюсь, но ты не говори...

— Нѣтъ, ты его боишься,—утвердительно промолвилъ я, поддаваясь какому-то злобному чувству.

— Фу! что за глупости ты говоришь!

— Да, да ты боишься его, а еще большой такой, длинный, а трусишь!

Мнѣ кровь хлынула въ голову, голосъ дрожалъ отъ злости, хотя

я не могъ дать себѣ отчета, за что именно я злюсь. Мнѣ только черезъ мѣсяцъ должно было исполниться девять лѣтъ.

Мы подходили къ дому.

— Ты съ ума сошелъ?

— Трусъ, трусишка, длинный!—дразнилъ я дядю.

— Это что за исторія? — раздался строгій голосъ надъ моимъ ухомъ, я и дядя обернулись: за нами стоялъ отецъ.

— Ничего, глупости,— поспѣшилъ промолвить дядя.

Я увидалъ оловянные глаза и уже дрожалъ всѣмъ тѣломъ, вся храбрость прошла.

— Павелъ, я тебя спрашиваю?

— Я не хочу оброка, не хочу оброка! Мамаша сама подавала нищимъ,—зарыдалъ я.

— Какого оброка? Откуда?

— Я наслѣдникъ...

Кончилась эта сцена тѣмъ, что «дядя» дѣйствительно струсилъ, а ребенокъ, на крики отца о розгахъ, самъ закричалъ:

— Сѣки! — я всталъ со стула и взялся за первую пуговицу курточки, готовясь ее растегнуть.

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня, ожидая, что будетъ. Отецъ холодно взглянулъ на дядю и на тетку и тихо сказалъ мнѣ:

— Пей чай, а тамъ посмотримъ, что дѣлать.

— Каковъ характеръ?—прошипѣла тетка.—И это еще девятилѣтній ребенокъ!

— Хорошо, если бы большіе болваны постарались походить на него,—отчетливо выговорилъ отецъ.

Здѣсь и старый, и малый ведутъ себя по заказу и, неудивительно, что страницы о нихъ выходили дѣланными. Но развѣ у Шеллера большинство произведеній написано такъ искусственно? Такихъ мѣстъ у него найдется во многихъ романахъ, но они занимаютъ въ нихъ незначительное число страницъ, чисто вводныхъ, которыя мысленно выбрасываешь, безъ нарушенія цѣлостности впечатлѣнія. Напримѣръ, въ «Гнилыхъ болотахъ» учитель Носовичъ читаетъ дѣтямъ лекцію о «благородномъ эгоизмѣ» по роману «Что дѣлать?» и вся его лекція несомнѣнно присочинена авторомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ учитель по призванію живое лицо и каждый изъ насъ помнитъ по гимназіи такихъ идеалистовъ изъ педагогическаго міра. А нѣкоторыя его рѣчи дѣланныя и читать ихъ скучно въ повѣсти, какъ бы онѣ не были умны, о томъ, что «эгоизмъ есть главный двигатель всего совершающагося на землѣ; безъ него

человѣкъ дѣлается ниже животнаго, ибо теряетъ послѣднее оправданіе своихъ поступковъ». Быть эгоистомъ—значитъ любить себя, а кто же не любитъ себя, особенно, если онъ голоденъ или обремененъ непосильной работой? Нужно только, чтобы эгоисты имѣли «истинныя потребности» и тогда удовлетвореніе ихъ принесетъ счастье всѣмъ людямъ. Ну, а добраться до «истинныхъ потребностей» можно только умственнымъ развитіемъ и пониманіемъ того, что истинныя потребности выгоднѣе, чѣмъ безчестныя и злыя.

Въ этомъ направленіи у Шеллера написано немало героевъ и героинь; но ихъ дѣланность не исключаетъ въ другихъ случаяхъ и самыхъ важныхъ въ ихъ жизни—глубокой жизненной правды. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ упрекали Шеллера огуломъ въ томъ, что его наблюденія взяты точно изъ «вторыхъ рукъ»; что его герои сочинены болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ художника; что ихъ авторъ застылъ въ одномъ положеніи, вопрошая всѣхъ своихъ героевъ объ одномъ и томъ же: въ какой мѣрѣ у нихъ согласованы поступки со словами? Иной пропаганды за Шеллеромъ не числилось его зоилами и все его образованіе и пониманіе людей исчерпывалось азбучными истинами. А. С. Суворинъ, послѣ появленія Чеховской драмы: «Ивановъ» и провозглашенія на страницахъ «Новаго Времени» Чехова единственнымъ вѣрнымъ выразителемъ русской жизни за послѣднее время, писалъ о Шеллерѣ слѣдующее:

«Поставилъ фамилію, а подъ ней громкія фразы и «лицо» готово. Въ романахъ г. Михайлова такихъ людей не початый уголъ и все съ героической стороны. Для нихъ человѣкъ очень простая машина и анализировать его нечего—«подлецы» и «кулаки» и этимъ все сказано. Середины нѣтъ. Богатый мужикъ—непремѣнно кулакъ; человѣкъ не прямолинейный—непремѣнно подлецъ. Ко всѣмъ они подходятъ съ этою мѣрою, даже къ героямъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ ищутъ или подлеца, или святого. Обыкновенные грѣшные люди ихъ не удовлетворяютъ и о своей честности они громко кричатъ. Понятно, что угрызенія совѣсти они не знаютъ, ибо они «честные труженики» и казнятъ «темную силу», «торжествующее зло».

Еще болѣе жесткій отзывъ о Шеллерѣ сдѣланъ въ минувшемъ году критикомъ «Міра Божьяго», А. Б., по мнѣнію котораго, выведенныя Шеллеромъ лица представляются не живыми, а кустарными иллюстраціями богомаза къ его излюбленнымъ теоріямъ.

Всѣ эти отзывы о Шеллерѣ пристрастны. Многимъ изъ его критиковъ время доказало ихъ ошибочное сужденіе о Шеллерѣ. Тотъ же А. М. Скабичевскій писалъ въ «Русской Мысли» за 1889 годъ № 1 и 2 слѣдующее:

«Многіе Шуповы, Прохоровы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ вліяніемъ чтенія романовъ А. К. Шеллера и, конечно, до сихъ поръ на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и другѣ».

Тоже самое писалъ о Шеллерѣ и проф. О. Ѳ. Миллеръ.

Въ газетѣ «Русь» 11 октября 1898 г. Меньшиковъ говоритъ:

«Какъ я ни люблю нашихъ великихъ романистовъ, но мнѣ всегда бывало обидно за Михайлова, обидно то, что его недостаточно цѣнятъ. Пусть въ его сборникахъ нѣтъ такихъ женщинъ, плѣнительныхъ, благоуханныхъ, какъ у Тургенева, нѣтъ той щемящей сердце психологіи, какъ у Достоевскаго, нѣтъ глубокаго реализма, какъ у Толстого. Можетъ быть, Михайловъ не владѣетъ тайной художественнаго внушенія, какою владѣютъ даже молодые наши корифеи. Но у Михайлова есть великій даръ внушенія нравственнаго, способность волновать сердце не красотою, а совѣстью своего таланта. Секретъ этого таланта въ томъ, что у него есть что сказать, и за что существенное читатель охотно прощаетъ ему нѣкоторую блѣдность стиля и разные конструктивные недочеты. Вся сила Михайлова—въ благородномъ отношеніи къ жизни, которымъ онъ особенно заражаетъ молодежь. Вспоминая свою юность, я всѣмъ друзьямъ рекомендую Михайлова, какъ писателя-идеалиста, какъ лучшаго друга для вступающаго въ міръ молодого поколѣнія. Особенно дорогъ онъ для тѣхъ среднихъ слоевъ, которые томятся среди гнилыхъ болотъ жизни или бредутъ въ разбродъ засоренными дорогами, добиваясь дѣятельности достойной и свѣтлой «жизни Шупова».

Подобное вліяніе Шеллера на читателей обусловлено, конечно художественностью и осмысленностью его беллетристическихъ произведеній. Чтобы наше мнѣніе о немъ не было голословнымъ, мы сошлемся какъ на публику, которая, по библіотечной статистикѣ, требуетъ Шеллера наряду съ лучшими литературными именами, такъ и на цѣлый рядъ имѣющихся у меня въ распоряженіи письменныхъ доказательствъ того, что избранныя произведенія Шеллера останутся надолго художественными памятниками русской

жизни и будутъ читаться въ русскихъ семьяхъ смѣло еще 40—50 лѣтъ. Я говорю о письменныхъ доказательствахъ, которыя Шеллеръ получалъ въ разные юбилейные дни своей литературной дѣятельности и, которыя по своему сердечному и интимному тону, не оставляютъ сомнѣнія въ искренности авторовъ. Эти письменныя доказательства литературнаго значенія А. К. Шеллера исходятъ очень часто отъ крупныхъ литературныхъ именъ и мы охотно сохранимъ ихъ для литературы.

Москва, Кисловка, **17-го окт. 88.**
д. и номера Базилевскаго.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ крайне досадно и обидно, что мой скромный голосъ не присоединился къ согласному хору русскихъ писателей, чествовавшихъ свѣтлый праздникъ Вашей долгой и плодотворной дѣятельности. Я былъ въ Константинополѣ и только сегодня вернулся въ Москву, гдѣ въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» мнѣ передали о Вашемъ юбилеѣ. Еще разъ— мнѣ больно, душевно больно, что я отсутствовалъ тамъ, гдѣ мнѣ кажется, я по праву могъ бы разсказать съ какою сердечною теплотой, съ какимъ искреннимъ участіемъ Вы всегда относились ко всему молодому и начинающему. Я хорошо помню — какимъ добрымъ словомъ Вы одобрили меня, когда растерянный и смятенный я вернулся въ Петербургъ. Я никогда не забуду, какъ бы ни складывались впослѣдствіи наши литературныя отношенія, что многимъ и многимъ въ своей энергіи труда въ ту тяжелую пору,—я былъ обязанъ Вамъ. И я ли одинъ! На моихъ глазахъ проходили тогда цѣлыя вереницы—начинавшихъ товарищей—къ которымъ Вы ни разу не отнеслись съ холоднымъ высокомѣріемъ сдѣлавшаго себѣ большое имя писателя. Напротивъ Вы были истиннымъ другомъ каждому—и многіе изъ насъ, можетъ быть, не разъ жалѣли, что не прислушивались внимательно къ Вашимъ добрымъ совѣтамъ. Вы именно были всегда благожелательны къ нашимъ самымъ слабымъ росткамъ таланта. У Васъ для нихъ находилось и время и охота. Многихъ и многихъ ужъ чествовали у насъ, какъ высокоталантливыхъ писателей, какъ свѣточей русской мысли и русской поэзіи—но едва ли не Васъ одного можно сверхъ сего привѣтствовать, какъ истиннаго друга, добраго товарища, какъ сердце и душу, всегда открытыя тѣмъ, кому было трудно и жутко. Съ нами пробивавшимися тяжело и болѣзненно впередъ, Вы связали себя прочною душевною связью. Сдѣланное тогда—не забывается впослѣд-

ствіи. Я повторяю: какъ бы судьба ни разводила насъ въ разныя стороны—Вашъ свѣтлый, литературный и человѣческій обликъ будетъ мнѣ всегда дорогъ—потому вы поймете, какъ тяжело мнѣ теперь, что на Вашемъ праздникѣ отсутствовалъ я, не разъ и многимъ Вамъ обязанный. Еще разъ привѣтствую Васъ не только какъ высокоталантливаго писателя, какіе были и будутъ, но какъ высокую душу, честное и горячо бьющееся сердце, какъ дорогого друга всѣмъ тѣмъ, кому трудно и жутко... Въ этомъ отношеніи—Вы въ очень маломъ обществѣ и едва ли даже не одиноки, и съ тѣмъ болѣе глубокимъ и благодарнымъ чувствомъ я заочно жму Вашу руку и отъ всего сердца желаю Вамъ еще долгаго, плодотворнаго труда и достойнаго Васъ успѣха, некрушимыхъ силъ и душевной ясности.

Весь Вамъ искренно преданный

Вас. Немировичъ-Данченко.

9-го окт. 88.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Нездоровье помѣшаетъ мнѣ, къ сожалѣнію, принять личное участіе въ Вашемъ юбилеѣ. Но мнѣ никакъ не хочется пропустить этого дня безъ нѣсколькихъ словъ къ Вамъ. Мнѣ случилось нѣкогда быть свидѣтелемъ Вашихъ первыхъ начинаній, и теперь, черезъ многіе годы, видѣть, что Вы всегда, какъ при первомъ вступленіи на литературное поприще — среди всѣхъ пережитыхъ тревогъ — остались вѣрны поставленной себѣ задачѣ — служить общественному сознанію картинами нашей жизни, за которыми стояло всегда хорошее общественное и задушевное нравственное чувство.

Примите мои искреннія пожеланія—еще долгой плодотворной дѣятельности и добраго здоровья.

Вамъ всегда душевно преданный

А. Пыпинъ.

В. О., Ср. пр., 29.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Наконецъ-то и Вамъ пришлось переживать тотъ день, отъ котораго, къ счастію, вѣетъ не одною старостью, но и молодостью воспоминаній и сознаніемъ, что не все посѣянное нами поросло лебедой или побито градомъ, что и нашъ посѣвъ могъ когда-нибудь и какъ-нибудь пригодиться алчущимъ или хоть на время дать имъ нравственное удовлетвореніе.

Въ этотъ юбилейный день не поздравлять Васъ надо, а благодарить за то, что слишкомъ четверть вѣка Вы терпѣливо и не безплодно ратовали на пользу намъ родной литературы, за то, что, воодушевленные самыми лучшими намѣреніями, Вы дорожили не столько судомъ нашихъ литературныхъ корифеевъ, сколько сочувствіемъ своихъ многочисленныхъ читателей. Къ числу благодарныхъ голосовъ присоедините мой слабѣющій голосъ, и не взыщите, если мнѣ лично не удастся присутствовать на Вашемъ праздникѣ— не всегда могу я:

Съ изнеможеніемъ въ кости
За новымъ племенемъ брести...

Пятьдесятъ лѣтъ не только литературной, но и какой хотите жизни—это такая тяжесть, отъ которой не только тѣло, но и душа болитъ. Поймите это, и какъ сердцевѣдецъ, великодушно извините

Васъ глубокоуважающаго и неизмѣнно преданнаго

Я. Полонскій.

1888 октябрь С.-П.-Б.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всея Русіи сумодержцу и многихъ государствъ государю и благодѣтелю.

Бьетъ челомъ и плачетца и являетъ нищей твой государевъ сирота и богомолецъ, недостойный протопопишко Аввакумка.

Явка мнѣ, государь, на злодѣя твоего государства, на книжнаго воровского атамана на Олексашку на Шеллерова, по разбойному его прозвищу — на Михайлова. Въ лѣто отъ рождества Господа и Спаса нашего Іисуса Христа тысяща осемъ сотъ шестьдесятъ въ третье, божіимъ попущеніемъ и діавольскимъ навожденіемъ, забывъ страхъ божій и крестное цѣлованье, учалъ онъ, злодѣй твой государевъ, книжный воровской атаманишко Олексашка, непотребный сынъ Шеллеровъ, гнюсныя и любострастны книжницы, романами именуемыя, денно — нощно слагать и тисненію предавать на соблазнъ и погибель благочестивыхъ мужей и женъ, отроковъ, паче же отроковицъ и убѣленныхъ сѣдинами старцевъ и даже до ссущихъ младенцевъ. И оные, государь, мужи и жены, отроки же и отроковицы и ветхіе денми старцы, забывъ Бога и Пречистую его матерь, аки оглашенные, извѣся языки и распустивъ слюди сладострастія, тѣ непотребныя книжицы чтутъ

въ-засосіе. И стало, государь, отъ того веліе на Руси умовъ шатаніе, женъ и отроковицъ даже доссущихъ младенцевъ паденіе, божественныхъ же книгъ конечное забвеніе. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, — вели, государь сію мою явку и челобитье оному злодѣю твоему государеву, книжному воровскому атаману Олексашкѣ, непотребному сыну Шеллерову, всенародно вычесть, и, бивъ ботоги нещадно, ноздри онымъ злодѣю вырвать, а книги ево на Конной площади сжечь всѣ безъ остатку, самово же злодѣя, Олексашку, заточить въ Пустозерскъ на вѣчныя времена безъ мотчанія. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Къ поданію подлежитъ въ твой государевъ приказъ, цензурою именуемый, чрезъ подателя сего, черкасково воровсково казака Данилку Мордовцева.

Сердечно поздравляю и желаю еще 30 лѣтъ злить протопопа

Аввакума.

10 октября 1888 года.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ, человѣку, начавшему работать во время лучшихъ литературныхъ традицій, особенно дорого, уже помимо художественныхъ достоинствъ Вашихъ произведеній, то честное и задушевное направленіе, которое съумѣли Вы сохранить такъ свято, несмотря на всѣ невзгоды. Это такая рѣдкость въ эти четверть вѣка метаморфозъ людей и мнѣній, такая великая Ваша заслуга, которой никогда не должна забыть исторія нашей литературы; въ этомъ Вы поучительный примѣръ не только для начинающихъ дѣятелей мысли и слова, но и для насъ стариковъ. Какъ педагогу, мнѣ особенно дорого то великое воспитательное значеніе, которое Вы всегда имѣли для молодежи, и дай то Богъ, чтобы Вы, сохранившій незыблемо всю жизнь лучшія сокровища:—вѣру въ добро, любовь къ родинѣ и честь писателя, еще долго, долго такъ же неутомимо и задушевно продолжали работать на пользу нашего общества, сѣя въ немъ благотворныя сѣмена добра и правды:—этого отъ всей души желаетъ Вамъ, вмѣстѣ съ множествомъ Вашихъ почитателей,

Всегда глубоко Вамъ преданный старый педагогъ и литераторъ

Викторъ Острогорскій.

Дерптъ. 9 октября 88 г.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Завтра исполнится двадцатипятилѣтіе Вашего служенія русскому обществу и русской литературѣ, — служенія неустаннаго и плодотворнаго въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, — позвольте же и мнѣ присоединиться къ хору голосовъ Вашихъ почитателей и людей обязанныхъ многимъ Вашимъ произведеніямъ и тѣмъ хорошимъ свѣтлымъ мыслямъ, которыя Вы постоянно проводили и распространяли въ нихъ. Совѣсть безпристрастнаго наблюдателя, уважаемый Александръ Константиновичъ, заставляетъ каждаго признать въ Васъ пѣвца и выразителя печалей и радостей среднихъ классовъ нашей родины,—тѣхъ классовъ, откуда такъ много выходитъ всѣхъ «оскорбленныхъ и униженныхъ», которымъ такъ тяжело живется на бѣломъ свѣтѣ и типичнымъ представителямъ которыхъ Вы всегда такъ тепло и радушно давали пріютъ и мѣсто на страницахъ Вашихъ, ярко рисующихъ бытъ общества, романовъ. Тѣсно связанный съ тѣми слоями нашего общества, бытописаніемъ и анализомъ которыхъ Вы занимались 25 лѣтъ съ такою любовію и участіемъ, я могу лично засвидѣтельствовать правду и теплоту тѣхъ отношеній, какія установились между Вами, какъ авторомъ и Вашими читателями. Тамъ, въ далекой глухой провинціи, куда такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ проходятъ лучи свѣта, гдѣ всякое слово добра и правды звучитъ для многихъ и многихъ слушателей единственнымъ призывомъ къ иной, новой и разумной жизни, гдѣ горячее и искреннее слово писателя находитъ сочувствіе, откликъ и падаетъ, по большей части, не на каменистую почву,—тамъ Вашъ голосъ не пропадалъ безслѣдно, тамъ Ваши «Гнилыя болота», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», «Чужіе грѣхи» и др. произведенія дѣлали неуклонно свое глубокое важное дѣло, воспитывая подрастающія поколѣнія, заставляя задумываться старшее и всюду внося свѣтъ, разумъ и тепло.

Простой средній читатель—человѣкъ Васъ искренно полюбилъ и старался, на сколько хватило его силъ и умѣнія передать эту любовь и своимъ дѣтямъ. Правду моихъ словъ лучше всего рисуетъ и подтверждаетъ отчетъ общественныхъ городскихъ библіотекъ, ясно указывающій кого изъ русскихъ писателей болѣе всего спрашиваетъ для чтенія публика. Заканчивая свое неумѣлое привѣтствіе Вамъ съ наступившимъ днемъ Вашего 25-лѣтняго юбилея

и искренно желая, чтобы Вы, многоуважаемый Александръ Константиновичъ, еще долго—долго работали для русскаго общества, я не могу не замѣтить, что радъ возможности высказать Вамъ все, что давно накопилось, тѣмъ болѣе, что Вы имѣете для меня значеніе не только какъ писатель для читателя, но и какъ умѣлый опытный мастеръ слова, не отказавшій мнѣ въ помощи и давшій мнѣ возможность вступить, хотя въ качествѣ самаго младшаго члена, въ русскую литературную семью. Примите же, уважаемый Александръ Константиновичъ, мой поклонъ и горячій привѣтъ въ въ день Вашего юбилея.

Мих. Лисицынъ.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Я, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ остальные, празднующіе вашъ юбилей, горячо и искренно люблю васъ и желаю вамъ еще долго и долго работать для Россіи. Говорю «можетъ быть болѣе всѣхъ», потому что никогда не забывалъ и не забуду того тяжелаго, ужаснаго времени, когда вы одни явились мнѣ поддержкой и путеводной звѣздой въ далекой глуши.

Я сохранилъ къ вамъ теплыя чувства, и не только какъ къ человѣку лично мнѣ безконечно дорогому, но и какъ къ писателю, произведенія котораго освѣтили мою юность своими чистыми, человѣческими, глубоко-воспитательными лучами.

Глубоко преданный

Л. Оболенскій.

9-го октября 1888 года.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Съ ранней юности я зачитывался Вашими произведеніями, гдѣ столько сердечной теплоты, ума, добрыхъ и честныхъ идей. Познакомившись съ Вами лично, я больше и больше полюбилъ Васъ! Теперь читая Ваши произведенія—я вижу, что въ нихъ одинъ герой честный неутомимый, разумный, котораго я люблю и уважаю; котораго любятъ и уважаютъ всѣ читатели,—и этотъ герой самъ авторъ, этотъ герой—Вы! Желая по мѣрѣ силъ почтить именины Вашей литера-

турной дѣятельности, я посвящаю Вамъ стихотвореніе. Можетъ быть оно слабо, не полно выразило мою мысль, но все же я буду счастливъ, если привлеку Ваше вниманіе, хоть на минуту, своимъ письмомъ и стихами.

Сердечно преданный Вамъ

Константинъ Фофановъ.

10-го октября 1883 года Спб.

Александръ Константиновичъ! 25 лѣтъ литературнаго творчества и почти столько же редакторской убійственной, отнимающей силы и время работы—это рѣдкое явленіе въ русской жизни и литературѣ! Вы работали на пользу общую, Вы не сѣяли сѣмянъ племенной ненависти, Вы—между прочимъ—заставили меня (сами того, можетъ быть, не зная) полюбить и высоко цѣнить русскую рѣчь и русскую литературу. За первое благодаритъ Васъ вся Россія, за второе искренній и преданный Вашъ другъ

Генрихблинскій.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Только сегодня узнала, я изъ газетъ, что вчера исполнилось тридцать лѣтъ Вашей литературной дѣятельности. Я никого не знаю изъ литературнаго міра, мнѣ не отъ кого было узнать раньше. Не всѣмъ позволяется оригинальничать, мнѣ меньше многихъ, но простите, не могла удержаться и пишу Вамъ. Если бы я видѣла Васъ лично, едва ли бы я осмѣлилась сказать Вамъ то, что думаю: я только мысленно произношу длинныя рѣчи, да перо мое не въ мѣру смѣло и словоохотливо. Много трудовъ, много тяжелыхъ минутъ видѣла Ваша дѣятельность за тридцать лѣтъ. Но если кажется Вамъ порой, Александръ Константиновичъ, что жизнь дала Вамъ только тяжелыя минуты, вѣрьте, что онѣ пережиты не даромъ, что пойдутъ онѣ на пользу цѣлыхъ поколѣній. Вы много сдѣлали, много сдѣлаете въ будущемъ. Вы человѣкъ души, человѣкъ, забывающій себя для ближняго, Вамъ чуждъ эгоизмъ, и Васъ мысль эта можетъ утѣшить.—Годъ тому назадъ я Васъ увидѣла, увидѣла та-

кимъ, какимъ воображала автора Вашихъ произведеній, «узнала» Васъ. Даже хорошія, добрыя мысли и слова такъ часто расходятся съ дѣломъ, что, увидѣвъ Васъ, я написала восторженное письмо своему лучшему другу—Татьянѣ Л., въ которомъ писала ей о Васъ. Ея отвѣтъ теперь у меня передъ глазами, это не критика, это мнѣніе, а мнѣніе вѣдь можетъ, долженъ имѣть каждый. Не говорите: «Какое мнѣ дѣло до Вашихъ дѣтскихъ сужденій»? не сочтите за обиду то, что я осмѣлюсь привести отрывокъ изъ письма; я это дѣлаю, потому что мнѣ хочется убѣдить Васъ, какъ глубоко запали Ваши мысли въ сердце молодежи, какъ цѣнитъ Васъ она, хочется чтобы Вы повѣрили, что она только молчала, но слушала, все время слушала Васъ и, дастъ Богъ, возьмется за дѣло. Добро не можетъ погибнуть; но вотъ и отрывокъ:

«Онъ (простите, это Вы Александръ Константиновичъ) заставляетъ думать, поднимаетъ или старается поднять вопросы, давно потонувшіе—это хорошо и полезно для молодежи, а особенно для нынѣшней, которая, къ сожалѣнію, мало его читаетъ. А было время (мы съ тобой захватили только кончикъ его) когда Михайловъ читался на расхватъ, о немъ говорили, спорили, чуть не дрались. Теперь иные времена и нравы, а жаль за него, и за насъ и большое ему спасибо за то, что онъ написалъ! Его время прошло, но оно можетъ и еще разъ вернуться, и это будетъ хорошее время»! Вернется, скоро вернется! Уже начинаетъ возвращаться, да и не прошло еще, нѣтъ, хотѣло уйти и вернулось съ полдороги. Спасибо вамъ Александръ Константиновичъ, спасибо и отъ тѣхъ, кто мыслитъ, и отъ тѣхъ, за которыхъ мыслили и ратовали Вы!

Съ глубокой признательностью, глубокимъ уваженіемъ

К. Гумбертъ.

11-го октября 1893 года.

10-го Октября 1888 г.

Милостивый Государь Александръ Константиновичъ! Какъ и многіе другіе, я съ самой юности зачитывался Вашими произведеніями и съ тѣхъ поръ съ Вашимъ именемъ у меня неразрывно

связано представленіе о честныхъ, хорошихъ убѣжденіяхъ, о трудномъ, трудовомъ, но всегда прямомъ жизненномъ пути. Поздравить такого юбиляра, какъ Вы—есть долгъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи

Алексѣй Альмедингенъ.

Я вижу въ Вашемъ юбилеѣ
Живой идеи торжество:
Ея друзья сошлись тѣснѣе,
Чтобы братски чествовать того,
Въ комъ бьется сердце человѣка,
Не очерствѣлое враждой,
Кто молодежи четверть вѣка
Былъ путеводною звѣздой,
Кого не старѣютъ невзгоды,
Чьи мысли чисты, какъ кристалъ,
Кто знамя правды и свободы
Ни передъ кѣмъ не преклонялъ
И кто въ заоблачныхъ высотахъ
Безсмертный славы не искалъ,
Но на землѣ, въ «Гнилыхъ Болотахъ»,
Посѣялъ лавры и пожалъ.
Привѣтъ горячій юбиляру!
Пусть грянетъ тостъ во всѣ края.
Пусть за него подымутъ чару
Всѣ правды истинной друзья.

Ольга Лепко.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! 10-го октября исполнилось 30 лѣтъ служенія Вашего русской литературѣ. Будучи воспитаны на великихъ традиціяхъ лучшихъ годовъ, Вы въ теченіе своей литературной дѣятельности оставались вѣрными этимъ традиціямъ и въ своихъ произведеніяхъ проводили дорогія Вамъ и мыслящей части общества идеи. Вы знакомили въ удобопонятной для всякаго читателя формѣ наше общество съ обездоленной «голью», съ угнетенными классами народа, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго; Вы пробуждали искреннее участіе къ тѣмъ, «кто сиръ, и нагъ, и бѣденъ, кто подъ ярмомъ нужды поникъ,

чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ»; своими произведеніями Вы способны вызвать на серьезную умственную работу, натал-кнуть на «проклятые вопросы», дать здоровую пищу уму, жаждущему свѣта. Ваше имя будетъ стоять въ ряду почетныхъ именъ доблестныхъ служителей «бѣдной русской мысли». Вы глубоко вѣрили и вѣрите въ молодежь и были, какъ писатель, ея преданнымъ воспитателемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, и вѣрнымъ ея другомъ. И мы шлемъ Вамъ, глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ, задушевный привѣтъ и горячо желаемъ Вамъ увидѣть еще ту «зарю новыхъ дней», «зарю святаго обновленія», во имя которой Вы въ теченіе 30 лѣтъ подвизались на поприщѣ родной литературы.

Студенты Харьковскаго Ветеринарнаго Института.

Телеграма № 14624.

10-го Октября.

Привѣтствую писателя идеалиста, до сѣдины оставшагося вѣрнымъ завѣтамъ свѣтлой и чистой юности. Да здравствуетъ авторъ «Жизни Шупова, его родныхъ и знакомыхъ».

Е. Карповъ.

20-го Октября 1898 г.

Глубокоуважаемый и Многочтимый

Александръ Константиновичъ.

Простите, что пишу Вамъ заднимъ числомъ, что происходитъ, ни отъ невниманія, ни отъ забывчивости. Я, какъ искренняя Ваша почитательница, помнила день тридцатипятилѣтней годовщины Вашей литературной дѣятельности, и сердечно хотѣла вызсказать Вамъ самую искреннюю благодарность за все то доброе, что Вы посѣяли за эти тридцатьпять лѣтъ въ сердцахъ читающей Васъ публики, въ сердцахъ отзывчивой на все, и горячо любившей и чтившей Васъ, молодежи! Если я не написала Вамъ во

время, то отчасти, изъ за женской нерѣшительности, отчасти, изъ боязни написать слишкомъ много, а злоупотребить Вашимъ временемъ, въ такой торжественный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хлопотливый для Васъ день, считала—неприличнымъ; ограничиться же бональной телеграммой, я не хотѣла; не могла. Я слишкомъ многимъ обязана Вамъ! Вы воспитали меня Вашими произведеніями и сдѣлали изъ меня отзывчиваго человѣка. За это шлю Вамъ, многочтимый Александръ Константиновичъ, мое большое русское спасибо! И это «спасибо» вмѣстѣ со мною, скажетъ Вамъ много сотенъ голосовъ изъ молодежи моего времени. Мы воспитали себя на Вашихъ сочиненіяхъ; мы зачитывались ими! Вы были нашъ любимый наставникъ; нашъ любимый руководитель! На всѣ волновавшіе насъ вопросы, мы находили разрѣшенія въ Вашихъ сочиненіяхъ. Если Вы показывали намъ отрицательныя стороны жизни, то рядомъ указывали и на положительныя; если Вы говорили «такъ поступать нельзя», то тутъ же показывали, какъ поступать надо; Вы никогда не оставляли насъ въ потемкахъ! Вы пробуждали въ насъ душу, будили умъ, заставляли вникать въ самихъ себя, въ окружающую жизнь, сочувствовать горю ближняго и быть отзывчивымъ; а Вашей правдивостью, честными взглядами, нравственной чистотой и искренностью—Вы всецѣло завоевывали и покоряли юныя сердца наши. — Вотъ впечатлѣнія моей юности... И Вы, еще можете говорить что, подводя итогъ всему, что Вы сдѣлали, Васъ пугаетъ мысль: «Не пошло ли все на смарку?» Но развѣ можетъ пойти на смарку то, что переживается цѣлыми поколѣніями?! Ваше письмо въ Редакцію «Новаго Времени», отъ 11-го октября, подстрекнуло меня написать Вамъ. Хотя я не имѣю удовольствія быть лично знакома съ Вами; но по сочиненіямъ Вашимъ, у меня составился свой собственный образъ Шиллера-Михайлова, который я люблю, уважаю, чту, и на котораго смотрю, какъ на высоко-нравственнаго, правдиваго человѣка! Я вѣрю, что, задавая себѣ вопросъ: «Не пошло ли все на смарку?» Вы были искренни; но неужели Вы не подозрѣвали того громаднаго вліянія, которое имѣли на читающую публику, и то высоко-нравственное воспитательное значеніе, какое имѣютъ Ваши произведенія для молодежи? Неужели Вы думали, что Ваши сочиненія могутъ когда нибудь устарѣть, потерять интересъ и значеніе?—Мои впечатлѣнія юности я Вамъ уже высказала. Въ настоящее время мнѣ сорокъ шесть лѣтъ, почти старуха; мать семейства; многое пережила, перечитала... Много читала, перечитала почти все выдающееся въ

нашей и иностренной беллетристической литературѣ, всѣхъ выдающихся нашихъ писателей,—и все же, Шеллеръ-Михайловъ остается, и по сіе время, однимъ изъ любимѣйшихъ моихъ друзей-писателей! Его произведенія перечитывались мною по многу разъ и въ различномъ возрастѣ и каждый разъ, по прочтенію ихъ, я выносила новый интересъ, самое отрадное одобряющее впечатлѣніе и особенный нравственный подъемъ духа! Читая Ваши произведенія, Александръ Константиновичъ, чувствуешь въ себѣ приливъ чего то хорошаго, чистаго; дѣлаешься, или вѣрнѣе, хочешь быть — лучше, добрѣе, частнѣе! А отчего?—Отвѣтьте сами.

Глубокоуважающая и почитающая Васъ

Е. Пароменская.

Кронштадтъ Морское
Инженерное Училище.

XIV.

Профессоръ Ор. О. Миллеръ о Шеллерѣ.— Письмо Шеллера къ автору.

Воспитательное значеніе Шеллера обусловно, конечно, тѣмъ, что кромѣ бытоваго интереса, его произведенія проникнуты высокою моралью и строгимъ ригоризмомъ. «Научившись громить чужіе пороки, говоритъ онъ: мы считали себя освобожденными отъ обязанности слѣдить за собственной нравственностью. Въ этомъ, быть можетъ, зло нашей эпохи прелюбодѣевъ мысли на каѳедрахъ суда, школы, университетовъ, церкви и литературы. Пророки и апостолы нашего времени, эти друзья меньшей братіи, ѣздятъ на рысакахъ, пьютъ шампанское, бросаютъ горсти золота на женщинъ легкаго поведенія, и бѣднякъ, послѣ встрѣчи съ ними, такъ и остается при томъ убѣжденіи, что онъ встрѣтился по крайней мѣрѣ съ губернаторомъ, если не съ самимъ министромъ». («Надъ обрывомъ»).

Проф. Ор. Миллеръ въ правѣ былъ сказать, что этотъ взглядъ Шеллера на русскую жизнь проглядѣли въ 60-хъ годахъ... «Въ противномъ случаѣ, ему бы тогда досталось, надъ нимъ бы смѣялись, его бы стали чуждаться. Между тѣмъ, взглядъ этотъ заключаетъ въ себѣ существенное дополненіе и поправку къ направленію 60-хъ годовъ». («Литературный Пантеонъ» 1889 года № 1). Какъ не былъ Шеллеръ увѣренъ въ наступательномъ движеніи 60-хъ годовъ, онъ все-

таки напоминалъ людямъ необходимость прежде всего выработки въ себѣ характера въ борьбѣ съ своей собственной природой и скорбѣлъ за несостоятельность многочисленныхъ своихъ литературныхъ героевъ. При всей ихъ умственной развитости, они всѣ перелицевались въ кулацкую аристократію à la Ртищевъ и Орловъ. Разумѣется, не на этихъ людей авторъ надѣется, думая о лучшемъ будущемъ. Эти современные герои останутся за бортомъ, какъ только общество двинется впередъ и явится возможность ему самому обсуждать вопросы внутренней жизни и оцѣнивать ея дѣятелей степенію ихъ искренности и познанія.

Внимательный читатель Шеллера замѣтитъ, что вездѣ причиною уклоненія позднѣйшихъ людей отъ идеала являются наши семьи и школы, въ которыхъ зарождаются съ сомнительной репутаціей наши будущіе дѣятели. Этимъ преимущественнымъ значеніемъ семьи и школы передъ прочими условіями прогресса обусловлено педагогическое и въ высшей степени симпатичное вліяніе Шеллера на своихъ читателей. Его въ особенности необходимо рекомендовать не только молодежи переходнаго возраста, но и отцамъ семействъ, заботившимся о судьбахъ подростающаго поколѣнія. Сочиненія А. К. Шеллера несомнѣнно станутъ достояніемъ каждой семейной библіотеки по мѣрѣ того, какъ мы будемъ цѣнить и любить тѣхъ писателей, которые перенесли насъ черезъ житейскую грязь на сухой берегъ безчисленными указаніями на то и на другое; по мѣрѣ того, какъ въ русское общество будетъ проникать сознаніе, что необходимо прежде всего воспитать хорошихъ людей и уже потомъ разсчитывать на успѣхи новыхъ соціальныхъ учрежденій и отношеній. Въ статьѣ «Мечты и дѣйствительность» Шеллеръ говоритъ: «какъ-бы ни были хороши учрежденія,—въ рукахъ негодныхъ къ дѣлу людей они должны рано или поздно неизбѣжно погибнуть, и превосходно задуманный панамскій каналъ, попавшись въ руки мерзавцевъ, останется миѳомъ; хорошіе, годные въ общественной жизни, люди всегда съумѣютъ восторжествовать надъ дурными учрежденіями, сломивъ ихъ въ концѣ концовъ своей энергіей и создавъ на мѣсто ихъ новыя, по своему вкусу».

Заканчиваю характеристику А. К. Шеллера скромнымъ воспоминаніемъ о немъ, когда онъ встрѣтился у меня на вечерѣ съ Н. С. Лѣсковымъ, и послѣдній сталъ говорить съ нимъ объ его «Полномъ собраніи сочиненій».

— Для меня,—сказалъ Лѣсковъ:—совершенно непонятно, почему изданія Писемскаго, Хвощинской не расходятся, и почему Атава

увѣренъ въ ходкости своего полнаго собранія сочиненій, если оно будетъ предпринято. Несмотря на мой полицеймейстерскій носъ въ литературномъ дѣлѣ, я пересталъ понимать публику за послѣдніе годы. Вотъ и мое собраніе сочиненій разошлось, а вѣдь я не былъ увѣренъ въ этомъ успѣхѣ. Гдѣ этотъ благородный подписчикъ и мой читатель, который меня кормитъ? Покажите мнѣ его! Я не вижу... Ко мнѣ ходятъ все какіе-то люди, благодарятъ и присылаютъ письма, а разговоришься съ ними — охватываетъ неодолимый гнѣвъ на нихъ, и я боюсь—меня задушитъ астма. Между мною и моимъ читателемъ ничего оказывается нѣтъ общаго...

Лѣсковъ долго распространялся на тему о рискованности въ настоящее время предпринять кому либо изъ писателей изданіе «Полнаго собранія сочиненій», когда публика потеряла собственную физіономію и одинаково раскупаетъ Лѣскова и отца Іоанна Кронштадтскаго, и книгу «О женщинахъ» съ вопросительнымъ знакомъ.

Разговоръ затянулся и былъ полонъ интереса не только о томъ, что такое наша публика, но и современный читатель и чѣмъ, между прочимъ, популяренъ А. К. Шеллеръ въ русскомъ обществѣ. На другой день я зашелъ къ Шеллеру и засталъ его за письмомъ ко мнѣ, которое онъ мнѣ такъ и передалъ неоконченнымъ, по поводу замѣчаній Лѣскова о томъ, нужно ли Шеллеру рисковать изданіемъ его полнаго собранія сочиненій, и что въ немъ можетъ обезпечить ему подписку. Видимо, этотъ вопросъ занималъ г. Шеллера. Его отвѣтъ до такой степени интересенъ, что я приведу его здѣсь цѣликомъ, какъ самое вѣское заключительное слово о Шеллерѣ.

Онъ писалъ ко мнѣ:

«Лѣсковъ мнѣ задалъ вопросъ, почему я такъ тороплюсь съ изданіемъ полнаго собранія своихъ сочиненій. Отвѣтъ у меня одинъ: мнѣ надо подвести окончательный итогъ моей болѣе чѣмъ тридцатилѣтней въ литературѣ дѣятельности, пока еще позволяютъ это сдѣлать мои расшатанные далеко не легкой трудовой жизнью нервы. Крупные художники, первостепенные таланты могутъ вовсе не заботиться объ этомъ, зная твердо, что они оставятъ огромное наслѣдство, и что даже неумѣлые наслѣдники не съумѣютъ обезцѣнить ихъ богатствъ. Вандербильдамъ все равно, меньше или больше ихъ богатство на какой нибудь милліонъ долларовъ. Вовсе не въ такомъ положеніи стоимъ мы, второстепенные труженники литературы: мы не можемъ даже быть убѣждены въ томъ, что послѣ нашей смерти соберутъ то, что мы сѣяли на литературной нивѣ, и

потому намъ особенно дорого и отрадно, когда мы на закатѣ жизни можемъ свести итогъ того, что сдѣлано нами и, оставить памятью о себѣ «Полное собраніе» своихъ сочиненій. Начиная литературную дѣятельность, я, къ моему великому счастью, не страдалъ самомнѣніемъ, служащимъ для многихъ источникомъ мученій отъ неудовлетвореннаго самолюбія, и сразу высказалъ въ предисловіи къ своему первому роману «Гнилыя болота», что людямъ, съ небольшимъ талантомъ и обреченнымъ, подобно мнѣ, на тяжелый трудъ, нечего и думать о созданіи художественнаго произведенія, но что и на насъ, какъ и на всѣхъ другихъ нашихъ согражданахъ, лежитъ долгъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, служить нашимъ ближнимъ Въ моемъ второмъ романѣ «Жизнь Шупова» я опять вернулся къ той же мысли, сказавъ: «сѣйте хлѣбъ, а васильки сами выростутъ». И теперь послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ, оборачиваясь на пройденный мною путь, я вижу, что я всегда стремился твердо держаться этого правила, т.-е. говорить то, что я считаю нужнымъ и полезнымъ въ нашемъ обществѣ. Кто прочелъ все писанное мною, тотъ знаетъ, что я старался показать родителямъ и педагогамъ, какъ они, не умѣя и не желая свято исполнить своихъ обязанностей, губятъ своихъ дѣтей и приготовляютъ изъ нихъ себѣ враговъ; я въ десяткѣ мѣстъ своихъ произведеній указывалъ весь вредъ науки, не подготовляющей людей къ практической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, нуждающемся въ мастерахъ, въ техникахъ, въ инженерахъ и по неволѣ обращающемся къ содѣйствію иностранцевъ, когда свои молодыя силы гибнуть безъ дѣла на одной канцелярской работѣ; я стремился объяснить въ «Голи» исторію нашего общественнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ и въ исторіи семьи Муратовыхъ и въ Алчущихъ доказать, до какой степени паденія дошла неподготовка къ дѣятельности людей послѣ эмансипаціи крестьянъ; такъ называемый «женскій вопросъ» и вопросъ о той благотворительности, въ которую играютъ люди или отъ праздности, или ради наживы, затронутъ мною въ романѣ «Мужъ и жена», «Паденіе», «Лѣсъ рубятъ» и т. д. Мои романы считались часто чуть ли не опасными, но слава Богу это время прошло, и теперь слышатся голоса другого рода. Покойный Ор. Ѳ. Миллеръ писалъ обо мнѣ, что они являются «поправкой къ 60-мъ годамъ», а въ «Русской Мысли» Скабичевскій признаетъ меня «воспитателемъ и другомъ русскаго общества». Это своего рода награда за мою дѣятельность, но досталась она не легко».

XV.

Мое первое знакомство съ А. К. Шеллеромъ, Г. Е. Благосвѣтловымъ и Н. В. Шелгуновымъ.

Въ дополненіе къ общей литературной характеристикѣ Шеллера, мнѣ хочется привести нѣкоторыя частныя о немъ воспоминанія, для полноты нашего о немъ очерка.

Самыя раннія мои воспоминанія объ Александрѣ Константиновичѣ Шеллерѣ относятся къ началу 70-хъ годовъ, когда я пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ самоувѣреннымъ юношей и влюбленнымъ заочно въ писателей. Я пошелъ къ Шеллеру, открыто выражая ему свое направленіе, свойственное тому времени, и, между прочимъ, отозвался о томъ, что русская интеллигенція живетъ на счетъ народа и повинна въ его несчастіяхъ.

— Зачѣмъ же вы тогда ходите къ этой интеллигенціи?—перебилъ онъ меня раздраженно.—Вы просите у этой интеллигенціи и книгъ для народа, и программъ для чтенія на ея же голову?

Я пробовалъ говорить о томъ, что онъ принадлежитъ къ иной, передовой интеллигенціи, но Шеллеръ съ прежнимъ раздраженіемъ напалъ на меня.

— А кто будетъ сортировать эту интеллигенцію? Неужели такіе совсѣмъ незнающіе практической жизни юноши, какъ вы?

Помню, что споръ нашъ кончился тѣмъ, что, назвавъ Шеллера самодовольнымъ и трусливымъ bon bourgeois, я ушелъ отъ него съ громкимъ негодаваніемъ. Вспоминаю я этотъ эпизодъ собственно потому, что и другіе молодые люди нерѣдко уходили отъ Шеллера съ такимъ же неудовольствіемъ на него, какъ и я. Но разница была въ томъ, что мои встрѣчи вскорѣ возобновились съ нимъ, и я составилъ о немъ болѣе правильное представленіе, а другіе отшатнулись отъ него и до сихъ поръ руководятся при сужденіи о немъ своимъ юношескимъ впечатлѣніемъ. Я знаю, напримѣръ, разговоры о томъ, что послѣ появленія въ печати «Пролетаріата во Франціи» и «Ассоціацій», къ Шеллеру приходили депутаціи студентовъ за совѣтами и разъясненіями по поводу его книгъ, и, будто бы Шеллеръ такъ велъ себя съ ними уклончиво, смущенно и трусливо, что многіе изъ нихъ остались имъ въ высшей степени недовольны.

Теперь мнѣ совершенно яснымъ представляется его поведеніе съ ними. Книги «Пролетаріатъ въ Франціи» или «Ассоціаціи» могли возбуждать, при тогдашнемъ настроеніи молодежи, исключительно радикальные вопросы, для осуществленія которыхъ въ Россіи совершенно не было почвы. Отмѣчая «крайніе взгляды» въ анабаптистахъ и французскомъ пролетаріатѣ, Шеллеръ признавалъ русское молодое поколѣніе годнымъ только къ отвлеченному воспріятію этихъ взглядовъ, но не къ практическому ихъ осуществленію.

Онъ однажды разсказалъ мнѣ о томъ, какъ въ 60-хъ годахъ онъ роздалъ стремившимся въ народъ молодымъ людямъ болѣе сотни своихъ программъ съ вопросами для собиранія на мѣстѣ разныхъ свѣдѣній по рабочему вопросу въ Россіи. Молодые люди были чрезвычайно начитаны и съ самыми высокими намѣреніями; но, вернувшись осенью послѣ каникулъ въ Петербургъ, ни одинъ изъ нихъ не возвратилъ ему его программы съ отвѣтами. А между тѣмъ, сообразно этимъ свѣдѣніямъ, А. К—чъ собирался написать статью о томъ же рабочемъ классѣ, интересы котораго они изучали по книгамъ. Многіе изъ нихъ для тѣхъ же рабочихъ выпросили у него даровое изданіе «Ассоціацій», но сами по себѣ они не ударили палецъ о палецъ въ этомъ направленіи на живомъ, требующемъ терпѣнія и заботливости, дѣлѣ. Между тѣмъ, эти люди были принципіальными, и множество изъ нихъ погибло даже въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Шеллеръ, разумѣется, зналъ изъ жизни молодежи и болѣе крупные факты о невозможности осуществить хорошую идею съ ничтожными и безхарактерными людьми. Онъ точно также никогда не вѣрилъ для ближайшаго будущаго въ миссію простого народа, тѣмъ болѣе «пролетаризированнаго». Онъ былъ сторонникомъ интеллигенціи, долженствующей быть правительственной и общественной силами, воспитанными въ нравственныхъ семьяхъ и гуманныхъ школахъ при свободномъ общественномъ мнѣніи. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ избѣгалъ интимнаго и близкаго соприкосновенія съ фанатизированными людьми иного направленія, чѣмъ онъ, иногда открыто и рѣзко расходясь съ ними, иногда уклончиво и смущенно. Онъ служилъ народу именно какъ одинъ изъ видныхъ интеллигентовъ 60-хъ годовъ, имѣющихъ полное право признаться въ томъ, что они, по словамъ Шеллера, принадлежатъ къ поколѣнію,

Которое пробить успѣло наконецъ
Народу русскому пути къ освобожденью.

Съ этой точки зрѣнія нужно понимать и всѣ отношенія Шеллера къ разнымъ партіямъ его времени. Всѣ воспоминанія о Шеллерѣ по этому вопросу непремѣнно должны быть комментированы тѣмъ, что его наиболѣе любимыми дѣятелями были не утописты и не тѣ, которые производятъ много шуму, но хорошіе, простые люди дѣла, а не слова... «Тихіе, но гордые люди». Необходимо добавить однако, что со многими лицами иного толка Шеллеръ былъ друженъ и оказывалъ имъ помощь своимъ многочисленнымъ знакомствомъ въ Петербургѣ. Осторожность въ общеніи съ ними и несолидарность съ ними во взглядѣ на практическія задачи Россіи не мѣшали ему уважать въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ и ихъ искренность, и самый идеализмъ убѣжденій. Но уже, конечно, эти молодые люди не могли запугать его ни своими взглядами, ни поступками. Какъ писатель и редакторъ, Шеллеръ держалъ себя открыто для публики. Въ его домѣ перебывали люди самыхъ разнообразныхъ направленій исключительно на почвѣ не агитаторскихъ, а нравственныхъ и отвлеченныхъ интересовъ. Оставаясь всегда на этой почвѣ, ему незачѣмъ было опасаться и трусить открытыхъ дверей своей квартиры для всѣхъ и каждаго, кто самъ интересовался его крупной личностью.

Дальнѣйшее мое знакомство съ А. К. Шеллеромъ возобновилось въ послѣдствіи и удивительно просто въ домѣ Г. Е. Благосвѣтлова, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я отдалъ Н. В. Шелгунову на просмотръ для журнала «Дѣло» свою рукопись съ описаніемъ моего «сліянія съ народомъ». Въ этомъ описаніи были по преимуществу факты, отвѣчавшіе тогдашнему настроенію молодежи, и очень мало художественыхъ достоинствъ. Н. В. Шелгуновъ возвратилъ мнѣ эту рукопись въ конторѣ редакціи, но не утерпѣлъ, чтобы не коснуться принципіально вопроса о народѣ, и я горячо ему оппонировалъ, доказывая, что народъ гораздо просвѣщеннѣе интеллигенціи въ политическомъ отношеніи, такъ какъ на собственной спинѣ выноситъ всѣ особенности нашего политическаго строя. Это былъ одинъ изъ парадоксовъ семидесятниковъ, богатый практическими послѣдствіями, но убѣдить имъ я, разумѣется, могъ только своихъ сверстниковъ, а не Шелгунова. Во время разговора присутствовалъ неизвѣстный мнѣ господинъ, съ фельдфебельской наружностью, все время молча посматривавшій на меня. Шелгуновъ, вернувъ мнѣ мою рукопись, исполнилъ миссію редактора и простился съ мной. Я уже вышелъ изъ редакціи на лѣстницу, какъ услышалъ позади себя торопливый окликъ:

— Если вы не торопитесь, то зайдите ко мнѣ... Я издатель журнала, Благосвѣтловъ.

Это былъ тотъ самый фельдфебельской наружности господинъ.

Въ квартирѣ у себя Благосвѣтловъ преобразился: изъ сухого и нелюдимаго вида писателя онъ вдругъ превратился весь въ заинтересованнаго слушателя, закидывая меня массою вопросовъ, изъ которыхъ многіе самъ же развивалъ въ блестящей рѣчи, съ остроумными сравненіями и аналогіями. Теперь уже мнѣ трудно вспомнить, за давностью времени, этотъ разговоръ, но хорошо помню, что Благосвѣтлова всего болѣе интересовало, дѣйствительно-ли школа жизни сильнѣе научной подготовки и что народъ ближе стоитъ къ злобѣ дня, чѣмъ интеллигенты? На эту тему разговоръ длился и за обѣдомъ. Къ концу его пришелъ Шеллеръ и показалъ какую-то корректуру съ помарками цензора. Благосвѣтловъ горячо воскликнулъ:

— Пожертвуйте формой, но сохраните идею... Непремѣнно идею сохраните!

Складывая корректуру въ боковой карманъ и прислушиваясь къ продолженію нашего разговора о народѣ, Шеллеръ ехидно обронилъ замѣчаніе въ мою сторону:

— Послушать васъ, такъ рабы въ исторіи были самыми просвѣщенными людьми. Они непосредственно знакомились съ безправіемъ, а не черезъ книги, какъ мы.

Я, конечно, помню общій взглядъ Шеллера и общее впечатлѣніе о томъ, что Благосвѣтловъ слушалъ меня заинтересованно, а Шеллеръ оспаривалъ и сажалъ меня на мель своими логическими соображеніями.

На этотъ разъ Шеллеръ также горячо разошелся съ господствующимъ взглядомъ на народъ, и моей самоувѣренности было нанесено нѣсколько чувствительныхъ ударовъ. Я невольно почувствовалъ свою слабость въ спорѣ съ Шеллеромъ. Мы вышли вмѣстѣ. Моему восторгу Благосвѣтловымъ не было предѣла, но Шеллеръ замѣтилъ, что я попалъ въ счастливый часъ къ Благосвѣтлову, и что послѣдній большею частью сухъ и желченъ съ сотрудниками. Въ то время я еще не умѣлъ анализировать людей, и, можетъ быть, оттого всѣ писатели казались мнѣ прекраснѣйшими людьми. Я былъ очень радъ, когда, сверхъ ожиданія, Шеллеръ необыкновенно сердечно пригласилъ меня бывать у него въ опредѣленные дни по вечерамъ. На этихъ вечерахъ я видѣлъ лучшую часть петербургскихъ литераторовъ, но мнѣ недолго пришлось

пользоваться ихъ обществомъ. Вскорѣ по независящимъ обстоятельствамъ я былъ на много лѣтъ оторванъ отъ Шеллера, Шульгина и другихъ лицъ, съ которыми впослѣдствіи у меня сохранились дружескія отношенія до самой ихъ смерти.

Мнѣ пришлось вновь встрѣтиться съ Шеллеромъ уже въ иномъ положеніи, когда я принужденъ былъ по политическимъ обстоятельствамъ жить «нелегальнымъ». (См. объ этомъ мою книгу «Въ одиночномъ заключеніи»). Шеллеръ былъ въ то время редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія» и принималъ меня не только въ редакціи, въ качествѣ сотрудника, но и какъ стараго знакомаго у себя въ семьѣ. Это немаловажное обстоятельство, въ виду строгостей того времени. Не только я былъ въ его семьѣ своимъ человѣкомъ, но именно черезъ него, Н. И. Шульгина, А. П. Меженинова, А. Н. Молчанова и А. А. Скальковскаго [1]) я нашелъ лицъ, близкихъ къ Лорисъ-Меликову, и легализировался съ правомъ жить въ Петербургѣ.

Весь этотъ эпизодъ изъ моей жизни вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ въ значительной степени и Шеллера. Многіе ли изъ начинающихъ писателей встрѣчаютъ въ нынѣшнихъ редакторахъ не только участливое отношеніе къ себѣ, какое я видѣлъ въ Шеллерѣ, но и простую доступность къ нимъ даже въ редакціонные дни и часы? Между тѣмъ, къ Шеллеру можно было придти во всякое время, особенно если объ этомъ предупредить его письменно. Онъ охотно удѣлялъ и постоянному, и начинающему писателю не только вечеръ, но и нѣсколько, съ тѣмъ, чтобы прочесть вмѣстѣ съ нимъ его рукопись, указать на необходимыя исправленія и никогда не обижалъ автора самовольнымъ сокращеніемъ рукописи, снабженіемъ ея обиднымъ примѣчаніемъ, а тѣмъ болѣе измѣненіемъ текста безъ спроса автора. Онъ понималъ эту деликатную сторону въ писательствѣ и, въ качествѣ редактора, былъ крайне терпимъ къ чужомъ мнѣнію.

— Лучше отказаться отъ рукописи, чѣмъ притереть ее красками,— говорилъ онъ. — Если авторъ идетъ въ разрѣзъ съ редакціей, то не печатай его, а не упражняйся самовольно надъ его рукописью.

Этой особенностью своею Шеллеръ былъ особенно дорогъ начинающимъ писателямъ, съ авторскимъ самолюбіемъ которыхъ такъ рѣдко кто церемонится.

---

[1]) Управляющій канцеляріей Лорисъ-Меликова.

XVI.

Шеллеръ о секретаряхъ въ редакціяхъ.

Какъ соредакторъ трехъ журналовъ: «Русскаго Слова», «Дѣла» и «Живописнаго Обозрѣнія», Шеллеръ заслуживаетъ особенно теплой памяти. Разсказывая исторію своего дебюта въ «Современникѣ» и ссору въ его редакціи съ секретаремъ Головачевымъ, Шеллеръ всегда разражался гнѣвной филиппикой противъ секретарей въ литературѣ. Его мнѣніе о нихъ было мною напечатано при жизни Александра Константиновича къ его 35-лѣтнему юбилею въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (10 октября 1898 г. № 278) и, какъ мнѣніе довольно отвѣтственное, я предварительно давалъ его на просмотръ Шеллеру. Я замѣтилъ ему, что въ лучшемъ смыслѣ секретари самовольничаютъ въ редакціяхъ, обращая послѣднія въ канцеляріи, а въ худшемъ они сами придуманы для того, чтобы редактору за ихъ спинами было безотвѣтственнѣе давать обѣщанія сотрудникамъ и съ легкимъ сердцемъ нарушать ихъ, иногда сваливая на секретарей неисполненіе обязательствъ, а, чаще разрѣшая послѣднимъ объясняться съ разгнѣваннымъ сотрудникомъ въ какихъ угодно выраженіяхъ по адресу редактора. Нигдѣ такъ не обезличенъ секретарь, какъ въ редакціи кулака—издателя...

— Между редакторомъ и сотрудникомъ не должно быть посредниковъ, отвѣтилъ Шеллеръ. Литераторы стараго типа сами гнушались поручать чтеніе рукописи секретарю или вести черезъ него объясненіе съ писателями. Нынѣ семейныя отношенія между сотрудникомъ и редакторомъ исчезаютъ. Въ каждой редакціи къ свѣдѣнію сотрудниковъ вывѣшено объявленіе: «входъ въ кабинетъ редактора постороннимъ лицамъ не дозволенъ», «покорнѣйше просятъ постороннихъ лицъ не входить»; а самый кабинетъ редактора замкнутъ изнутри цѣпочкой или охраняется лакеемъ... «Постороннія» лица— это именно сотрудники, которые должны довольствоваться объясненіями господъ секретарей.

— Безъ нихъ,— говорятъ — редактору не управиться одному. Говорятъ, что въ Европѣ они вездѣ существуютъ. Вы можете прожить въ Лондонѣ цѣлое лѣто и не добиться свиданія съ редакторомъ «Times'а». А у насъ, — жаловался мнѣ одинъ редакторъ—до сихъ поръ еще крѣпостной порядокъ. Редакторъ рабо-

таетъ иногда по 15 и 18 часовъ въ сутки, а затѣмъ уѣзжаетъ на 2—3 мѣсяца въ деревню на абсолютное ничего не-дѣланіе. Умѣлый секретарь—сокровище при редакціи, но долженъ быть непремѣнно съ литературнымъ именемъ.

— Однако,—гдѣ же они такіе?—восклицалъ Шеллеръ.—Что же говорить о томъ, чего нѣтъ. Секретари наши—обыкновенные, нужны для черной конторской работы. На ихъ попеченіи лежитъ храненіе и отсылка обратно рукописей и т. п. Но и то, какъ я возвращу рукопись черезъ секретаря, не видавъ самого автора и не поговоривъ съ нимъ? Да, можетъ быть, я возвращаю ему плохіе стихи, а въ разговорѣ съ нимъ онъ окажется отличнымъ критикомъ. Вѣдь было же такъ у Благосвѣтова съ Писаревымъ. Въ свою очередь, плохой критикъ окажется въ бесѣдѣ отличнымъ беллетристомъ... Вѣдь въ слогѣ сказывается человѣкъ... Редакторъ долженъ сейчасъ почувствовать, какого духа и размѣра его собесѣдникъ. Онъ долженъ удержать у себя нѣкоторыхъ, другихъ предостеречь отъ грѣха, отъ литературныхъ заблужденій, третьему разъяснить самого себя и заказать пробную статью... Вотъ живая роль редактора, и какъ же ее можно поручить какому-нибудь неопытному секретарю? Знаешь-ли ты, что прекрасный бытоописательный романъ Е. Л. Маркова «Черноземныя поля» чуть не былъ возвращенъ обратно автору, такъ какъ показался слишкомъ толстымъ и скверно переписанымъ секретарю редакціи «Дѣла», г. Битмиту. Слыхалъ ты такого цѣнителя словеснаго искусства?! [1]). А между тѣмъ, именно этотъ романъ создалъ, главнымъ образомъ, имя талантливому писателю. Вѣдь могло случиться и со мной, что секретарь вернулъ бы обратно романъ, даже нечитаннымъ, и я могъ отвернуться отъ литературы, къ которой меня тянуло. Я всегда съ удивленіемъ спрашиваю: неужели обязанность редактора заключается въ томъ только, чтобы вернуть или принять рукопись? Я видѣлъ и въ «Современникѣ» редакторовъ, и въ «Русскомъ Словѣ», которые умѣли создать сотрудника даже по неудавшейся рукописи послѣдняго. Вспомните, напримѣръ, дебютъ Писарева съ переводной вещью изъ нѣмецкихъ піитовъ у Благосвѣтлова. А все потому, что и Писаревъ, и я миновали секретарей и прямо попадали ва оцѣнку литературныхъ лицъ. Когда ты самъ вступилъ въ литературу, съ кѣмъ тебѣ приходилось имѣть дѣло?

[1]) Впослѣдствіи этотъ Битмитъ самъ проникся прелестью «Черноземныхъ полей» и жилъ въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, совершенно по-крестьянски во имя сліянія съ народомъ.

Какого ты секретаря зналъ? Никакого... Ты прямо пошелъ къ Благосвѣтлову, Шелгунову, Шульгину, къ С. Н. Шубинскому и ко мнѣ. Ты былъ тогда безбородымъ юношей и, конечно, не представлялъ литературнаго интереса ни для кого изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, ты былъ принятъ каждымъ по семейному не только въ редакціонные дни, но за-просто къ вечернему чаю, если было о чемъ говорить съ редакторомъ. Вотъ какіе царили нравы!

— Да, это правда,— произнесъ я...—Теперь бы мнѣ не пришлось такъ счастливо войти въ литературную семью. Теперь подымается рѣчь о регулированіи отношеній редакторовъ и издателей къ сотрудникамъ законодательными мѣрами.

— Да, теперь,—возбужденно воскликнулъ Шеллеръ,—все рѣже и рѣже можно имѣть разговоры съ редакторами, особенно, неудачнику-дебютанту. А тогда литература сближала людей, если можно было имъ вмѣстѣ думать, а при существующихъ секретаряхъ это невозможно... Теперь можно работать въ журналѣ и не знать даже въ лицо редактора-издателя. Вотъ какъ измѣнились отношенія между собою «братьевъ-писателей». Прежде Благосвѣтловъ, почти ничего не писавшій самъ, умѣлъ своими рѣчами и мѣткими замѣчаніями возбуждать сотрудниковъ и направлять ихъ. Онъ какъ бы бросалъ имъ темы, а они уже сами разрабатывали его мысли. И я, и Писаревъ значительно обязаны ему тѣмъ, что онъ былъ намъ доступенъ во всякую минуту. Правда, и тогда было въ литературѣ много такого, чего не должно бы быть... Мой дебютъ въ «Современникѣ» при секретарѣ Головачѣ, случайно разсерженномъ, одновременно съ моимъ посѣщеніемъ, визитомъ нѣкоего старичка-графомана, Квашнина-Самарина [1]), могъ бы оттолкнуть меня отъ литературы и сдѣлать меня врагомъ ея... Дурного было всегда много въ литературѣ, но было и хорошее... Это «хорошее» теперь все рѣже и рѣже встрѣчается.

Разсказывая о своемъ столкновеніи съ секретаремъ «Современника», А. К., нѣсколько смѣясь, часто вспоминалъ аналогичный эпизодъ, случившійся въ одной изъ редакцій съ заслуженнымъ профессоромъ Орестомъ Ѳедоровичемъ Миллеромъ.

— Я,—говорилъ Шеллеръ,—положительно увѣренъ, что Ореста Ѳедоровича скоропостижно уморила одна изъ петербургскихъ ре-

---

[1]) Послѣдній носилъ въ «Современникъ» повѣсти, романы, стихи, басни, совершенно невозможныя для печати. Получая обратно рукописи, онъ настойчиво приставалъ къ секретарямъ редакціи: «Да какъ же вамъ надо, чтобы я писалъ?».

дакторшъ... Орестъ Ѳедоровичъ принесъ ей статью обо мнѣ и редакторша наговорила ему кучу любезностей, принявъ рукопись не читая. Смѣшно было бы провѣрять извѣстнаго профессора въ умѣньи писать, въ надлежащемъ тонѣ, о русскихъ современныхъ писателяхъ! Статья Ореста Ѳедоровича обо мнѣ—самая симпатичная изъ всѣхъ, какія я когда-либо читалъ о себѣ. И что же? Ждетъ онъ мѣсяцъ, другой — статья не появляется въ журналѣ. Идетъ справится, и ему выноситъ въ общую комнату лакей свертокъ бумаги и замѣчаетъ: «не надо...».

— Да, что же это,—восклицалъ Орестъ Ѳедоровичъ на квартирѣ Шеллера:—я не литераторъ, что ли, не профессоръ или ужъ такой дурной человѣкъ, что меня и правительство увольняетъ отъ службы, и въ редакціи со мной можно объясняться только черезъ лакеевъ? Вѣдь я не ничтожнѣе госпожи редакторши, а меня все-таки ни приняли и вернули рукопись черезъ лакея.

— Можетъ быть, это былъ секретарь?—спросилъ его кто-то изъ присутствующихъ.

— А кто его знаетъ... Мнѣ показался лакей,—гнѣвно отвѣтилъ О. Ѳ. Миллеръ.

— Въ первый разъ въ жизни,—говорилъ Шеллеръ,—я видѣлъ Ореста Ѳедоровича сердитымъ и крайне взволнованнымъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе удрученъ, что и въ другой редакціи въ Москвѣ вернули ему статью о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, безъ всякаго объясненія. Эти и другія литературныя и общественныя непріятности, конечно, сильно повліяли на почтеннаго профессора, который черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, какъ извѣстно, внезапно почувствовалъ себя дурно на улицѣ и скончался. Ну, право, это его сгубили наши литературные нравы,—продолжалъ Шеллеръ.— Онъ былъ такъ огорченъ, между прочимъ, и тѣмъ, что его статья не была своевременно напечатана, въ 1888 году, что, помѣщая впослѣдствіи ее въ «Пантеонѣ Литературы» за 1889 годъ, онъ печатно заявилъ: «трудъ этотъ задуманъ былъ вслѣдъ за двадцатилѣтнимъ юбилеемъ нашего романиста, въ видѣ публичной лекціи. Прочтеніе этой лекціи не могло состояться (не разрѣшено). Перенесенный затѣмъ на бумагу, трудъ этотъ былъ принятъ редакціей одного толстого журнала, но, пролежавъ въ ней, возращенъ автору».

— Сильно волновался у меня Орестъ Ѳедоровичъ и на его вопросъ: почему я самъ не печатаюсь въ нѣкоторыхъ почтенныхъ органахъ нашей журналистики — я имѣлъ удовольствіе отвѣтить ему: а что, если понесешь рукопись, ее примутъ, но затѣмъ, когда

она пролежитъ въ редакціи, мнѣ, старому литератору, возвратятъ ее даже безъ объясненій черезъ секретаря? А вѣдь въ наше время это можетъ случиться. Что, если даже напечатаютъ ее, но съ безсмысленными исправленіями тѣмъ же секретаремъ, безъ вѣдома автора, а на ваше замѣчаніе о безсмысленныхъ исправленіяхъ тотъ же секретарь цинически скажатъ: «Ничего! У нашей публики желудки крѣпкіе, все переваритъ и не замѣтитъ...». А вѣдь это бываетъ постоянно. Нѣтъ ужъ, Орестъ Ѳедоровичъ, я лучше посижу дома и, кто хочетъ, пусть самъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и проситъ моего участія въ журналѣ; а съ секретарями я не люблю разговаривать о литературѣ. Появленіе ихъ въ литературѣ—признакъ упадка и коммерческаго ея характера. Мы, старые литераторы, привыкли считать свою профессію свободной отъ условій рынка и дорожимъ приходящимъ сотрудникомъ: стараемся его пріохотить къ литературѣ, выработать изъ него постояннато участника въ журналѣ и угадать, даже по массѣ неудавшихся рукописей и личныхъ объясненій съ авторами, кто изъ нихъ — литературнаго темперамента и съ кѣмъ можно впослѣдствіи вмѣстѣ работать...

Такимъ типомъ желаемаго редактора,—замѣчу я съ своей стороны: — былъ и А. К. Шеллеръ для значительнаго числа нынѣ пишущей братіи, начавшей свою дѣятельность въ «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ» и «Живописномъ Обозрѣніи» подъ его руководствомъ.

XVI.

Лѣсковъ и его письма къ Шеллеру. Моя переписка съ Шеллеромъ.

Не только для начинающихъ писателей Шеллеръ былъ дорогимъ роководителемъ, но и для опытныхъ онъ былъ превосходнымъ редакторомъ. Въ подтвержденіе послѣдняго у меня сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ Н. С. Лѣсковъ былъ недоволенъ редакціей «Русской Мысли» за то, что она посылала его повѣсть «Зенонъ-Златокузнецъ» въ рукописи на предварительный присмотръ къ цензору и послѣдній не пропустилъ ее къ печати.

Тогда Лѣсковъ передалъ повѣсть П. А. Гайдебурову въ «Недѣлю», но тотъ пріѣхалъ къ автору просить «пожертвовать тенденціей».

— Такое прекрасное описаніе египетской жизни,—говорилъ онъ.—Обстановка, природа, обычаи—удивительно художественно воспроизведены; но для сохраненія повѣсти необходимо пожертвовать тенденціей. Мнѣ хочется напечатать ее, но въ этомъ видѣ, какъ возьму я ее въ руку, она жжетъ мнѣ пальцы.

— Отымите отъ разсказа тенденцію, — отвѣчалъ Лѣсковъ:— отъ него ничего не останется. Выдетъ глупая басня. Я именно и писалъ его затѣмъ, чтобы человѣкъ своей вѣрой могъ увлекать людей, двигать горами, какъ Зенонъ готовностью умереть за вѣру трунулъ и сдвинулъ чужое сердце... Мнѣ только это и мило въ моемъ разсказѣ, а вы меня просите пожертвовать тенденціей и оставить только рамки разсказа и краски.

Такъ они и разошлись. По уходѣ Гайдебурова Лѣсковъ сказалъ:

— Настоящій литераторъ никогда не посовѣтовалъ бы сохранить художественность безъ идеи. Попробую дать прочесть своего кузнеца Александру Константиновичу Шеллеру.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Лѣсковъ, попирая отъ удовольствія руками свой носъ, радостно сказалъ:

— Заглавіе передѣлано и разсказъ названъ: «Гора». Шеллеръ провелъ его даже у себя въ «Живописномъ Обозрѣніи». Вотъ настоящій литераторъ, какъ поступаетъ.

Здѣсь будетъ кстати напечатать нѣсколько писемъ Н. С. Лѣскова къ Шеллеру, касающіяся съ одной стороны ихъ взаимныхъ переговоровъ о «Зенонѣ» и съ другой—свидѣтельствующія въ подробностяхъ, старанія Шеллера пріобрѣсть «Зенона» для «Живописнаго Обозрѣнія», несмотря на то, что «Зенонъ» жегъ руки нѣкоторымъ издателямъ.

Сердечно благодарю Васъ, уважаемый коллега, за Ваше вниманіе и заботы. Вчера я получилъ уже №, но и этотъ мнѣ не будетъ лишнимъ, если позволите имъ завладѣть.

Жаль, что все это ограничивается одною Москвою. Сегодня былъ у меня Гайдебуровъ и разсказывалъ, какъ ему дѣлаютъ внушенія противъ «тенденціозности». Любопытно!

Еще разъ Васъ благодарю и жму Вашу руку.

Преданный вамъ

Н. Лѣсковъ.

21, I, 89. Спб.

16. Авг. 89 Спб. г.
Фршт. 50, 4.

Достоуважаемый Александръ Константиновичъ!

Рѣпинъ былъ у меня и я у него и мы все переговорили. Какъ же это кончить? За чѣмъ дѣло стало? Я хочу уѣхать провѣтриться. Надо все кончить, что бы дѣло не стояло, а шло.

Прилагаю вамъ листокъ съ перемѣною заглавія. Пожалуста прикажите его подклеить къ экземпляру повѣсти. Объявлять ее надо подъ этимъ заглавіемъ: «Гора». Рѣпинъ это знаетъ [1]).

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

---

14. Нбр. 89. Спб. Фршт. 50, 4.

Достоуважаемый Александръ Константиновичъ!

По условію г. Добродѣева, которое лично мнѣ Вами передано, я долженъ получить за повѣсть 1000 рублей. Въ то число я получилъ при Васъ 300 р., а за г. Добродѣевымъ осталось 700 рублей. Эти 700 р. должны быть уплочены мнѣ въ два срока,—а именно: 300 р. 15-го ноября и 400 р. 15-го декабря 1889 г. Завтра поступаетъ срокъ второго платежа (300 р.), а я боленъ и не оставляю моей комнаты. Позвольте мнѣ просить Васъ, какъ посредника въ этомъ дѣлѣ, оказать мнѣ содѣйствіе къ полученію завтра же слѣдующихъ мнѣ 300 р. Расписаться я желалъ бы на той же роспискѣ, которая мною дана при полученіи задатка.

Преданный Вамъ
Н. Лѣсковъ.

---

26 сент. 90 г. Спб.
Фршт. 50, 4.

Уважаемый другъ Александръ Константиновичъ!

Изъ готовыхъ и нѣсколько сомнительныхъ вещей у меня есть одна, наименѣе сомнительная, тщательно сдѣланная «Сказка о

---

[1]) Предполагалось, что «Гора» будетъ съ иллюстраціями Рѣпина.

большомъ доброхотѣ». Я ее уже много «присмирялъ» и присмирилъ до того, что болѣе уже нельзя. Теперь, мнѣ кажется, она можетъ пройти. Ее я Вамъ и позволяю себѣ предложить, съ тѣмъ условіемъ, что бы Сергѣй Емельяновичъ [1]) распорядился ее набрать, прислалъ бы мнѣ корректуру и, по выправкѣ мною корректуры, сдѣлалъ бы для меня два оттиска, а затѣмъ особый оттискъ послалъ бы къ цензору: но ни въ какомъ случаѣ не посылалъ бы ему рукопись, десять разъ переписанную и опять сильно поправленную. Я полагаю, что Вы и Сергѣй Емельяновичъ признаете это мое желаніе справедливымъ и удобоисполнимымъ. Обо всемъ остальномъ, вѣроятно, успѣемъ поговорить послѣ того, когда намъ станетъ извѣстно, что сдѣлаетъ цензоръ.

Искренно Васъ уважающій и любящій

Н. Лѣсковъ.

P. S. За рукописью можете прислать когда Вамъ угодно, но только лучше, что бы она была у меня подъ рукою до тѣхъ поръ, пока С. Е. найдетъ благовременнымъ ее набирать. Пока она у меня я все-таки отъ времени до времени къ ней возвращаюсь. Она написана довольно трудною манерою и требуетъ ухода въ стилистическомъ отношеніи.

---

31. Авг. 91. Спб. Фуршт. 50.

Достоуважаемый Александръ Константиновичъ!

Окажите мнѣ дружбу: пробѣгите препровождаемый при семъ запасъ стихотворныхъ опытовъ и, если можно, отберите изъ нихъ, что удобно, для помѣщенія въ «Живописномъ Обозрѣніи». Поэтъ этотъ юный человѣкъ и мой родственникъ, и потому я за него и ходатайствую передъ Вами «по родству». Сдѣлайте милость дайте ему хлебнуть отравы типографскихъ чернилъ! Онъ, конечно, малый хорошій и очень любящій литературу. Можетъ быть изъ него со временемъ что нибудь и выйдетъ. О гонорарѣ разумѣется не чего условливаться: что дадите то и ладно. Остальное, что останется отъ Вашего выбора, пожалуста пришлите мнѣ. А я къ вамъ не кажу глазъ потому, что все очень боленъ и не могу ни гдѣ показаться.

Глубоко Васъ уважающій Лѣсковъ.

---

[1]) Издателемъ «Живописнаго Обозрѣнія», послѣ П. Н. Полеваго, былъ Сергѣй Емельяновичъ Добродѣевъ.

3 сент. 91. Спб. Фуршт. 50.

Простите мнѣ мое замедленіе въ отвѣтѣ на Ваше письмо, уважаемый Александръ Константиновичъ. Оправданіе мое въ томъ, что я не «прихварываю», а тяжко страдаю мучительною болѣзнію, непозволяющею мнѣ даже отвѣтить на письмо. Не рѣдкіе дни, а мѣсяцы сплошь я только страдаю. За это и простите мнѣ все, что можетъ показаться какою нибудь съ моей стороны виною.

Обѣщаніе свое помню, но я не въ силахъ ничего писать, и ни о чемъ не могу думать по литературѣ. Если же мнѣ хоть немножечко полегчаетъ—я сейчасъ же напишу для Васъ небольшую вещичку, которая у меня помѣчена, когда я еще былъ здоровѣе. Вамъ первымъ и напишу.

Еще разъ меня простите.

Преданный Вамъ

Н. Лѣсковъ.

12-го окт. 1891 г. Спб.
Фуршт. 50, кв. 4.

Достоуважаемый Александръ Константиновичъ!

Я послалъ Вамъ нѣсколько стишковъ моего родственника Б., и просилъ Васъ, если можно,—что нибудь изъ нихъ напечатать. Посмотрѣли-ли Вы на эти «опыты» и какъ ихъ нашли? Мнѣ очень совѣстно утруждать Васъ моими докуками, но нельзя миновать этого... Пожалуста ни посердитесь на меня и что нибудь мнѣ отвѣтьте.

Тамъ, помнится, есть кое-что возможное для печати и не худшее того, что печатается. А впрочемъ, я ни буду ни въ малѣйшей претензіи, если Вы мнѣ возвратите эти опыты. Мнѣ только нужно отвѣчать на вопросы поэта.

Искренно Васъ уважающій

Н. С. Лѣсковъ.

Шеллеръ постоянно велъ переговоры о рукописяхъ съ издателемъ «Живоп. Обозр.», С. Е. Добродѣевымъ, въ интересахъ сотрудниковъ и онъ же часто просматривалъ рукописи послѣднихъ, хотя бы эти рукописи не годились для «Живоп. Обозр.» или предназначались бы въ другое изданіе.

Читать чужую рукопись или чужіе стихи, чтобы дать автору совѣтъ—было обычнымъ дѣломъ для Шеллера. При этомъ, вспоминаются мнѣ прекомическія положенія, въ которыя попадалъ Шеллеръ.

— Этотъ сотрудникъ, говорилъ онъ: такъ отрицательно относится къ Добродѣеву, что самъ не хочетъ имѣть съ нимъ дѣло и говоритъ, что какъ только я уйду изъ «Живоп. Обозр.», такъ онъ болѣе не дастъ туда ни одной строки. Для себя онъ считаетъ неудобнымъ работать у Добродѣева и объясняться съ нимъ; а меня заставлять торговаться съ Добродѣевымъ о полистномъ ему гонорарѣ—онъ не стѣсняется...

Я самъ однажды передалъ Шеллеру просьбу объ авансѣ одной литературной дамы, стѣснявшейся прямо обратиться къ издателю. Отвѣтъ Шеллера рисуетъ его трудную роль въ подобныхъ случаяхъ и, несмотря на это, его всегдашнюю къ ней готовность.

Другъ Анатолій Ивановичъ, къ сожалѣнію, вчера не могъ ничего отвѣтить по поводу аванса за принятую статью твоей знакомой и потому дѣлаю это сегодня. Уладить это не удастся, такъ какъ именно сентябрь мѣсяцъ въ денежномъ отношеніи самый тяжелый: 1-го октября взносъ на почту до 12,000 руб., и потому приходится сжиматься относительно лишнихъ расходовъ. Мнѣ крайне досадно, что я не могъ услужить. Но тутъ виновато не нежеланія сдѣлать что нибудь.

До вторника? Да?

Твой А. Шеллеръ.

27-го авг. 1894 г.

Сохранилось у меня и письмо С. Н. Шубинскаго къ Шеллеру также съ литературнымъ порученіемъ, которыя сыпались на Шеллера въ изобиліи, какъ и на всякаго благожелательнаго редактора. Шеллеръ часто передавалъ мнѣ письма близкихъ ко мнѣ и хорошо

знакомыхъ писателей. Тоже самое дѣлалъ и Н. С. Лѣсковъ. Вотъ почему у меня и сохранились письма Лѣскова и Шубинскаго къ Шеллеру.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ!

Одинъ мой родственникъ прислалъ мнѣ изъ Москвы нѣсколько стихотвореній его знакомаго,—молодого, начинающаго поэта,—съ просьбой помѣстить ихъ въ которомъ нибудь изъ петербургскихъ журналовъ. Мнѣ кажется, что для начинающаго писателя стихи не дурны и обнаруживаютъ если не талантъ, то способность. Не возьмете ли вы ихъ для «Живописнаго Обозрѣнія»? Авторъ не желаетъ за нихъ никакого гонорара и ставитъ лишь одно непременное условіе, — чтобы ему были присланы тѣ номера журнала, гдѣ будутъ напечатаны стихотворенія.

Съ моей же стороны къ вамъ слѣдующая, усердная просьба: если стихотворенія покажутся вамъ не пригодными, возвратите мнѣ ихъ. Если же они будутъ напечатаны въ «Живописномъ Обозрѣніи», то пришлите мнѣ, для отсылки автору, тѣ №№, гдѣ они появятся. Авторъ желаетъ, чтобы были выставлены лишь инициалы М. А. его фамиліи.

Простите, что затрудняю васъ такими просьбами. Я ужасно не люблю «литературныхъ порученій» но иногда отъ нихъ невозможно отказаться, и приходится эксплоатировать, въ свою очередь, чью нибудь любезность.

Искренно уважающій васъ Шубинскій.

Случалось, разумѣется, что и Шеллеръ былъ виноватъ передъ сотрудниками въ неаккуратности помѣщеній ихъ работъ. Но, разумѣется, многое здѣсь зависѣло во-первыхъ отъ деликатности Шеллера, не любившаго огорчать сотрудника отказомъ въ пріемѣ статьи и принимавшаго статью, скрѣпя сердца; и во-вторыхъ--неисполнительность Шеллера часто зависѣла отъ невѣдомыхъ сотруднику причинъ, весьма смягчающихъ виновность редактора. Я знаю многихъ сотрудниковъ «Живоп. Обозр.», недо-

вольныхъ Шеллеромъ исключительно по незнанію всѣхъ обстоятельствъ, по которымъ Шеллеру приходилось измѣнять своимъ обѣщаніямъ по журналу или откладывать исполненіе ихъ. Одно время я самъ было въ числѣ недовольныхъ имъ лицъ и, выведенный изъ терпѣнія, написалъ Шеллеру письмо, копія котораго у меня случайно сохранилась А именно:

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ!

Въ майской книгѣ «Живоп. Обозр.» нѣтъ моей статьи «О съѣздѣ Спб. учителей», а между тѣмъ Вы обѣщали помѣстить ее въ этомъ номерѣ. Я уже не говорю о статьѣ «Учащая женщина», которую Вы нѣсколько разъ обѣщали помѣстить и все-таки не выполнили собственнаго обѣщанія. Между тѣмъ время идетъ и статья «О женщинѣ» интересна въ связи съ вопросомъ о курсахъ; статья о съѣздѣ гораздо интереснѣе, если она напечатана вслѣдъ за съѣздомъ. Это и заставляетъ меня просить Васъ напечатать ихъ поскорѣе; иначе, онѣ устарѣютъ. Если вы не можете помѣстить обѣ статьи въ теченіи мая и іюня, то возвратите мнѣ ихъ обратно. Это мое условіе. Вы меня простите, А. К., Вы всегда обѣщаетесь и мнѣ никогда не отказываете въ моихъ просьбахъ, но часто не думаете о своевременномъ исполненіи ихъ. Это значитъ—неуважать человѣка; это имѣетъ видъ, что я навязываюсь къ Вамъ въ сотрудники и не понимаю отказа въ формѣ свѣтскихъ обѣщаній Меня это очень мучаетъ. Если я не говорилъ Вамъ объ этомъ ранѣе, то потому что не заслуживаю къ себѣ такого отношенія и мнѣ трудно допустить справедливость моихъ подозрѣній.

Въ отвѣтъ я получилъ отъ Шеллера письмо отъ 19 мая 1883 г. совершенно посрамившее меня.

Уважаемый Анатолій Изановичъ, неужели нельзя объясняться просто, безъ всякихъ подозрѣній и глубокихъ соображеній, по крайней мѣрѣ, со мною Вамъ? Въ отношеніи Васъ я не редакторъ и не буду имъ, такъ какъ вижу въ Васъ просто стараго и дорогаго мнѣ знакомаго. Какъ редакторъ могу сказать Вамъ слѣдующее:

1) Статья о съѣздѣ учителей набрана и не вошла въ майскую книгу только по расчетамъ экономическимъ, конечно, не моимъ, такъ какъ я не издатель. Наборъ ея, сверстанный уже, можете видѣть въ типографіи, ибо онъ идетъ въ іюльскую книгу.

2) Статья о курсахъ не идетъ отчасти потому, что и ничто покуда не идетъ, кромѣ переводовъ и текущихъ или даровыхъ статей въ родѣ воспоминаній г. Полевого, отчасти же опять-таки по денежнымъ разсчетамъ: г. Полевой крайне стѣсненъ теперь и вовсе не желаетъ быть неисправнымъ плательщикомъ.

3) Условій никакихъ я не могу ставить, такъ издатель не я, а все дѣло въ будущемъ зависитъ отъ улучшенія или ухудшенія обстоятельствъ денежныхъ.

Согласитесь сами, что говорить объ этомъ предметѣ мнѣ было очень щекотливо, такъ какъ денежныя дѣла журнала—чужая тайна. Г Полевой тоже старается дѣлать все зависящее отъ него, чтобы не быть не исправнымъ плательщикомъ и удешевляетъ потому временно изданіе. Вы вынудили меня высказать Вамъ все это Вашимъ письмомъ, которое, къ сожалѣнію, показало мнѣ въ совсѣмъ новомъ свѣтѣ Вашъ взглядъ на меня. Свѣтскія отношенія, кажется, не были нашими отношеніями да и какіе же мы то свѣтскіе люди.

А. Шеллеръ.

Мой адресъ: Крестовскій,
у Петербурго-Крестовскаго
моста, дача Воробьева, № 6.

Конечно, не всегда Шеллеръ въ подобныхъ исторіяхъ могъ оправдаться именемъ издателя или обстоятельствами; но большинство изъ насъ склонно вспомнить Шеллера добрыми его поступками, чѣмъ недостатками и слабостями. Мнѣ, такъ много ему обязанному, трудно было сначала мириться съ его нетерпящимъ возраженій характеромъ и злыми отзывами объ отсутствующихъ лицахъ. Я перешелъ въ разговорѣ съ нимъ на «ты» послѣ долгихъ лѣтъ нашего знакомства, когда положительныя стороны его жизни, въ совокупности, невольно подчиняли ему окружающихъ его людей и располагали ихъ искренно уважать покойнаго писателя.

XVIII.

Поправка Шеллера къ направленію 60-хъ годовъ.—Его защита 60-хъ годовъ.—Шеллеръ и Лѣсковъ о «Мимочкѣ».— Посмертное стихотвореніе А. К. Шеллера: «Инвалиды Жизни».

У меня имѣется портретъ Н. Г. Чернышевскаго, подаренный мнѣ А. К. Шеллеромъ, съ собственноручной на немъ надписью послѣдняго:

Самоотверженный и честный нашъ боецъ,
Онъ весь принадлежалъ къ иному поколѣнью,
Которое пробить успѣло, наконецъ,
Народу русскому пути къ освобожденью.

Конечно, «пути къ освобожденью» пробивались исключительно литературными идеями «шестидесятниковъ», къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ и самъ Шеллеръ. Но онъ во многомъ и расходился съ ними... Проф. Ор. Фед. Миллеръ признаетъ романы Шеллера «существеннымъ дополненіемъ и поправкою къ направленію 60-хъ годовъ» («Литературный Пантеонъ» 1889 г. № 1); но эта «поправка» была, разумѣется, въ духѣ прогресса, а не консерватизма. Главною причиною безхарактерности нашей молодежи Шеллеръ, какъ извѣстно, считалъ наши ничтожныя и деморализованныя семьи, а между тѣмъ преобладающими въ то время вопросами считались не моральные, а «государственные». Далѣе, Шеллеръ всегда проповѣдывалъ то, что «Гнилыя болота» осушаются медленно: «истинный переворотъ совершается въ теченіе многихъ трудныхъ лѣтъ». Онъ полагаетъ, что даже въ реформаціонный періодъ Европы мирные перекрещенцы и прочіе коммунисты создали хоть научныя доктрины и добились хотя чего-нибудь на извѣстное время, а воинствующіе, какъ незначительное меньшинство, не добились ни до чего. Что касается торжества Кромвеля въ Англіи, то его «воинствующее» направленіе противъ Стюартовъ поддержано было цѣлой страной. Недаромъ его называли «душою парламентарныхъ армій». Между тѣмъ, въ исторіи русскаго общества 60-хъ годовъ возникало не мало «воинствующихъ» партій и Шеллеръ отлично понималъ, что это направленіе маленькой горсти людей вызываетъ опустошеніе въ самой воодушевленной части русской интеллигенціи, и училъ ее отдѣлять мечты отъ дѣйствительности во имя общаго блага.

Когда я Шеллеру сказалъ, что одинъ изъ видныхъ дѣятелей по политическому дѣлу «193-хъ», Войнаральскій, съ ума сошелъ, онъ грустно отвѣтилъ:

— А интересно, приходило ли ему въ голову, что все его дѣло сгубило только своихъ, а другіе остались; что все это дѣло насильственной борьбы немногихъ съ массами вымело изъ Россіи честныхъ людей и свелось на истребленіе своихъ же? Есть отчего сойти съ ума!

Эту же мысль Шеллеръ проводитъ и въ заключительномъ словѣ о «революціонныхъ анабаптистахъ». «Они,—пишетъ онъ,—стремились силою пересоздать моментально все общество, весь его строй, всѣхъ людей; въ своемъ прямолинейномъ радикализмѣ они съ лихорадочною поспѣшностью шли отъ отрицанія къ отрицанію, въ неудержимой экзальтаціи, стирая съ земли всѣ существовавшія религіозныя традиціи и правительства, и ихъ горсть сразу очутилась лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полчищемъ враговъ, изъ которыхъ каждый отстаивалъ что-нибудь дорогое для него. На ихъ жестокія крайности общество отвѣтило не менѣе жестокими крайностями: оно было сильнѣе и побѣдило ихъ». Тѣ же взгляды о безполезности насильственной и открытой борьбы меньшинства съ совершенно неподготовленнымъ большинствомъ проводитъ Шеллеръ въ «Пролетаріатѣ во Франціи», останавливаясь съ надеждою не на его стачкахъ и баррикадахъ, но на «Ассоціаціяхъ» съ правомъ голоса. Въ посмертной статьѣ: «Мечты и дѣйствительность» (книжки «Недѣли» X—XII за 1900 годъ) Шеллеръ вновь возвращается къ предпочтенію производительной ассоціаціи Годэна (Фамилистеръ въ Гизѣ) яркимъ мечтамъ Фурье о быстромъ пересозданіи человѣчества съ средней продолжительностью жизни до ста сорока четырехъ лѣтъ, при полной свободѣ страстей, вознагражденіи по потребностямъ и т. д. Въ отрицаніи революціонной и мирной утопій (фурьеристовъ, икарійцевъ) на русской почвѣ заключается «поправка» Шеллера въ практическомъ смыслѣ къ направленію 60-хъ годовъ. «Добрыя намѣренія» 60-хъ годовъ преобладали въ то время во всемъ и принципіальная ихъ сторона не вызывала въ Шеллерѣ борьбы, какъ въ Достоевскомъ, Страховѣ и т. д. Но съ практической стороны Шеллеръ видѣлъ многое изъ шестидесятыхъ годовъ обреченнымъ на гибель. Воинствующія партіи были до такой степени высокаго о себѣ мнѣнія и малочисленны передъ организованными силами правительства, что здѣсь никогда и вопроса не существовало для Шеллера, чѣмъ должно кончиться ихъ столкновеніе;

но и для множества мирныхъ «коммунъ» шестидесятыхъ годовъ Шеллеръ, какъ и обруганный въ то время Лѣсковъ, не находилъ подготовленными ихъ сторонниковъ. Въ одномъ случаѣ внѣшнія противодѣйствія, а во второмъ—собственная распущенность только что эмансипировавшагося общества подрывали у Шеллера довѣріе къ торжеству радикальныхъ и быстрыхъ попытокъ измѣнить установившіеся и крайне испорченные нравы всѣхъ слоевъ общества. Одного изъ такихъ радикаловъ въ «Алчущихъ» авторъ заставляетъ произнести надъ собою приблизительно вѣрную оцѣнку и для большинства лицъ его времени:

— Ты фразеръ и больше ничего. Умѣешь говорить, а для какого бы то ни было дѣла нѣтъ ни силъ, ни выносливости, ни выдержки. Ему вспоминались мелочи его будничной жизни. Въ немъ развили въ дѣтствѣ брезгливость, но для чистоплотности ему нужны были слуги. Набить себѣ сотню папиросъ заразъ и прибрать оставшуюся пыль, на это у него не хватало терпѣнія и цѣлые дни у него всюду валялись гильзы, былъ разсыпанъ табакъ. Расчитать, что ему нельзя лечь спать въ дневной сорочкѣ, такъ какъ она должна служить и завтра, это ему приходило въ голову только тогда, когда по утру онъ видѣлъ, что сорочка грязна и измята, а чистой нѣтъ. Вставъ утромъ, онъ забывалъ прибрать постель, точно кто-то другой придетъ сдѣлаетъ это, но этотъ другой не приходилъ и постель оставалась въ безпорядкѣ. Мало-по-малу его комната приняла отвратительный видъ безпорядка и опротивила ему, барчуку, но этотъ безпорядокъ не пріучилъ его дѣлать все то, что прежде дѣлали за него другіе. Вспоминая въ тюрьмѣ эти мелочи, онъ думалъ: гдѣ же мнѣ дѣлать какое-нибудь болѣе крупное дѣло, когда я не способенъ былъ даже свою жизнь устроить такъ, какъ хотѣлось бы; слуги нужны, нужны люди, которые все дѣлали бы за меня, а я только удобствами пользовался бы.

Исключительные люди, конечно, были въ этомъ поколѣніи, но Шеллеръ въ оцѣнкѣ историческихъ задачъ считался съ массами, а не съ единицами. Это поколѣніе en masse воспитало и нынѣшнюю «мертвую молодежь». Не могу не вспомнить при этомъ и жесткій отзывъ Шеллера о ней.

— «Я поѣхалъ поправить здоровье за границу, говорилъ онъ. И все было бы хорошо, если бы не мой компаньонъ. Я взялъ съ собою студента 2-го курса, очень милаго и честнаго юношу, но совсѣмъ мнѣ чужого. Я зналъ его семью очень давно и мои отношенія были такія: когда я приходилъ къ нимъ, то разговаривалъ

съ отцомъ и матерью, а сынъ обыкновенно сидѣлъ и молчалъ или уходилъ съ товарищами въ другую комнату. Теперь ему 22—23 года, и я думалъ, почему не взять его съ собой за границу на тотъ случай, если со мной случится дурно или я заболѣю?.. Выглядывалъ онъ крѣпкимъ и сильнымъ. Можетъ поднять меня и донести до кровати. Я такъ думалъ, но оказалось, что мнѣ этого мало... Какъ прежде у себя дома онъ не принималъ участіе въ моихъ разговорахъ и не могъ обмѣниваться со мною серіозными мыслями, такъ и теперь онъ сидѣлъ около меня, но обмѣна мыслей между нами не было. Онъ говорилъ и не мало, но это не были мысли... Онъ восторгался зданіями, видомъ природы, провѣрялъ въ гостинницахъ мои счета; но мнѣ нужно было немножко «души» его, и ее-то я не находилъ въ теченіе 40 дней, проведенныхъ мною съ нимъ за границей. Когда мы пріѣхали въ Люцернъ, то я цѣлыхъ три дня писалъ разсказъ о самоубійствѣ и этой темой я обязанъ моему компаньону, 23-лѣтнему студенту петербургскаго университета... Всякую молодость я видѣлъ на своемъ вѣку; но такая, какъ эта, признаюсь, меня поражаетъ. Представь, какой я ни на есть писатель, но за 30 лѣтъ я написалъ немало, и говорятъ, что публика меня любитъ читать... А этотъ студентъ не прочелъ ни одной моей книжки. Онъ слышалъ обо мнѣ, знаетъ о моемъ существованіи, читалъ обо мнѣ фельетоны въ газетахъ, поругивающихъ меня за то, что я не Тургеневъ, но самъ онъ не можетъ судить обо мнѣ, такъ какъ ничего моего не читалъ. Можешь судить, какъ пріятно было мнѣ, русскому писателю, ѣхать съ такимъ человѣкомъ. Но этого мало, что онъ знаетъ лишь о моемъ существованіи и то, что я написалъ много книгъ. Онъ еще думаетъ, что писалъ-то я потому, что мнѣ надо было жрать... Ничего другого онъ не представляетъ въ душѣ русскаго литератоѳа, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ прочихъ людяхъ. Затѣмъ подобные господа, съ молокомъ на губахъ, имѣютъ склонность поучать насъ стариковъ... Онъ все находилъ во мнѣ не такъ, какъ бы слѣдовало: и денегъ я много трачу, и прислугѣ напрасно даю на чай, и настроеніе у меня мѣняется безъ достаточныхъ основаній и, наконецъ, не практично я смотрю на жизнь. «Послушай, замѣтилъ я ему однажды, я взялъ тебя на тотъ случай, чтобы ты былъ при мнѣ, если я захвораю, но вовсе не затѣмъ, чтобы ты былъ моимъ опекуномъ и учителемъ. Научить я тебя могу всему, а ты меня ничему». Дошло до того, что онъ сталъ просить у меня деньги на храненіе изъ боязни, что я ихъ потеряю. «Вѣдь

мнѣ тогда, говорю я ему, не только не на что будетъ вернуться домой, но даже телеграмму послать... Потому что ты-то и потеряешь ихъ, а я шестой разъ ѣзжу за границу и ни одного рубля до сихъ поръ не потерялъ». Вотъ до какихъ рѣзкостей я долженъ былъ доходить съ нимъ. А онъ все учитъ и все учитъ. Пишу я, а онъ смотритъ на меня и, вѣроятно, думаетъ: «Дуракъ! дуракъ! Ну, зачѣмъ пишешь, если умрешь скоро? Чего возишься—практично ли это?..» Вѣдь ты умрешь—хочетъ онъ сказать мнѣ въ лицо—и скажетъ... Вотъ это какіе практики. Безчувственные. Чуткости у нихъ никакой. Нужно сказать, что мой адресъ въ Петербургѣ перепутали, и вышло то, что мой спутникъ получаетъ по 2—3 письма, а я ни одного. Въ Петербургѣ холера и я въ ужасѣ думаю: да не перемерли ли тамъ всѣ мои? Возвращаюсь я однажды огорченнымъ съ почты, онъ меня встрѣчаетъ съ веселымъ видомъ и говоритъ: «ну, что—грибъ съѣлъ? Опять ничего?». Ну, я его тутъ уже попросилъ серіозно болѣе не кормить меня грибами и помнить, что еслибы у него умеръ отецъ или мать, то я бы не смѣялся... Вотъ до какихъ разговоровъ довелъ меня этотъ представитель нынѣшней университетской молодежи. Можешь судить, какъ тяжело мнѣ было отъ того, что я не нашелъ въ немъ души. А мнѣ нужна была душа, съ которой бы я могъ и поговорить, и посовѣтоваться, и погрустить объ общихъ намъ печаляхъ... Вѣдь были же раньше молодые люди, съ которыми я могъ жить душою; я больше ихъ зналъ, и они интересовались тѣмъ, что я зналъ; этотъ нѣтъ и все только меня же училъ, что я и подобные мнѣ напрасно жизнь прожили, что идеями ее не исправишь, это люди сами умѣютъ жить, безъ нашихъ сочиненій. Есть отъ чего было съ ума сойти. Я не даромъ три дня писалъ разсказъ о самоубійствѣ: меня вдохновлялъ новый человѣкъ, котораго я вывезъ изъ Россіи посмотрѣть на Европу... А что онъ въ ней видѣлъ, спрашивается, когда онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка. Единственно, что онъ вынесъ изъ этой поѣздки, это сознаніе, которое онъ и высказалъ громко... «Здѣсь, за границей, забудешь, какъ лобъ крестить передъ обѣдомъ и послѣ обѣда». Ему даже молиться не нужно, а только лобъ крестить... Я зашелъ однажды съ нимъ въ католическую церковь, привлеченный туда удивительной музыкой и чрезвычайно пышной церемоніей. Онъ вошелъ въ церковь и вдругъ испуганно говоритъ:

— Пойдемъ отсюда... Лучше въ другой разъ.

— Какъ? Почему?

— Въ неслужебное время зайдемъ... Вѣдь это католическое богослуженіе.

— Да, что ты: жидъ, что ли?—воскликнулъ я.—Христосъ то у насъ одинъ! Онъ остался, но все время какъ бы порывался вонъ, очевидно, боясь сдѣлаться еретикомъ. И это студентъ петербургскаго университета... Кругомъ насъ идутъ рѣчи, собранія рабочихъ, совершаются крупныя событія, а онъ ни о чемъ меня не спроситъ; я ему и съ этой стороны, и съ той указываю на Европу, онъ внимательно выслушиваетъ, согласится, а потомъ займется какимъ-нибудь пустякомъ: либо письма пишетъ товарищамъ, либо принимается въ десятый разъ читать одну и ту же книгу и, не дочитавъ, уйдетъ гулять... Ну, однимъ словомъ, около насъ жизнь била ключемъ, а въ номерѣ у меня сидѣла мертвая душа... И онъ совсѣмъ не испорченный мальчикъ, и даже не членовредитель въ будущемъ. Хорошо, что неособенно уменъ! Вѣдь это тоже счастье въ современныхъ людяхъ... По моему, онъ будетъ счастливымъ и уважаемымъ человѣкомъ. Сойдется съ дѣвушкой и женится. Будетъ имѣть товарищей, но не будетъ знать, на что товарищъ живетъ и обѣдаетъ ли онъ каждый день. Словомъ, онъ вдохновилъ меня разсказомъ о самоубійствѣ; но, разумѣется, я былъ бы искренно радъ ошибиться во всѣхъ моихъ предсказаніяхъ и заключеніяхъ объ этомъ и честномъ, и порядочномъ молодомъ человѣкѣ...

— Чѣмъ ты объясняешь,—спросилъ я:—что такіе молодые люди выростаютъ по преимуществу въ радикальныхъ семьяхъ?

— Мы,—отвѣтилъ Шеллеръ:—ихъ отцы, слишкомъ много занимались общественными дѣлами, а не своими дѣтьми; оттого послѣдніе и выросли нашими врагами... Иногда мнѣ кажется, что все дѣло 60-хъ годовъ пошло на смарку, когда я наблюдаю—кто идетъ намъ на смѣну. Тогда я пишу главы въ своихъ романахъ или повѣстяхъ о самоубійцахъ и, если самъ не рѣшаюсь послѣдовать ихъ примѣру, то только потому, что всѣхъ самоубійцъ считаютъ сумасшедшими... А я не хочу, чтобы про меня такъ говорили. У меня все болитъ и разстроено, но не голова... Этотъ органъ не отказывается до сихъ поръ служить мнѣ вѣрой и правдой.

Назрѣвшимъ и осуществимымъ нуждамъ своего времени Шеллеръ служилъ съ неизмѣнной вѣрностью въ теченіе всей своей жизни и не разу не вильнулъ въ сторону не только реакціонеровъ, но и толстовизма, народничества, марксизма, эстетовъ, декандетовъ и т. д.

Онъ никогда не покидалъ знамя, на которомъ стояли совершенствованіе личности и задачи государства, рѣшаемыя просвѣщенной интеллигенціей путемъ постепенныхъ реформъ, а не пугачевщиной. «Какъ не худъ чиновникъ, но онъ все же лучше дворника»,—говорилъ Шеллеръ о русскомъ мужикѣ.—«Какъ ни сладки мечты о пересозданіи снизу русской исторіи, но онѣ хуже дѣйствительности уже потому, что дѣйствительностью мы живемъ, и прогрессъ ея достижемъ»... Разумѣется этимъ замѣчаніемъ о направленіи нѣкоторой части молодежи 60-хъ годовъ къ ускоренію прогресса снизу — Шеллеръ констатируетъ явленіе, не входя въ обстоятельную его оцѣнку.

По существу онъ принадлежалъ все цѣло своему времени и горячо любилъ его. Изъ этой любви вытекало его отрицательное отношеніе и къ крайностямъ 60-хъ годовъ; но когда онъ не замѣчалъ этой любви въ другихъ критикахъ, то первымъ раздражался противъ нихъ. Однажды у него за столомъ со стороны гостей раздалось рѣзкое слово по адресу преждевременно сгубленныхъ молодыхъ силъ и надеждъ. Шеллеръ сердито слушалъ гостей, низко опустивъ красивую голову съ длинной бородой на грудь, и вдругъ рѣзкимъ замѣчаніемъ перебилъ разговоръ:

— Не меньше погибаетъ людей на войнѣ и никто изъ васъ не ругаетъ ихъ! Да, мы и безъ войны давно погибли отъ собственныхъ фразъ и считаемъ себя честными людьми!

— Мы все же приличнѣе ихъ...

— Кому дорого это приличіе эгоистическихъ и малоразвитыхъ людей? — горячился Шеллеръ.

— Среди насъ зарождались и лучшія идеи, а нигилисты только подхватывали ихъ.

— Въ бюрократической средѣ-то лучшія идеи?

— Ну, да на верху... Тамъ давали тонъ и литературѣ, и общественной жизни.

— Этотъ тонъ подхватываютъ газеты, а не литература! — уже крикомъ возражалъ Шеллеръ. — Радищевъ, Пушкинъ, Бѣлинскій, Герценъ и Толстой не воспитывались въ бюрократической средѣ, а сами воспитали верхи и общество. Что касается приличности, то когда видишь нынѣшнихъ прилизанныхъ молодыхъ людей, то боишься сказать, лучше ли они лохматыхъ?.. Тамъ было что-то живое у этихъ Рахметовыхъ, Базаровыхъ... Грубое и смѣлое, циничное, но молодое и напускное. Время могло ихъ исправить.

— Эти лохматые,—все еще неунимались оппоненты:—вызвал и прилизанныхъ людей... Крайности вызываютъ крайности.

— Ну конечно, — насмѣхаясь перебиваетъ Шеллеръ: — теперь Добролюбовъ виноватъ въ томъ, что въ «Русскомъ Обозрѣніи» редакторомъ состоитъ князь Цертелевъ, а сынъ генерала Исакова предсѣдательствуетъ у господъ литераторовъ... Вы всѣхъ хотите поровнять, а вѣдь и крайности надо различать между собою. Татары и Дмитрій Донской—крайности, но совершенно разныя.

— Татаръ онъ разгромилъ, но татарщину не выгналъ...

— Вотъ вы всегда такъ! Вездѣ найдете для себя выходъ. Скажешь, что цензура запретила книгу, а подскажете: «зачѣмъ авторъ такъ пишетъ, что его запрещаютъ», скажешь, что Наполеонъ казнилъ Орсини, а вы утверждаете, что онъ самъ погибъ. Для васъ исторіи не существуетъ и вы съ фактами распоряжаетесь «какъ съ тѣстомъ», по выраженію Тургенева. Помнете его и получите что хотите...

— Вы все берете факты изъ исторіи...

— Ну-съ? А у васъ точно воска въ рукахъ! Непремѣнно для философіи нужно касаться событій дня, о которыхъ и говорить-то въ собраніи страшно и которые интересны болѣе прокурорамъ,— кричалъ Шеллеръ, невольно заставляя замолчать спорящихъ съ нимъ лицъ.

Случился однажды и въ чужомъ домѣ скандалъ изъ-за шестидесятниковъ...

Одинъ изъ молодыхъ поэтовъ сталъ говорить, что Некрасовъ былъ картежникомъ, любилъ деньги, эксплуатировалъ духъ времени и совѣтовалъ Муравьеву «не щадить виновныхъ».

— Пройдутъ годы и забудутся недостатки Некрасова,—отвѣтилъ Шеллеръ;—но его стихотворенія останутся и найдутъ въ нихъ люди и поэзію, и честную мысль... Да и не современнымъ бы поэтамъ говорить о нравственныхъ недостаткахъ Некрасова!

— Отчего же,—продолжалъ поэтъ: — у большинства шестидесятниковъ идеи расходились съ дѣлами.

— А если ужъ такъ,—воскликнулъ Шеллеръ:—если мѣрить достоинства шестидесятниковъ и восьмидесятниковъ, то какъ назвать того молодого поэта, который ходилъ одновременно въ либеральную редакцію подъ собственнымъ именемъ, а къ князю Мещерскому подъ псевдонимомъ? Какъ назвать того же поэта, который посвящаетъ свои стихи чуть-ли не двадцати—тридцати лицамъ, все разныхъ направленій, а. въ день выхода сборника

своихъ стихотвореній, выставляетъ свою карточку въ витринахъ фотографа Шапиро? Къ этимъ средствамъ популяризовать себя шестидесятники никогда не прибѣгали и не умѣли служить разнымъ господамъ.

Страстныя обвиненія сыпались изъ устъ Шеллера, можетъ быть, и не вполнѣ основательныя на голову бѣднаго поэта, осмѣлившагося корить Некрасова частной его жизнью въ связи съ идеями шестидесятыхъ годовъ. Въ защитѣ своей шестидесятыхъ годовъ, Шеллеръ попутно захватывалъ даже и Л. Н. Толстого, когда кто нибудь нападалъ на него въ духѣ г. Мережковскаго, доказывавшаго въ петербургскомъ философскомъ обществѣ, что Толстому дороги не мистика и метафизика религіи, а жизнь по правдѣ, по любви и по разуму; что для Толстого Христосъ — «подсчитанная польза», прототипъ «Хозяина и работника» и потому онъ «опошляетъ» и «кощунствуетъ» надъ религіей. Шеллеръ самъ очень часто отзывался о Толстомъ несправедливо, но всегда съ точки зрѣнія 60-хъ годовъ въ защиту позитивизма въ наукѣ и государственныхъ реформъ сверху; а когда именно эта самая точка зрѣнія топталась гг. Мережковскими, то Шеллеръ вспыхивалъ гнѣвомъ и становился на сторону Толстого. Даже и обратное, неумѣлое нападеніе на Л. Н. Толстого въ тѣхъ случаяхъ, когда Толстого смѣшивали съ мистиками, тотчасъ же заставляло Шеллера протестовать. Помню онъ увидѣлъ у меня на столѣ книгу С. Н. Кривенки: «На распутьи» и прочелъ въ ней строки о томъ, что толстовскія общежитія исполнены «мистическимъ характеромъ».

— Да, почему это Левъ Николаевичъ или его послѣдователи «мистики»?—воскликнулъ онъ.—Мистицизмъ—это вѣрованіе въ таинственность, обряды и символы, какъ въ самое важное въ религіи. Но вѣрованіе въ доступные человѣческому уму «идеалы» — нельзя называть «мистицизмомъ». Иначе всѣ крупные поэты и мыслители-мистики. Я никогда не назову мистицизмомъ ученіе о томъ, чтобы положить душу свою за друга, отдать нуждающемуся послѣднюю рубашку, простить обиду врагу своему, заплатить за зло добромъ, воздерживаться отъ страстей,—въ особенности отъ обжорства и женщины. Между тѣмъ всѣ эти положительныя христіанскія мысли лежатъ въ основѣ каждаго такъ называемаго толстовскаго общежитія и его колоніи. Другое совсѣмъ дѣло, что на практикѣ его сторонники не послѣдовательны; но по существу мысли Толстого очень далеки отъ мистической философіи.

— А на счетъ женщинъ?—спросилъ я.—Что ты думаешь объ этомъ въ его ученіи?

— Да, вѣдь о воздержаніи и даже совершеннаго отреченія отъ нихъ говорилъ еще Пушкинъ: кому суждено стоять передъ грозой, тотъ стой одинъ и не приближай къ себѣ жены; а Берне развѣ не говорилъ, что какъ только онъ заведетъ фарфоръ, то сейчасъ же и трусить писать горячую статью. А если завестись женою и дѣтьми, такъ и совсѣмъ будешь писать съ оглядкой на нихъ передъ каждой мужественной фразой. Но допустимъ, какъ ты говоришь, что могутъ быть, и онъ, и она мужественными людьми и стоять «передъ грозой»—безбоязненно. Допускаю. Что же, однако, мистическаго и дикаго въ томъ, если мужчина будетъ воздерживаться даже отъ такой женщины? Кому это мѣшаетъ его воздержаніе въ размноженіи человѣческаго рода? Чѣмъ это противоестественно и вредно для него?

— Здѣсь возможна критика въ томъ смыслѣ, — отвѣтилъ я:— что если самому фанатику не вредно воздержаніе, то вредно для другихъ. Если индусскій факиръ и стоитъ на одной ногѣ всю жизнь, то вѣдь другіе на это не способны. Скопцы вредны тоже для другихъ своимъ ученіемъ, а сами они, фанатизированные, даже счастливы.

— Эта критика — пустой наборъ словъ, — перебилъ меня Шеллеръ. Вѣдь и факиры и скопцы понижаютъ своимъ ученіемъ по существу типъ человѣка; въ этомъ между нами нѣтъ спора. А «толстовское» воздержаніе отъ женщины чѣмъ понижаетъ или уродуетъ человѣка? Юноша не хочетъ влюбляться и говоритъ, что желалъ бы никогда не быть рабомъ своихъ страстей; что тутъ худого? Если даже онъ не выдержитъ подъ конецъ, то и временное воздержаніе полезно.

— Но вѣдь онъ убѣждаетъ въ этомъ людей невоздержанныхъ и они будутъ мучиться, если послушаютъ его.

— Да, чортъ съ ними, если они на этомъ дѣлѣ будутъ мучиться! Вѣдь всякая борьба съ своей природой — мучительна; но вѣдь только это одно и воспитываетъ въ человѣкѣ благородный характеръ. Слѣдовать своей природѣ способно и животное; одинъ человѣкъ борится съ ней. Особенно русскимъ-то юношамъ и дѣвицамъ крайне полезна проповѣдь противъ джерси и «влюбленія»... Вѣдь право на это уходитъ много силъ и еще больше всякаго обмана и негодяйства. Толстому дѣлаетъ честь, что онъ заговорилъ объ этомъ въ своей «Сонатѣ».

своихъ стихотвореній, выставляетъ свою карточку въ витринахъ фотографа Шапиро? Къ этимъ средствамъ популяризовать себя шестидесятники никогда не прибѣгали и не умѣли служить разнымъ господамъ.

Страстныя обвиненія сыпались изъ устъ Шеллера, можетъ быть, и не вполнѣ основательныя на голову бѣднаго поэта, осмѣлившагося корить Некрасова частной его жизнью въ связи съ идеями шестидесятыхъ годовъ. Въ защитѣ своей шестидесятыхъ годовъ, Шеллеръ попутно захватывалъ даже и Л. Н. Толстого, когда кто нибудь нападалъ на него въ духѣ г. Мережковскаго, доказывавшаго въ петербургскомъ философскомъ обществѣ, что Толстому дороги не мистика и метафизика религіи, а жизнь по правдѣ, по любви и по разуму; что для Толстого Христосъ — «подсчитанная польза», прототипъ «Хозяина и работника» и потому онъ «опошляетъ» и «кощунствуетъ» надъ религіей. Шеллеръ самъ очень часто отзывался о Толстомъ несправедливо, но всегда съ точки зрѣнія 60-хъ годовъ въ защиту позитивизма въ наукѣ и государственныхъ реформъ сверху; а когда именно эта самая точка зрѣнія топталась гг. Мережковскими, то Шеллеръ вспыхивалъ гнѣвомъ и становился на сторону Толстого. Даже и обратное, неумѣлое нападеніе на Л. Н. Толстого въ тѣхъ случаяхъ, когда Толстого смѣшивали съ мистиками, тотчасъ же заставляло Шеллера протестовать. Помню онъ увидѣлъ у меня на столѣ книгу С. Н. Кривенки: «На распутьи» и прочелъ въ ней строки о томъ, что толстовскія общежитія исполнены «мистическимъ характеромъ».

— Да, почему это Левъ Николаевичъ или его послѣдователи «мистики»?—воскликнулъ онъ.—Мистицизмъ—это вѣрованіе въ таинственность, обряды и символы, какъ въ самое важное въ религіи. Но вѣрованіе въ доступные человѣческому уму «идеалы» — нельзя называть «мистицизмомъ». Иначе всѣ крупные поэты и мыслители-мистики. Я никогда не назову мистицизмомъ ученіе о томъ, чтобы положить душу свою за друга, отдать нуждающемуся послѣднюю рубашку, простить обиду врагу своему, заплатить за зло добромъ, воздерживаться отъ страстей,—въ особенности отъ обжорства и женщины. Между тѣмъ всѣ эти положительныя христіанскія мысли лежатъ въ основѣ каждаго такъ называемаго толстовскаго общежитія и его колоніи. Другое совсѣмъ дѣло, что на практикѣ его сторонники не послѣдовательны; но по существу мысли Толстого очень далеки отъ мистической философіи.

— А на счетъ женщинъ?—спросилъ я.—Что ты думаешь объ этомъ въ его ученіи?

— Да, вѣдь о воздержаніи и даже совершеннаго отреченія отъ нихъ говорилъ еще Пушкинъ: кому суждено стоять передъ грозой, тотъ стой одинъ и не приближай къ себѣ жены; а Берне развѣ не говорилъ, что какъ только онъ заведетъ фарфоръ, то сейчасъ же и трусить писать горячую статью. А если завестись женою и дѣтьми, такъ и совсѣмъ будешь писать съ оглядкой на нихъ передъ каждой мужественной фразой. Но допустимъ, какъ ты говоришь, что могутъ быть, и онъ, и она мужественными людьми и стоять «передъ грозой»—безбоязненно. Допускаю. Что же, однако, мистическаго и дикаго въ томъ, если мужчина будетъ воздерживаться даже отъ такой женщины? Кому это мѣшаетъ его воздержаніе въ размноженіи человѣческаго рода? Чѣмъ это противоестественно и вредно для него?

— Здѣсь возможна критика въ томъ смыслѣ, — отвѣтилъ я:— что если самому фанатику не вредно воздержаніе, то вредно для другихъ. Если индусскій факиръ и стоитъ на одной ногѣ всю жизнь, то вѣдь другіе на это не способны. Скопцы вредны тоже для другихъ своимъ ученіемъ, а сами они, фанатизированные, даже счастливы.

— Эта критика—пустой наборъ словъ, — перебилъ меня Шеллеръ. Вѣдь и факиры и скопцы понижаютъ своимъ ученіемъ по существу типъ человѣка; въ этомъ между нами нѣтъ спора. А «толстовское» воздержаніе отъ женщины чѣмъ понижаетъ или уродуетъ человѣка? Юноша не хочетъ влюбляться и говоритъ, что желалъ бы никогда не быть рабомъ своихъ страстей; что тутъ худого? Если даже онъ не выдержитъ подъ конецъ, то и временное воздержаніе полезно.

— Но вѣдь онъ убѣждаетъ въ этомъ людей невоздержанныхъ и они будутъ мучиться, если послушаютъ его.

— Да, чортъ съ ними, если они на этомъ дѣлѣ будутъ мучиться! Вѣдь всякая борьба съ своей природой — мучительна; но вѣдь только это одно и воспитываетъ въ человѣкѣ благородный характеръ. Слѣдовать своей природѣ способно и животное; одинъ человѣкъ борится съ ней. Особенно русскимъ-то юношамъ и дѣвицамъ крайне полезна проповѣдь противъ джерси и «влюбленія»... Вѣдь право на это уходитъ много силъ и еще больше всякаго обмана и негодяйства. Толстому дѣлаетъ честь, что онъ заговорилъ объ этомъ въ своей «Сонатѣ».

Въ связи съ отзывомъ Шеллера о религіозныхъ воззрѣніяхъ Л. Н. Толстого, какъ олицетвореніи стремленія людей быть «совершенными», мнѣ хочется опровергнуть напечатанное сообщеніе о томъ, что какъ только былъ учрежденъ при академіи наукъ фондъ вспомоществованія заслуженнымъ и престарѣлымъ литераторамъ, такъ Шеллеръ, какъ «истинно русскій человѣкъ», тотчасъ же пошелъ къ священнику съ выраженіемъ ему своего счастья и отслужилъ молебенъ. Все это напечатано г. Ясинскимъ въ февральской книжкѣ его «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» и все это такъ не похоже на Шеллера...

Мнѣ хорошо было извѣстно равнодушное отношеніе Шеллера къ писательскому фонду при академіи наукъ, такъ какъ я же и писалъ въ комиссію при фондѣ о болѣзненномъ состояніи Шеллера и его переутомленіи (стр. 20). Послѣдствіемъ этого заявленія было назначеніе ему пенсіи въ 50 руб. ежемѣсячно, о которой онъ всегда говорилъ съ раздраженіемъ, такъ какъ, въ виду ея малаго размѣра, онъ все такъ не могъ оставить своихъ занятій по редакторству изданій и не переутомлять себя ими. Не понимаю, зачѣмъ это понадобилось г. Ясинскому дѣлать оцѣнку въ Шеллерѣ «русскаго человѣка» со словъ священника?! Ясинскій самъ зналъ усопшаго писателя много лѣтъ и могъ бы судить о немъ самостоятельно; все русское общество знаетъ также усопшаго писателя по его произведеніямъ, всегда раціоналистическаго содержанія и въ сферѣ нравственныхъ, и политическихъ вопросовъ; наконецъ, всѣ домашніе Шеллера знаютъ, что онъ чуждался духовенства и никакихъ во всю свою жизнь съ нимъ дѣлъ не имѣлъ, кромѣ похоронныхъ.

Въ партійномъ смыслѣ онъ никогда не былъ «русскимъ человѣкомъ», но въ идеальномъ смыслѣ былъ «западникомъ», скорбѣвшимъ о нашей отсталости и неподготовленности перешагнуть «средніе моменты» исторіи.

При всемъ его почитаніи Ауэрбаха, Штрауса, Ренана, Бюхнера, Бокля и Дарвина, онъ, какъ и множество литераторовъ изъ шестидесятниковъ, былъ чистокровнымъ идеалистомъ.

Онъ часто говорилъ о себѣ:

— Вотъ какой матеріализмъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ: я до сихъ поръ, по паспорту, числюсь «сыномъ», а мои духовные дѣти—они и въ литературѣ извѣстны: Д. Голицынъ, С. Воейковъ, В. Величко... давно уже статскіе совѣтники. Идеалисты!

Когда въ журналахъ «Сѣверный Вѣстникъ» временъ Флексера и «Жизни» времени С. В. Воейкова и Поварнина появились обвиненія 60-хъ годовъ въ грубомъ матеріализмѣ, отсутствіи философіи въ критикѣ и ничтожности всѣхъ идеаловъ, то Шеллеръ съ глубокимъ негодованіемъ восклицалъ:

— Какая это литературная честность молодыхъ писателей, если въ реакціонное время они хотятъ быть консерваторами! А несомнѣнно, нападающіе на 60-ые годы за ихъ практическое направленіе,—гордятся тѣмъ, что они съ молокомъ на губахъ, но уже консерваторы. Шестидесятые годы дали свободу крестьянамъ, земскія учрежденія, гласный судъ, законы о печати и т. д.

— Для литературы мало... Новыхъ принциповъ и философскихъ системъ они не дали, возразилъ ему однажды оппонентъ.

— То есть въ шестидесятыхъ годахъ мало занимались философіей, что ли? Такъ и слава Богу, что писатели перешли изъ отвлеченныхъ сферъ на землю. Когда идетъ общественная работа, тогда только бездѣльники философствуютъ въ сторонкѣ.

— Но, удовлетворивъ практическія нужды дня, шестидесятые годы ничего не оставили потомству.

— Да, васъ самаго, какъ еврея, не было бы среди насъ, если бы не шестидесятые годы! Вы бы безъ нихъ не были ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни здѣсь въ Питерѣ, восклицалъ Шеллеръ. Вѣдь въ шестидесятыхъ годахъ поднятъ вопросъ о примиреніи національностей, и только въ это время можно было переводить «Избранныя рѣчи Брайта», и писать длинныя статьи по поводу смерти Линкольна, и краткія по поводу собственныхъ огорченій на родинѣ. Только этому времени обязана и издательница журнала, въ которомъ вы главный сотрудникъ. Вѣдь женское образованіе—все цѣло есть результатъ шестидесятыхъ годовъ. До нихъ въ Россіи не было почти женскаго образованія, а шестидесятые годы создали и женскія гимназіи, и всякіе курсы. Если вы не отрицаете практическіе результаты 60-хъ годовъ, то о философіи мы уже не будемъ говорить.

Шеллеру трудно было переварить того, что во главѣ философскаго движенія появляются ординарнѣйшіе люди, какъ Мережковскій, Флексеръ-Волынскій и Чуйко въ критикѣ нѣкоторыхъ журналовъ, не внесшіе въ эту критику никакихъ новыхъ идей и новыхъ философскихъ системъ, но постоянно укоряющіе ими шестидесятые годы; Л. Гуревичъ (см. ея предисловіе къ ея роману «Плоскогоріе»).

и З. Гиппіусъ (см. «Новые люди)» — въ беллетристикѣ и даже въ поэзіи Минскій и Льдовъ. Шеллеръ часто говорилъ:

— Въ ряду съ Чернышевскимъ, Герценымъ, Добролюбовымъ, Кавелинымъ и Лавровымъ нынѣшніе философы, поругивающіе «матеріалистовъ» и мнящіе себя идеалистами,— не нашли бы мѣста для себя въ философскихъ отдѣлахъ русской журналистикѣ. Вотъ что для нихъ 60-ые годы и потому они всѣ противъ нихъ! Даже не въ ихъ направленіи причина тому, что они не имѣли бы никакого значенія въ ту эпоху; а просто въ томъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ и не считаются съ исторической жизнью народовъ. Они кричатъ о «метафизической идеализмѣ» внѣ времени и пространства; они исповѣдуютъ personalité въ то время, какъ на очереди стоитъ вопросъ объ общественныхъ формахъ жизни или о классовой борьбѣ и. т. д. Они думаютъ, что философіи нѣтъ дѣла до временныхъ задачъ русской исторіи и проповѣдуютъ «борьбу за идеализмъ», не умѣя даже иногда писать по русски... Всѣ эти выкрутасы «объ обнаженномъ новомъ углѣ ихъ души», о «новой мозговой линіи, о «бочкахъ психологіи», о «логическихъ аппаратахъ», о «лепесткѣ розы на блюдечкѣ», какъ доказательствахъ жажды новой жизни и новой философіи въ нихъ свидѣтельствуютъ неумѣнье освоиться съ русскимъ языкомъ и его красивыми оборотами, вслѣдствіе неначитанности и малаго образованія...

Помню Шеллеръ развернулъ книгу Волынскаго: «Борьба за идеализмъ» и прочелъ: «идеализмъ—созерцаніе жизни въ идеяхъ духа, въ идеяхъ божества и религіи—можетъ дать объясненіе искусству, законамъ художественнаго творчества, и живой импульсъ ко всякому иному творчеству—практическому, нравственному. И искусство, и сама жизнь представляются мнѣ способнымъ къ обновленію только на этомъ пути: просвѣтлѣніемъ сознанія идеями высшаго порядка, идеями, которыя почерпаются изъ экстазовъ души».

— Что это? восклицалъ Шеллеръ. На какомъ это языкѣ писано и о чемъ? Въ «экстазахъ души» г. Волынскаго я вижу наборъ словъ, а не философію объ идеализмѣ и обновленіи творчества. Обратите вниманіе при этомъ на слѣдующее обстоятельство: многія слова мы пишемъ черезъ ѣ, потому, что много читая, привыкли къ буквѣ ѣ въ этихъ словахъ. А вѣдь наши идеалисты нигдѣ ее не пишутъ, а потому, что они не начитаны. Разумѣется подъ буквою ѣ надо понимать правильность и красоту русскаго языка.

Эти «идеалисты» просто-напросто не начитаны, вопреки общему мнѣнію о нихъ и для меня это ясно по слогу, которымъ они пишутъ и романы, и трактаты.

— Какъ они печатаютъ тебя? Удивляюсь,—замѣтилъ я.

— Не только печатаютъ, но къ нашей чести мы въ добрыхъ отношеніяхъ,—отвѣтилъ Шеллеръ.—Я и самъ рѣдко читаю «Сѣверный Вѣстникъ», но меня тамъ печатаютъ... Вѣроятно потому, что редакція меня уже совсѣмъ не читаетъ. Иначе она бы не печатала «Конецъ Бирюковской дачи» рядомъ со статьей Л. Н. Толстого «О недѣланіи». Послѣдній совѣтуетъ недѣланіе въ своемъ условномъ смыслѣ, а я доказываю въ «Бирюковской дачѣ», что именно «не-дѣланіе» сгубило всю семью въ деревнѣ. Это большая неосторожность проповѣдывать въ настоящее время противъ излишествъ трудолюбія, точно русское общество страдаетъ имъ. Оно все страдаетъ отъ недостатка занятій и неумѣнья трудиться. Особенно это замѣтно въ дворянскихъ усадьбахъ. Деревня давно перестала быть для помѣщика его «монрепо»... Да, что помѣщикъ?! Мнѣ постоянно совѣтуютъ купить именьеце и поселиться въ немъ. А я чувствую, что тамъ-то и будетъ могила моему трудолюбію и моему тѣлу.

— Отчего такъ?—помню перебилъ Шеллера присутствовавшій одинъ изъ его докторовъ.

— Я не рожденъ быть Цинцинатомъ. Я большой прозаикъ... Я люблю природу, люблю деревню, фрухты и т. д. но все въ готовомъ видѣ. И нивы, и покосы мнѣ нравятся; но обработывать поле и сѣять я бы не могъ.

— Неужели? Это такое наслажденіе деревенскія работы, если онѣ не чрезмѣрны!

— А онѣ должны быть всегда чрезмѣрны въ деревнѣ! Никакого наслажденія не вижу въ нихъ!—перебилъ Шеллеръ. Я потому и считаю проповѣдь Л. Н. Толстого о прелестяхъ физическаго труда страшнѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ умный человѣкъ гораздо болѣе сдѣлаетъ въ области мысли за то время, которое онъ проведетъ за грядками въ саду или за шитьемъ сапогъ въ комнатѣ. Я не отрицаю физическій трудъ и очень самъ его люблю; но чтобы онъ не былъ обязателенъ и регулированъ. Какъ только скажутъ мнѣ сколько часовъ работать, такъ я возненавижу трудъ... Это все равно, что мои прогулки, Я очень много гуляю и люблю бродить по окраинамъ города. Но если бы мнѣ приказали ходить отъ угла Владимірской улицы до Адмиралтейства или въ другое мѣсто

съ часами въ рукахъ для какой нибудь полезной для меня цѣли, я бы возненавидѣлъ прогулки. Прогулка для дѣла или для здоровья для меня не мыслима.

— А вотъ я, наоборотъ,—воскликнулъ тотъ же докторъ.— Я не понимаю прогулку ради прогулки; я тоже хожу по улицамъ, но всегда по пути за какимъ нибудь дѣломъ. А такъ гулять я не могу.

— Весьма понятно,—отвѣтилъ Шеллеръ.— Во время прогулки доктора не дѣлаютъ операціи, а я, когда гуляю, я обдумываю планъ работы и гуляю съ удовольствіемъ. Я всегда думаю на ходу, пишу за маленькимъ столомъ, но сейчасъ же перемѣню образъ жизни, какъ только его сдѣлаютъ для меня обязательнымъ. Такъ и деревня. Она хороша, пока я не обязанъ въ ней жить и не принужденъ обратиться въ бездѣльныхъ Ломовыхъ или хищныхъ Кожуховыхъ изъ «Алчущихъ». А именно чрезмѣрный трудъ, прямо какъ цѣль жизни, а не средство къ наслажденію собственной совѣстью въ занятіяхъ — обязателенъ для деревенскаго жителя. Природный мужикъ при этомъ можетъ и не быть хищникомъ въ средѣ подобныхъ ему тружениковъ, но нашъ братъ изъ интеллигентовъ никогда не будетъ мужикомъ! Я потому и ненавижу положительные идеалы Толстого, что вижу въ нихъ отрицаніе самой простой очевидности въ русской жизни. Своимъ огромнымъ талантомъ Л. Н—чъ раскрываетъ сущность государства и провозглашаетъ свободу; но свобода хороша, когда ею дѣлаютъ добро, а не зло. Свобода для зла—самая ужасная вещь въ послѣднемъ словѣ прогресса. На этой свободѣ въ нигилистическихъ семьяхъ воспитываются дѣти самыми отчаянными эгоистами; во имя этой свободы «эгоисты» сходятся въ колоніи и разбѣгаются обозленными и оклеветанными другъ другомъ; во имя этой же свободы люди сегодня держатся одного мнѣнія, а завтра передумываютъ и именемъ свободы оправдываютъ себя... А вѣдь съ такимъ народомъ никакого практическаго дѣла нельзя имѣть; никакой увѣренности, что они не измѣнятъ вамъ и не уйдутъ къ врагамъ. Кромѣ свободы, существуютъ обязательства, долгъ, гордость, честное слово, достоинство партіи и т. д. Только въ тѣхъ колоніяхъ и держутся наши свободолюбивые эгоисты, гдѣ—какъ въ разсказѣ М. Ермолиной: «Въ интеллигентной колоніи» («Историческій Вѣстникъ» 1898 года, № 12)—они чувствуютъ неослабленный контроль и судъ надъ собою. А «Фамилистеръ» Годэна

развѣ не держится, между прочимъ, строгимъ режимомъ [1])? Да, я и не могу себѣ представить никакого общежитія безъ администраціи и «уставовъ»; безъ обязательнаго и даже усиленнаго труда. Можетъ быть потому я и живу свободной профессіей литератора и не могу себя представить въ коммунѣ съ большинствомъ или меньшинствомъ. Но что я самъ не люблю и всячески избѣгаю, того нельзя избѣгнуть въ массѣ. Толстой можетъ уѣхать на островъ Робинзона и всѣ поѣдутъ искать его и привезутъ ему пить—ѣсть. А въ массѣ люди никуда не уйдутъ другъ отъ друга. Они жмутся другъ къ дружкѣ, договариваются до чего нибудь, устраиваютъ у себя свои порядки и большинство охраняетъ ихъ. Въ маленькомъ кружкѣ чувствуется деспотизмъ еще сильнѣе и ближе, чѣмъ въ большомъ государствѣ; дѣло совсѣмъ не въ томъ. Чѣмъ дороже принципы, тѣмъ настойчивѣе и деспотичнѣе люди идутъ на охрану ихъ. Этого не избѣгнуть! Это въ натурѣ человѣка. Но необходимо додуматься до истинно великихъ принциповъ; несчастіе въ томъ, что такими принципами считаютъ въ настоящее время то благодѣянія капитализма, то ученіе Толстого о томъ, что, въ виду принудительной организаціи нашей жизни, пожалуй, растенія ближе къ Богу и счастливѣе, чѣмъ люди...

Въ бесѣдѣ о Л. Н. Толстомъ, Шеллеръ часто возвращался къ излюбленной мысли объ игнорированіи Толстымъ дѣйствительности. Конечно, Шеллеръ не былъ на сторонѣ подавленія личности въ общинѣ или государствѣ, но онъ часто говорилъ:

— Свой собственный уголъ дается чрезмѣрнымъ, точно наказаніе, трудомъ; свобода у себя въ кабинетѣ обезпечена мучительнымъ сознаніемъ того, что такого кабинета нѣтъ у большинства и что мы рождены не для наслажденій, а для трудно выполнимаго долга въ распредѣленіи благъ передъ обездоленными во всемъ необходимомъ [2]).

---

[1]) По правиламъ «Фамилистера» въ Лекэнѣ, каждому рабочему «держать у себя цвѣты позволяется, но нельзя ничего бросать изъ окна, даже клочка бумаги, потому что онъ можетъ влетѣть въ чью-нибудь комнату, и мы оскорбимъ этимъ жильца». Всѣ эти крайности и строгости, разумѣется, стѣснительны: но кто хочетъ пользоваться положительными преимуществами «Общежитія», тотъ охотно подчиняется регламентаціи «Народного дворца». Всѣ блага жизни даются людямъ дорогою цѣною и только эгоисты воображаютъ пользоваться ими вполнѣ свободно, ничѣмъ не жертвуя за нихъ.

[2]) Интересно, чтобы сказалъ Шеллеръ, прочитавъ въ статьѣ М. Меньшикова («Недѣля», № 1 за 1901 г.) совершенно иныя строки: «Я глубоко вѣрую въ не-

Шеллеръ не былъ при этомъ сторонникомъ Рахметова и не предлагалъ идти въ бурлаки, чтобы раздѣлить общую судьбу съ народомъ. Онъ находилъ интеллигенцію къ этому совершенно неспособный и считалъ гораздо полезнѣе для нея остаться интеллигенціей; но не для блаженства, а для наилучшаго устроенія жизни большинства, путемъ ограниченія своихъ правъ надъ нимъ и страданій за него. Онъ былъ радикаломъ, но государственникомъ и гуманистомъ. Онъ первымъ бы привѣтствовалъ самодѣятельность массъ, но онъ не вѣрилъ въ нее въ данный періодъ времени и ждалъ движенія въ благородномъ меньшинствѣ русскаго общества. Посвящая сочувственныя статьи исторіи европейскихъ народовъ (XV томъ), онъ вѣрилъ въ его прогрессъ за его собственный счетъ и понималъ всю естественность западно-европейской соціаль-демократіи, но Россія была для него въ настоящемъ періодѣ своего развитія государствомъ чиновническимъ и земскимъ, съ участіемъ и преобладающимъ значеніемъ интеллигенціи.

— У каждаго народа свои обстоятельства и только отвлеченный идеалъ одинъ и тотъ же,—говорилъ онъ неоднократно.

Въ совмѣстной работѣ русскаго общества и правительства шестидесятыхъ годовъ, онъ видѣлъ самое нормальное разрѣшеніе государственныхъ задачъ и всякій разъ радостно привѣтствовалъ

обходимость и возможность счастья, я увѣренъ, что мы посланы въ этотъ міръ для блага, для ничѣмъ неомрачаемаго блаженства. Я до такой степени твердо убѣжденъ въ этомъ, что не смотря на милліонъ терзаній личной, какъ у большинства, испорченной жизни, я минутами чувствую себя безгранично счастливымъ, обязаннымъ вѣчною благодарностью Тому, Кто послалъ меня сюда. Но при всемъ оптимизмѣ, я легко вижу гибель жизни и въ самомъ себѣ, и въ человѣчествѣ,—и если не прихожу въ отчаяніе, то потому лишь, что вѣрую въ болѣе прочное бытіе, чѣмъ вотъ это, видимое. Когда мнѣ говорятъ о безконечныхъ ужасахъ гдѣ-нибудь въ Индіи или гораздо ближе, о погибающихъ отъ холода, голода, грязи, насѣкомыхъ, бактерій, сифилиса, пьянства, отъ лютой жестокости ближнихъ, отъ непрогляднаго невѣжества, рабства, низости... Когда мнѣ говорятъ это, я чувствую то же самое, какъ подмѣчая въ себѣ смерть лучшаго, что во мнѣ есть. Жаль, смертельно жаль, но что же дѣлать. Совершается нѣчто серьозное, должное, нѣчто заслуженное и предопредѣленное тою же Волей, которая всегда священна. Ты несчастенъ? говорю я себѣ или погибающему народу. Если такъ, то это твое право на смерть, а не на жизнь. Если ты несчастенъ въ условіяхъ блаженства, которыя заложены въ самой природѣ, стало быть, природа извратилась въ тебѣ и чѣмъ скорѣе ты исчезнешь, тѣмъ лучше. Или найди въ себѣ божественныя силы и освободись отъ страданій, или уйди отъ нихъ въ иное бытіе, убери изъ свѣжей и ясной природы рубище своего тѣла, рубище души. Кому нужна эта грязь подъ солнцемъ, и прежде всего нужна ли она самому тебѣ?»

время отъ времени признаки взаимности и довѣрія между этими внутренними силами нашей родины. Отсюда проистекало его недовольство и отреченіемъ Толстого отъ историческаго пути Россіи, и заимствованіемъ марксистами послѣдней капиталистической фазы европейской исторіи. Въ пониманіи русской исторіи онъ былъ постепеновцемъ, но съ яснымъ разумѣніемъ западно-европейскаго прогресса и всѣхъ его преимуществъ. Признавая нашу отсталость въ государственной жизни и не раздѣляя поэтому множества политическихъ програмъ Запада, Шеллеръ въ то же время преклонялся передъ европейской цивилизацiей и всегда чуждался формулы «Россія для Россіи»...

Преклоняясь передъ историческимъ значеніемъ шестидесятыхъ годовъ, Шеллеръ самъ былъ исполненъ многими ихъ литературными особенностями. Я, однажды, спросилъ у него про одного начинающаго (П. И. К—го) писателя:

— Знаешь ли ты что-нибудь о немъ?

— Цѣлый романъ его лежитъ у меня,—отвѣтилъ Шеллеръ.

— Не дуренъ?

— Дуренъ онъ или нѣтъ, но я его не пропущу, если бы даже цензура пропустила. Авторъ касается въ немъ студенчества, сходокъ, разговоровъ и все это подвергается поруганію. Слова нѣтъ въ томъ, что молодежь, ужъ по одному тому — что она молодежь, глупо себя ведетъ на всякихъ собраніяхъ и отъ ея разговоровъ уши вянутъ... Ну, ужъ такова судьба и всякой молодежи, и не у насъ только въ Россіи. Но у насъ еще рано описывать студенческія сходки и нападать на самое направленіе умовъ. Еще очень рано писать правдивую исторію русскаго общества послѣднихъ царствованій. Правдиво не напишешь, и будешь только преслѣдовать то самое общество, въ которомъ самъ выросъ и воспитанъ. Это значитъ плевать въ блюдо, изъ котораго самъ же и ѣшь... Что такое, напримѣръ статья Я. Абрамова о Н. К. Михайловскомъ въ «Недѣлѣ»: «По разнымъ вѣдомствамъ», какъ не плеванье въ собственное блюдо?.. Онъ работалъ въ одномъ направленіи съ Михайловскимъ и его же ругаетъ? На подобное замѣчаніе, мнѣ отвѣтили:

— Значитъ, вы не признаете свободной критикѣ?

— Признаю, возразилъ я,—но въ тоже время я отлично помню, что мы не такъ богаты друзьями, какъ врагами. Я вполнѣ понимаю Лаврова, который однажды вышелъ изъ сотрудниковъ журнала, гдѣ былъ обруганъ своей же единомышленникъ. Лавровъ прямо поста-

вилъ вопросъ: имѣетъ ли право писатель нападать на недостатки своихъ, когда мы еще не справились съ врагами, и когда не хватаетъ силъ на борьбу съ ними? Можно ли тратить силы на своихъ и не ослабляетъ ли это насъ? А если друзья бездарны—должны ли мы и въ этомъ случаѣ молчать? Должны по той причинѣ, что у васъ не хватаетъ знанія и таланта переругать враговъ... Мы еще не справились съ противнымъ намъ лагеремъ; зачѣмъ же приниматься за своихъ и разобщать преждевременно свои силы. Дай Богъ, чтобы у васъ хватило силы и солидарности одолѣть непріязненныхъ намъ писателей, а на своихъ еще рано нападать... Удивляюсь я также Скабичевскому. Вѣдь, не въ Чухломѣ онъ живетъ, а въ Петербургѣ. Неужели онъ не знаетъ, что Орлицкій—это Окрейцъ? Вѣроятно, не зналъ, если онъ расхвалилъ у насъ въ «Сынѣ Отечества» его романъ, печатавшійся въ «Наблюдателѣ». Ну, я не читалъ этого романа. Да, вѣдь, я знаю, что такое Окрейцъ въ литературѣ! Пусть романъ будетъ написанъ талантливо и даже геніально, но я знаю, что въ его геніальной обложкѣ всегда что-нибудь завернуто скверное... Ужъ безъ того не могутъ ничего написать гг. Окрейцы. Весь ихъ талантъ—въ прекрасной оберткѣ, но которую лучше не разворачивать.

Разговоры съ Шеллеромъ всегда носили печать его преданности лучшимъ традиціямъ русской литературы. Помню, послѣ представленія драмы О. Шапиръ: «Глухая стѣна», у Шеллера былъ кн. Голицынъ (Муравлинъ), который отозвался о драмѣ въ томъ смыслѣ что въ ней все «вымышленныя лица».

— Это онъ правду говоритъ, — сказалъ я, когда Голицынъ ушелъ.—Жаль, что самъ онъ началъ «Теноромъ», а до конца не дотянулъ...

— Не дотянулъ! — воскликнулъ Шеллеръ. — Ну, да, знаешь, консерватизмъ его плохо вяжется съ «Теноромъ», «Бабой» и «Убогими и нарядными». Вѣдь это выведены все лица изъ большого свѣта и теперь идти на защиту ихъ въ «Русскій Вѣстникъ» уже поздно.

— И что такое беллетристъ-консерваторъ?—перебилъ я.—Вѣдь беллетристъ прежде всего наблюдаетъ жизнь и старается правдиво разсказать ее. Какъ же быть консерваторомъ, если видишь кругомъ пороки и невѣжество?

— Нужно сочинять добродѣтели и писать въ «Паломникѣ», — отвѣтилъ Шеллеръ.

— Если нельзя быть правдивымъ консерваторомъ въ беллетри-

стикѣ,— продолжалъ я,— то также трудно быть имъ въ публицистикѣ. Вернуть Россію ко временамъ Грознаго—вотъ прямая задача консерватизма, если послушать его сторонниковъ о томъ, что нашъ народъ распустился и что слѣдуетъ его вновь привести къ Іисусу.

— Разумѣется, другого нѣтъ толкованія нашего консерватизма,—согласился Шеллеръ и добавилъ:—я перечитываю теперь «Русскую Старину» и, натыкаясь на воспоминанія объ екатерининскомъ времени, вижу, что женщины въ то время отличались большей жестокостью, чѣмъ мужчины. Не одна была Салтычиха, а существовало ихъ множество. Одна изъ такихъ, нѣкая Козловская, выжигала свѣчей волосы на тѣлѣ крѣпостныхъ, приказывала парнямъ наказывать розгами дѣвокъ, а потомъ обратно; привязывала женщинъ къ каменному столу, такъ, чтобы ихъ груди лежали на столѣ и сама била розгами по этимъ грудямъ и т. д. Народъ все вынесъ, все перетерпѣлъ, и теперь консерваторы хотятъ это терпѣніе народа возвести въ его достоинство и, сообразно этому, сочинять программы для будущаго. Другого позади насъ въ прошломъ нѣтъ идеала, а все, что тянется въ Европу, дѣлается уже либеральнымъ у насъ. Беллетристы-консерваторы въ родѣ Голицына-Муравлина не хотятъ этого понять, когда пачкаютъ себя признаніемъ въ томъ, что они—консерваторы.

Шеллеръ не находилъ никакого извиненія консерваторамъ изъ молодаго поколѣнія, любящимъ мѣрить свои силы на шестидесятыхъ годахъ и его лучшихъ представителяхъ.

Блестяще образованный молодой человѣкъ, самоувѣренный до наглости и очевидно совершенно незнакомый съ характеромъ Шеллера, распространился у него въ кабинетѣ о томъ, что «Лассаль-хлыщъ и въ наукѣ, и въ революціи».

— Это нѣсколько большаго размѣра тотъ же Чернышевскій, ораторствовалъ онъ. Лассаль никогда не могъ бы быть основателемъ объективной школы экономистовъ и вождемъ общества... Это человѣкъ кружка и государственникъ, но недостаточно радикальный и слѣдовательно склонный къ компромиссу и измѣнѣ.

— Вы того же мнѣнія и о Чернышевскомъ?—спросилъ Шеллеръ, впиваясь въ него злыми глазами.

— Никакого слѣда... Кромѣ сквернаго слѣда!.. не осталось въ русскомъ обществѣ отъ Чернышевскаго, Добролюдова и Писарева, смѣло отвѣтствовалъ расходившійся юноша. Даже Герценъ подъ конецъ жизни заговорилъ съ умиленіемъ о славянствѣ и оздравле-

нія Европы подъ вліяніемъ народно-русскихъ началъ. У всѣхъ этихъ русскихъ Лассалей подъ конецъ жизни получается разжиженіе мозговъ.

— Ну съ,—вскрикиваетъ Шеллеръ: вотъ вы всѣхъ костите, но я не вижу, чтобы вы сами что нибудь дѣлали и чѣмъ нибудь затмили бы лицъ, съ чела которыхъ рвете лепестки ихъ славы. Вы все говорите: то не хорошо, а это еще хуже и все говорите, а сами ничего лучшаго не дѣлаете. Я бы вамъ сказалъ, какъ заграницей подобныхъ вамъ людей называютъ, но здѣсь въ Россіи этихъ болтуновъ еще считаю вожаками молодежи.

— А какъ же ихъ считаютъ заграницей?

— Подстрекателями и шпіонами!—воскликнулъ Шеллеръ, уже совсѣмъ не владѣя собой.

Интересна также была его встрѣча на улицѣ съ однимъ изъ литературныхъ циниковъ. Послѣдній фамильярно спросилъ:

— А вы все, Александръ Константиновичъ, такъ же попрежнему горбъ гнете во имя шестидесятыхъ годовъ?

— Да, я по прежнему все еще честный человѣкъ, сердито отвѣтилъ Шеллеръ.

— Позвольте васъ познакомить съ моей женой... Я два года какъ женатъ.

— Неужели? И она до сихъ поръ не бросила васъ?—удивленно воскликнулъ Шеллеръ, отходя въ сторону.

По поводу «беллетристическихъ консерваторовъ» Шеллеръ любилъ дать волю своему языку.

— У этихъ беллетристическихъ консерваторовъ, злобно острилъ онъ: чрезвычайно развита критика на геніальныхъ писателей. Ну, положимъ, что у Салтыкова статскіе и тайные совѣтники не чувствовали его бича, а добродушно посмѣивались съ авторомъ вмѣстѣ надъ русской жизнью. Щедринъ—не Гоголь... Тургеневъ, по недоразумѣнію, провозглашенъ борцомъ за свободу крестьянъ, такъ какъ онъ никогда не описывалъ крестьянъ и всѣ его герои въ «Запискахъ охотника»—суть дворовые люди, а не крѣпостные. Л. Толстой — во Христѣ барствующій философъ—плохой стилистъ. Достоевскій путаетъ сознаніе общества своимъ «ученьемъ» и всѣ его герои взяты не изъ жизни, а представляютъ чистѣйшій вымыселъ и патологію. Всѣ произведенія неестественны. Самыя событія въ пространствѣ, а не на землѣ. Описываетъ онъ судъ и нигдѣ такого суда не бываетъ. Нѣтъ онъ опиши судебное засѣданіе, какъ оно идетъ у насъ въ Окружномъ Судѣ; а у него, по дѣлу Кара-

мазовыхъ, судьи и подсудимые въ гости другъ къ другу пришли. Это не судъ! Достоевскому слѣдовало бы быть сатирикомъ, а не романистомъ. У Хвощинской «рязанское міросозерцаніе» и даже у Шекспира есть что-то неестественное. У Гоголя «Мертвыя души» — одностороннее освѣщеніе помѣстной Руси; въ Фамусовѣ Грибоѣдова—не московское дворянство (истиннымъ изобразителемъ котораго надо считать одного Л. Н. Толстаго), а какой то «мѣщанинъ въ дворянствѣ» и, т. д. Все это такъ... Всѣ эти изъяны имѣются у нашихъ выдающихся писателей. Но почему всѣ эти беллетристическіе консерваторы въ восторгѣ отъ Надсона, Чехова и Гаршина? Здѣсь все естественно, правдиво и всесторонне! Они на нихъ развивались и учились чему-то въ символическихъ сказкахъ Гаршина: «О томъ, чего не было»; на Чеховѣ они научились языку, слогу и его картинности. Писатели съ бытовымъ содержаніемъ, надо полагать, страдаютъ недостаткомъ картины. Языкъ Гоголя не изященъ, а Чеховскій—точно на мѣди вырѣзанный: не прибавить и не убавить нельзя ни одной черточки, ни однаго слова. Даже типы Гоголя—карикатура, а живые люди у Чехова и Гаршина. Когда слышишь такія сужденія, то невольно думаешь, что Лейкинъ — прототипъ современныхъ беллетристовъ и ихъ вожаковъ.

Я указалъ на автора «Мимочки», какъ исключеніе изъ общаго правила.

— Ахъ, воскликнулъ Шеллеръ: размѣръ таланта очень маленькій, совершенно женскій. «Мимочка»—хороша. Сдѣлана прекрасно, но вѣдь дальше «Мимочки» авторъ и не пойдетъ. Автора хватило на «Мимочку» и ничего, кромѣ ее, вы неувидите. У Тургенева и у другого писателя изъ мужчинъ эта Мимочка сидѣла бы въ «дворянскомъ гнѣздѣ» и мы видѣли бы передъ собою цѣлое общество и цѣлый міръ чувствъ, идей и т. д. А тутъ началось «Мимочкой» и кончается ею. Авторъ очевидно знаетъ маленькій женскій мірокъ, наблюдалъ одну—двѣ семейки и копошится здѣсь, работая въ три—четыре года всего на два печатныхъ листа. Ну, можно ли ожидать отъ такого крохотнаго по объему, хотя и яркаго по силѣ, таланта въ будущемъ крупныхъ произведеній? Конечно нѣтъ. А «Мимочекъ» сколько угодно можно выкроить и у меня въ десяткахъ романахъ и повѣстяхъ, и у Боборыкина, и у кого хотите съ именемъ. Типъ «Мимочки» не новъ и кто же не описывалъ такихъ барышень и дамъ? Это маленькое женское существо можетъ интересовать и маленькаго автора. Написана она не дурно, но значеніе «Мимочки» ничтожно... Вѣдь, право, не всѣ жены и дочери у насъ «Мимочки».

Вѣдь это же клевета на русскую женщину, если видѣть въ «Мимочкѣ» представительницу нашихъ женщинъ. Есть среди нихъ Мимочки, но мы и знаемъ это давно... А вотъ мы знаемъ и многое другое, чего авторъ «Мимочки»—не знаетъ. Авторъ, говорятъ, сама женщина и неудивительно, что ея таланта хватаетъ на ближайшіе къ ней предметы. Но мы видимъ дальше, идемъ дальше и будущее принадлежитъ ужъ не какъ не автору «Мимочки». По мнѣ, даже Хвощинская крупнѣе и разнообразнѣе...

Долго еще говорилъ Шеллеръ о «Мимочкѣ» и говорилъ умно, ловко избѣгая достоинства этого произведенія и ничего не упоминая о томъ, что за послѣдніе 10—15 лѣтъ у насъ въ литературѣ не появлялось болѣе отдѣланнаго и умнаго произведенія, какъ «Мимочка».

Шеллеръ говорилъ только о томъ, чего нѣтъ въ «Мимочкѣ» и и конечно значительно принижалъ ее; но онъ былъ правъ въ томъ отношеніи, въ чемъ былъ правъ и Н. С. Лѣсковъ въ этомъ случаѣ. Послѣдній совѣтовалъ «Мимочкѣ» занять такое мѣсто, чтобы она не только «нравилась», какъ кружево, но чтобы она «жгла сердца людей». Авторша «не довела ее до этого» и, чтобы «довести», Лѣсковъ въ частномъ письмѣ писалъ о «Мимочкѣ» и другихъ лицахъ въ повѣсти слѣдующее:

«Изъ тѣхъ, кого встрѣтила на Кавказѣ Вава, кто-то (можетъ быть гувернантка актрисы) должны были открыть ей, что «въ дѣлахъ и вещахъ нѣтъ величія», и что «единственное величіе — въ безкорыстной любви. Даже самоотверженіе ничто по себѣ». Надо «не искать своего». Въ томъ «иго Христа»,—его «ярмо», хомутъ, въ который надо вложить свою шею и тянуть свой возъ обоими плечами. Величіе подвиговъ есть взмолка, которая можетъ отводить отъ истинной любви. И Скобелевъ искалъ величія. Въ Вавѣ надо было показать «поворотъ во внутрь себя» и пустить ея дальнѣйшій полетъ въ этомъ направленіи, въ которомъ бы она такъ и покатилась изъ глазъ вонъ, какъ чистое свѣтило, послѣ котораго оставалось бы несомнѣнная увѣренность, что оно гдѣ то горитъ и свѣтитъ, въ какомъ бы она тамъ не явилась положеніи.

«Прекрасный обликъ этотъ не обстановочная фигура въ родѣ нянекъ и армянина, а это, «переломъ лучей свѣта», и недоговоренность, незаконченность этого лица есть недостатокъ въ произведеніи умномъ и прекрасномъ.

«Я объ этомъ всегда буду жалѣть, если Вава нигдѣ дальше не явится и не покажетъ: «куда ее влекли души неясныя стремленья».

Я читалъ «Мимочку» четыре раза и, получивъ книжку отъ автора, прочиталъ еще въ 5-й разъ. Повѣсть все такъ же свѣжа, жива и любопытна, и притомъ манера писанія чрезвычайно искусна и пріятна. «Мимочку» нельзя оставлять: ее надо подать во всѣхъ видахъ, въ какихъ она встрѣчается въ жизни. Это своего рода Чичиковъ, въ лицѣ котораго «ничтожество являетъ свою силу». Одно злое непониманіе идеи можетъ отклонять автора отъ неотступной разработки этого характернаго и много объясняющаго типа.

«Я не нахожу въ «Мимочкѣ» никакого порока: по моему тамъ все гармонично и прекрасно. Что бы указать на какой нибудь недостатокъ надо придираться къ мелочамъ и такъ называемымъ «запланнымъ» фигурамъ. Напримѣръ Катѣ не дано ничего характернаго, хотя «сидитъ» она недурно. У Льва Николаевича горничная въ «Плодахъ просвѣщенія» совсѣмъ не естественная».

Мнѣ остается, кажется, уже немного подробностей, которыми можно будетъ закончить мои воспоминанія объ Александрѣ Константиновичѣ Шеллерѣ.

Онъ «заработался» въ русской литературѣ...

— Мнѣ,—часто говорилъ онъ:—отцомъ отпущено здоровья ровно на сто лѣтъ и, если я умру ранѣе, то все то, чего не хватитъ до ста лѣтъ, отняла литература...

Это было справедливо въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ его литературное положеніе съ каждымъ годомъ ухудшалось и, разумѣется, отражалось мучительно на его и безъ того, болѣзненно воспитанномъ еще въ семьѣ, неровномъ и сложномъ характерѣ. Литературная неудовлетворенность въ свою очередь внесла много трагизма въ характеръ Шеллера, о чемъ и I. I. Ясинскій писалъ слѣдующее:

«Блистательно началъ Шеллеръ литературное поприще въ «Современникѣ» романами «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова», блистательно продолжалъ свою писательскую миссію въ качествѣ литературнаго редактора «Дѣла», а въ цвѣтущую пору жизни долженъ былъ сдѣлаться редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія» и, приспособляясь къ уровню иллюстрированной публики и соотвѣтствующихъ сотрудниковъ, поневолѣ понизить свои идеалы и требованія, предъявленныя имъ къ самому себѣ еще въ то время, когда онъ отказался писать фельетоны, чтобы не повредить романамъ.

Ужасно положеніе большого писателя, когда онъ принужденъ редактировать разный хламъ и даже составлять объяснительный

текстъ къ глупѣйшимъ картинкамъ. Трагизмъ Шеллера начался съ «Живописнаго Обозрѣнія», которое давало ему возможность существовать, кормило его, но отравляло его нравственно и физически. Трагизмъ Шеллера былъ—въ тискахъ, въ которые онъ попалъ, какъ только вышелъ изъ «Дѣла». Онъ постоянно стремился къ самостоятельности—и не могъ обойтись безъ хозяина. Его угнетала зависимость отъ журнала съ картинками.

Ахъ, трагизмъ зависимости! Шеллеръ страдалъ отъ издательскаго ярма, пока «Живописное Обозрѣніе» принадлежало Добродѣеву. Но вотъ Добродѣева смѣнила какая-то неизвѣстная, но повидимому чрезвычайно бездарная компанія. И Шеллеру пришлось съ грустью сознаться, что цѣпи его рабства стали еще короче и тяжелѣе въ новыхъ условіяхъ.

Подставной редакторъ, несущій цензорскія обязанности ради куска хлѣба, и это кто же—Шеллеръ, тридцать лѣтъ тому назадъ бывшій властителемъ думъ молодежи, учитель поколѣній, писатель, въ мизинцѣ котораго было больше ума и чувства, чѣмъ во всѣхъ этихъ фактическихъ редактарахъ «Сына Отечества» вмѣстѣ взятыхъ!

Положительно, можно утверждать, что болѣзнь угнѣздилась въ Шеллерѣ и стала съѣдать его особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался оффиціальнымъ редакторомъ «Сына Отечества» и долженъ былъ скрѣплять своей подписью столбцы, наполненные самой вопіющей пошлостью. Самое имя его, нѣкогда такое обаятельное, не удерживало уже больше читателя. «Сынъ Отечества» хирѣлъ и, наконецъ, покончилъ дни свои отъ нравственнаго малокровія».

Отзывъ г. Ясинскаго о положеніи Шеллера въ редакціи «Сына Отечества» вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ объ этомъ публициста «Недѣли», М. О. М., который 26-го ноября писалъ о Шеллерѣ слѣдующее:

«Онъ выступилъ въ жизнь простымъ учителемъ, онъ первый знаменитый романъ свой писалъ, какъ онъ говорилъ мнѣ, за школьной перегородкой, за которой стоялъ шумъ и гамъ мальчишекъ. Онъ вошелъ въ самый передовой тогда, самый кипучій жизнью кружокъ, кружокъ «Современника», работалъ съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Писаревымъ, Благосвѣтловымъ. Но окончить свои дни ему пришлось, увы,—въ иной компаніи, въ кружкѣ «Сына Отечества». Это была печаль его послѣднихъ лѣтъ, предметъ его жалобъ и огорченій. Онъ видѣлъ, какъ люди бездарные усѣлись плотно въ его газетѣ и, прикрываясь его именемъ, какъ

редактора, ведутъ ее къ литературной смерти. Старику довелось пережить и эту смерть...».

Оба отзыва по адресу газеты «Сынъ Отечества» нѣсколько преувеличены. Погибшая газета велась безталанно, но никто въ ней не «прикрывался именемъ Шеллера» и не наполнялъ столбцы ея «вопіющей пошлостью». Шеллеръ былъ очень недоволенъ своимъ фальшивымъ положеніемъ въ редакціи «Сына Отечества», но его недовольство было болѣе чистаго свойства и потому болѣе серьезнымъ. Вообще нужно сказать, что въ этой исторіи г. Ясинскій и публицистъ «Недѣли», констатируя трагизмъ Шеллера въ литературѣ, идутъ по поверхности. Они оба упустили изъ виду, что литературная неудовлетворительность Шеллера была явленіемъ производнымъ и ею одною недостаточно объяснять неровности въ характерѣ Шеллера и «печаль его послѣднихъ лѣтъ». Корни его измученной души тянутся горяздо дальше редакціи тѣхъ или другихъ изданій и теряются въ позднѣйшей исторіи русскаго общества.

Шеллеръ гордо несъ свое литературное достоинство, но онъ мучительно чувствовалъ, что за послѣдніе годы люди по немногу умудряются забывать не только его лично, но и цѣлую «эпоху реформъ» и высокое настроеніе общества въ дѣлѣ «увѣнчанія зданія». На почвѣ столкновеній представителя крупной эпохи съ представителями позднѣйшей возникло горделивое одиночество Шеллера въ литературѣ за послѣдніе годы.

Съ этой точки зрѣнія можно было бы прослѣдить въ жизни Шеллера глубокую драму, обусловленную столкновеніемъ двухъ разныхъ эпохъ.

Въ дѣтствѣ на его характерѣ очень дурно отражались двойное воспитаніе въ семьѣ и вражда въ ней демократическихъ и аристократическихъ началъ. Затѣмъ, вслѣдъ за счастливыми годами, созрѣла въ Шеллерѣ литературная неудовлетворительность, осложнившая и безъ того его неровный характеръ. Шеллеръ чувствовалъ въ себѣ силы большаго писателя, а литературная безучастность и рознь среди единомышленниковъ загнали его въ «Живописное Обозрѣніе» и «Сынъ Отечества». Но сверхъ литературныхъ причинъ главнымъ образомъ на характеръ Шеллера болѣзненно дѣйствовалъ упадокъ въ обществѣ либеральнаго направленія и ростъ реакціи. Поэтому поводу у меня сохранилось любопытное письмо литератора А. К. Маликова, весьма характерное для оцѣнки Шеллера. Онъ писалъ мнѣ отъ 19-го января слѣдующее:

«Больной, желчный и даже очень озлобленный Шеллеръ весь ушелъ и жилъ воспоминаніями нашей славной эпохи, къ настоящей же его отношенія были только отрицательныя и потому мучительныя. Относясь къ настоящему, какъ къ времени упадка, измѣны и забвенія всего великаго, чѣмъ славна была эпоха реформъ, онъ уже не живетъ, а только кое-какъ волочитъ свою больную жизнь, занимается черной работой изъ за куска хлѣба, (какъ замѣчу и многіе дѣлаютъ изъ прежнихъ людей), оказываясь не подходящимъ для нынѣшняго строя. Но онъ справедливо гордъ, онъ не можетъ подлаживаться и идти на встрѣчу повымъ вѣяніямъ. «Не онъ, Шеллеръ, пойдетъ въ редакціи съ своими работами, а сами редакторы должны прійти къ нему», такъ выразились вы на мой вопросъ почему Шеллеръ не пишетъ въ толстыхъ журналахъ.

Шеллера забыли вмѣстѣ съ цѣлой эпохой реформъ, но требованія его, чтобы шли къ ней, конечно совершенно правы. Эта эпоха оставила богатое наслѣдство, совершенно неиспользованное и заброшенное наслѣдниками. Оцѣнка и разработка этого наслѣдства еще впереди потому, что нынѣшнія времена (я считаю съ 80-хъ годовъ) вовсе не оцѣнка его, а лишь только реакція, гдѣ напрасно искать справедливости.

Несчастіе Шеллера въ томъ, что онъ тянулъ еще долго свою не жизнь, а существованіе, въ это злое и неблагодарное время; но онъ тянулъ его, какъ и слѣдуетъ настоящему борцу, закупорившись, уйдя отъ всѣхъ. Онъ, съ желчью на языкѣ, съ презрѣніемъ и мучительной болью въ сердцѣ, мучился и умиралъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣми забытый и не любимый... И онъ долженъ былъ умереть, скажу я: слишкомъ онъ уже увѣровалъ въ свое призваніе, какъ человѣкъ 60-хъ годовъ, слишкомъ былъ исключителенъ даже въ смыслѣ этихъ 60-хъ годовъ и потому равнодушно и отрицательно проходилъ мимо такихъ именъ, какъ Л. Толстой или хотя Соловьевъ (а вѣдь они тоже 60-хъ и 70-хъ годовъ), не говоря уже о Бакунинѣ, Марксѣ и потому онъ и не былъ чреватъ будущимъ»...

Дѣйствительно и самъ Шеллеръ предчувствовалъ, что лучшаго будущаго ему не дождаться и что жить не стоитъ. Все чаще и чаще онъ говорилъ безотрадно о своей инвалидности и ждалъ смерти совершенно искренно, какъ избавленія отъ печали и слезъ.

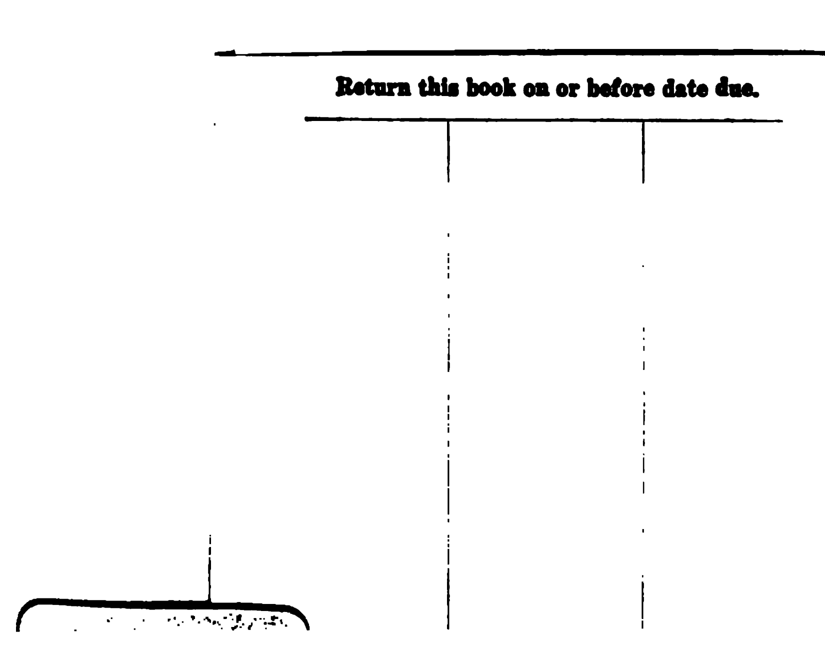
Необезпеченная старость и болѣзни только косвенно увеличивали трагизмъ Шеллера, выразившійся характерно въ его посмертномъ стихотвореніи, напечатанномъ въ январьской книжкѣ «Недѣли»:

Инвалиды жизни.

Мать моя молилась часто Богу
И всегда молилась объ одномъ,—
Чтобъ окончить во-время дорогу,
И не быть на свѣтѣ лишнимъ ртомъ.
Услыхалъ Господь молитву эту,
Мать отъ горькой старости Онъ спасъ,
И когда рыдалъ я—Онъ поэту
Въ утѣшенье указалъ на васъ,
Инвалиды жизни безотрадной,
Богадѣленъ бѣдные жильцы,
Злымъ врагомъ—судьбою безпощадной
Побѣжденные бойцы.
Вижу я, какъ съ видомъ униженья,
Въ одѣяньѣ жалкихъ бѣдняковъ,
Вы бредете изъ «домовъ призрѣнья»,
Изъ «убѣжищъ для дѣвицъ и вдовъ».
Въ безпорядкѣ вамъ на лбы нависли
Пряди бѣлыхъ, высохшихъ волосъ,
Нѣтъ у васъ въ глазахъ остатка мысли,
Но они воспалены отъ слезъ.
Ваши губы тихо шепчутъ что-то...
Бредъ безумный? жалобы? мольбы?
Слушать, право, нѣтъ ни въ комъ охоты
Васъ, къ труду негодные рабы.
Какъ, когда со сцены нашей жизни
Вы сошли—намъ, право, все равно:
Вы не нужны больше для отчизны,
Вы не нужны намъ уже давно.
Васъ давно другіе замѣнили
И справляться людямъ недосугъ,
Что въ былые годы вы свершили,
Сколько вы намъ принесли услугъ.
Мы идемъ впередъ безъ размышленій
О быломъ: что было, то прошло...
Такъ пловецъ бросаетъ въ раздраженьи
Раздробленное весло.
Васъ загнали въ общее жилище,
Всѣмъ одинъ придумали нарядъ,
Кормятъ васъ одной и той-же пищей,
Дисциплиной общей всѣхъ томятъ.

Злымъ и добрымъ, глупымъ и разумнымъ.
Взятымъ съ улицъ, выросшимъ въ семьѣ,
Пріученнымъ къ оргіямъ безумнымъ,
Жизнь прожившимъ въ мирной тишинѣ,
Обѣднѣвшей дочери разврата,
Обѣднѣвшей матери семьи,—
Всѣмъ одна отведена палата,
Всѣмъ готовы правила одни.
Все, съ чѣмъ жизнь давно васъ породнила,
Все, что вамъ вошло и въ кровь, и въ плоть,
Здѣсь подъ старость, на краю могилы,
Вы должны, какъ дѣти, побороть.

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 607

Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

